

Библиотека журнала «Голос Эпохи»

И.В. Васильев

**УКРАИНСКИЙ
НАЦИОНАЛИЗМ,
УКРАИНИЗАЦИЯ
И УКРАИНСКОЕ
КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА КУБАНИ**

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Научное издание

**Украинский национализм,
украинизация и украинское культурное движение
на Кубани
(вторая половина XIX – начало XXI века)**

*Работа выполнена в рамках проекта
«Этническая история и культу-ра украинцев Кубани».
НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор»*

Научный редактор : д.и. н., д.п.н. проф. Баранов А.В.

Рецензенты: д.и. н., д.п.н. проф. А.В. Баранов

к. и. н. А.И. Зудин

**«Традиция»
Москва 2014**

УДК 82.3
ББК 84

И.Ю. Васильев. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). – М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. – 336с.

ISBN 978-5-905074-98-1

Благодаря достижениям Российской империи украинцы расселились на огромных пространствах. От Чёрного моря до Тихого океана. Только вот желания создавать украинскую империю почти ни у кого нет. За исключением узкой группы горячих голов. Да и на большей части территории своего расселения украинцы не стремятся сохранять свою этническую идентичность. Не смотря отчаянные усилия украинофилов, проукраинские государственные кампании и популярность народной украинской культуры.

Автор этой книги отвечает на этот вопрос относительно Кубани. Которой Т.Г. Шевченко едва ли не прочил роль «украинского Пьемонта». А потом здесь проводили украинизацию по указке центра. Но украинская идентичность не прижилась.

Автор этой книги подробно раскрывает причины такой ситуации. Уникален временной охват работы с момента зарождения кубанского украинофильства в середине XIX столетия и по настоящее время. Которое, как мы знаем, богато политическими пертурбациями.

Эта книга написана на основе монографии «Украинское национальное движение и украинизация на Кубани 1917 – 1932 гг», которая широко известна в сети Интернет. При этом новая книга во много раз обширнее и охватывает неизмеримо больший временной промежуток.

© И.Ю. Васильев, 2014

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Монография И.Ю. Васильева подготовлена к печати по актуальной теме исторической науки. В настоящее время важно переосмыслить закономерности и особенности развития украинского национально-строительства, объяснить причины провала украинизации на Кубани в 1923–1932 гг. с учетом анализа впервые вводимых в научный оборот источников. Работа И.Ю. Васильева в силу кризиса украинской современной государственности представляет интерес не только для историков, но и для политологов, конфликтологов.

Рецензируемая монография представляет собой доработанное за счет расширения хронологических рамок анализа переиздание работы, вышедшей в 2010 г. Работа выполнена в рамках проекта «Этническая история и культура украинцев Кубани» НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор».

Полезно, что автор дает глубокий обзор историографии темы и источниковой основы своего исследования. И.Ю. Васильев сумел выявить ключевые публикации в каждом из историографических направлений и периодов, раскрыть новейшие тенденции развития исследований проблемы профессиональными историками. Особенно важно, что автор монографии ориентируется в современной украинской историографии и подвергает ее объективной критике. Достаточно полно проработаны и систематизированы И.Ю. Васильевым документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, Центров документации новейшей истории Краснодарского края и Ростовской области, а также материалы периодической печати и опубликованные материалы полевых этнографических исследований, статистические сведения Всесоюзной переписи населения 1926г.

Тема работы формулируется автором как «изучение столкновения национальной идентичности основной массы населения и идентичности, навязывавшейся ей узкой, но активной социальной группой». От себя добавим, что в современной этнологии применяется термин «этнические предприниматели / антрепренеры», характеризующий подобные группы интеллектуалов, чиновников, политизированной молодежи, которые целенаправленно конструируют проект нации и внушают его полиэтничным сообществам. Т.е., автор монографии на деле применяет парадигму конструктивизма в исто-

рической этнологии, хотя не всегда последователен в использовании соответствующего сложившегося понятийного аппарата. Правильнее было бы писать об этнической идентичности (самосознании) великороссов, малороссов, украинцев, как и различных переходных состояний идентичности. На наш взгляд, национальной может применительно к теме быть названа российская идентичность, а украинская (и во второй половине XIX в., и в XX в.) не была еще сформирована и не получила сколько-нибудь массовой поддержки вплоть до распада СССР. Однако автор монографии имеет право отстаивать свою позицию, не снижающую научных и гражданских качеств его работы.

На основании вышеизложенного рекомендую монографию И.Ю. Васильева «Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI веков)» к печати.

28.03.2014.

Доктор политических наук, доктор исторических наук,
профессор кафедры политологии и
политического управления ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный университет»
А.В. Баранов

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В настоящее время все большую актуальность приобретает точное установление национальной принадлежности коренных жителей Кубани, языка, на котором они говорят. Теперь подавляющее большинство восточных славян Кубани, включая потомков первооселенцев, – русские, говорящие на русском языке. Подобное утверждение базируется на точных этнографических данных, собранных и осмысленных такими этнографами, как Н. И. Бондарь (1). Но их национальная идентичность не всегда признавалась властями. Это было в период украинизации 1920–1930 гг. Сомнения в русскости кубанцев звучат и на современной Украине. Например, такого мнения придерживается историк С. В. Кульчицкий. Раздаются призывы к возобновлению привития кубанцам украинской идентичности (2). То, что большинство кубанских казаков было украинцами, утверждают и некоторые историки в Краснодарском крае.

Автор во многом согласен с точкой зрения Н. И. Бондаря о том, что собственно украинцами на Кубани были по преимуществу жители относительно этнически чистых украинских крестьянских сел, таких как Новопавловка (3). Но в рассматриваемый в монографии период – первая половина XX века – украинцы на Кубани были также представлены отдельными лицами, проживавшими в различных населенных пунктах (как местными, так и приезжими). Среди них были и представители интеллигенции. Именно из их числа вышли активисты украинского национального движения и украинизации.

Главная тема работы – изучение столкновения национальной идентичности основной массы населения и идентичности, навязывавшейся ей узкой, но активной социальной группой. Пропаганда украинской идентичности в дореволюционный период и в наше время проводилась «на общественных началах». Во время Гражданской войны и последующей кампании украинизации пользовалась правительственной поддержкой. Кубанцам удалось отразить попытку изменить свою национальную идентичность. Необходимо также проанализировать причины их успеха.

Таким образом, монография посвящена дореволюционному

движению кубанских украинофилов, украинизации на Кубани – последовательному внедрению украинского языка и культуры во все сферы жизни населения, проводившемуся органами государственной власти в период 1920–1932 гг., а также деятельности современных украинских организаций в регионе.

В работе затронут и период Гражданской войны, когда украинское национальное движение и украинская культура стали быстро развиваться.

Рассмотрена украинизация как формирование у населения Кубани украинской идентичности средствами государственной политики. В частности, программа украинизации и условия, предопределившие ее появление; украинизация в сфере административно-территориального управления, языка и письменности, в области культуры, образования и науки, кадровая политика периода украинизации, отношение населения к проводимой кампании.

Примечания

1. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 128–143.

2. Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.); Авраменко А. М. Третий сборник «Кубань – Украина» и некоторые проблемы кубанской украинистики // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С. 15–25.

3. Бондарь Н. И. Что мы знаем о друг друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед, 1990. С. 146.

1. УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ, КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ И УКРАИНИЗАЦИЯ НА КУБАНИ В XIX – XXI ВЕКАХ: ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Открывая историографию книги прежде всего нужно отметить основополагающие работы видного исследователя А. Каппелера, которые наглядно показывают специфику малороссийской (украинской) идентичности в Российской империи, ее структуру и условия её изменения (1), которые случались весьма нередко, как с отдельными малороссами, так и с их группами. Эта же специфика рассматривается в работах А. И. Миллера. Этот автор, так же как И. В. Михутина, показывает специфику субкультуры украинофилов в Российской империи в целом, ее относительную немногочисленность и изолированность (2).

Работа известного специалиста по истории Украины Е. Ю. Борисёнок «Феномен советской украинизации» является одной из очень немногих специальных монографий по данной теме. Однако она в основном посвящена проблеме украинизации на территории восточных областей Украины, где был распространен русский язык и восточные диалекты украинского.

В ней представлены обобщения по некоторым проблемам, характерным для украинизации вообще: это сравнительная узость социальной базы украинизации, негативное или равнодушное отношение к ней массы сельского населения, вопрос соотношения литературного языка и местных говоров, недостаток украиноязычных партийных работников. С помощью данной монографии можно выявить различия и особенности в проведении украинизации на Украине и на Кубани. Это разница в сроках, в степени укорененности украиноязычного образования.

Монография Е. Ю. Борисёнок ясно и подробно показывает внутри- и внешнеполитические причины украинизации, ее социальный контекст (3).

Статьи видного исследователя советской национальной политики Т. П. Хлыниной дают представления о тех общих основаниях, на которые опирался украинизаторский курс властей непосредственно

на Северном Кавказе. Автор считает, что украинизация проводилась в русле политики коренизации, стремлении привлечь представителей национальных меньшинств к активной работе в органах советской власти, и через это – к ее сознательной поддержке. Исследователь на конкретных примерах демонстрирует несоответствие политики украинизации реальному этническому самовосприятию населения. Статьи содержат сведения о численности украинского населения. Исследователь также уделяет немало внимания современной жизни украинских диаспор на Юге России (4).

Актуальные моменты историографических дискуссий по теме этнической идентичности украинцев Кубани, этнополититологический анализ сложносоставной идентичности кубанских потомков украинцев освещаются в работах историка и политолога А. В. Баранова (5).

Ростовский исследователь В. А. Матвеев справедливо подчеркивает, что на территориях совместного расселения восточнославянских этносов быстро стираются межэтнические перегородки и возникает единая культурная среда. Особенно если это происходит на вновь колонизируемых территориях (6). Видный кубанский этнолог Н. И. Бондарь обосновал это положение на основе богатого этнографического материала. Он также убедительно показал наличие постепенной естественной «деукраинизации» культуры восточнославянского населения Кубани (7). По данным анализа этнического состава черноморского казачества предпосылки этого явления назревали, начиная с начального этапа существования войска благодаря его полиэтничности (8).

Статья Н. И. Бондаря «Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани» показывает специфику эволюции этничности кубанских казаков-черноморцев – от украинской к русской. Смена этничности происходила вместе с формированием единого Кубанского казачества как субэтноса русского народа. Высокую степень интегрированности русской и украинской фольклорной традиций на Кубани автор убедительно демонстрирует на конкретных примерах (9).

Однако украинские историки нередко придерживаются иного мнения. Украинская «неогосударственная» историко-этнографическая школа уделяет немало внимания Кубани как территории тради-

ционного расселения украинцев. Бурно развивается и историческое казакведение, нередко переплетающееся с собственно украиноведением и «кубанистикой». Появились и объемные монографии, посвященные этноисторическим процессам в регионе. Среди них – монография Д. Д. Билого «Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей» (10).

В целом работа Д. Д. Билого, а это докторская монография, недостаточно фундирована. В ней крайне мало и поверхностно задействованы работы российских специалистов по истории Кубани, материалы кубанских и других российских архивов (11).

Масса откровенных натяжек и неточностей содержится в описании истории кубанского образования, которую автор неоднократно затрагивает. Развитие во второй половине XIX столетия кубанской школьной системы он почему-то связывает с «украинством». Хотя полностью русскоязычная школа никакого отношения к нему не имела (12). Осторожную «декларацию о намерениях» по открытию украинских школ на Кубани, высказанную участниками кружка Я. Г. Кухаренко, Д. Д. Билый объявил «украинскими школами», которые на деле никем нигде не зафиксированы (13).

Исследователь утверждает, что в период Гражданской войны на Кубани появились вполне реальные украинские школы (14). Однако источники показывают, что дело создания украинской школы на территории белой Кубани не шло дальше деклараций и единичных экспериментальных проектов. В первую очередь – из-за желания родителей учеников сохранить русскоязычное образование.

Автор пишет, что учительская семинария в станице Полтавской была украинизирована по решению станичного схода 7 мая 1919 г. (15). На деле к украинизации семинарии никто еще не приступал в августе 1919 г. Дирекция семинарии только направила в Ведомство просвещения предварительный запрос, как украинизироваться, и надо ли вообще. А в марте 1920 г. власть белых на Кубани пала. На деле реальное украиноязычное учебное заведение было официально создано 17 августа 1921 г. в виде украинского педтехникума, работа которого была по-настоящему налажена в течение 1921–1924 гг. уже большевиками.

Подобные ошибки и натяжки вообще характерны для работ Д. Д. Билого.

Работа автора тяготеет к трудам той части украинской «неогосударственной школы», представители которой активно занимаются исторической политикой. «Украинская историография нациестроительства и этнической идентичности развивается по модели «периферийного национализма», предполагающей «гиперпозитивный» образ своей общности, слабость теоретических моделей и, соответственно, компенсаторную роль мифотворчества и «образ врага» в историческом самосознании», – характеризует это историографическое направление А. В. Баранов (16).

Такой была и более ранняя монография Д. Д. Билого «Малиновый клин», которая является характерным образцом современной украинской историографии. Работа посвящена истории украинского населения Кубани, преимущественно черноморских казаков. Она предельно идеологизирована и имеет ярко выраженную антироссийскую окраску. В книге игнорируются многие важные факты, другие подаются весьма тенденциозно. Большинству кубанцев периода украинизации автор однозначно приписывает украинскую национальность. Детальный анализ ситуации в ней зачастую подменяется необъективными оценочными суждениями. Выводы исследования весьма поверхностны. Вместе с тем в работе можно найти ряд интересных сведений по истории кубано-украинских отношений периода Гражданской войны и советской украинизации Кубани (17).

«Исторической политикой» в области истории кубанского украинофильства и украинизации Кубани занимается В. И. Сергейчук. Он делает это на гораздо более серьезном и обширном историческом материале. Автор берется за самые разные темы в рамках «истории национально-освободительной борьбы украинцев». Это и история Запорожской Сечи, и УПА, и история украинизации в разных регионах РСФСР. Исследователь пользовался «украинскими» хранилищами документов США и Канады. В. И. Сергейчук – один из ведущих историков-архивистов Украины. Большую часть его текстов состоит из обширных документальных цитат, которые являются объективным достоинством работ В. И. Сергейчука.

Хотя его теоретические установки принципиально не отличаются от таковых у Д. Д. Билого, Сергейчук избегает откровенных натяжек и искажений, характерных для Д. Д. Билого. Исследователь использует массу источников и литературы по истории украинцев Кубани, малоизвестных в России (18).

Еще один украинский ученый – С. В. Кульчицкий – показывает в своей работе некоторые причины начала украинизации (давление националистически настроенных украинских коммунистов во главе с М. Скрыпником и его предшественником Шумским, направленное либо на отторжение ряда местностей от РСФСР и передачу их Украине, либо на украинизацию их населения, на завершение внутривнутрипартийной борьбы и необходимость культурной унификации в государстве), географические рамки украинизации на территории РФ, такие ее факторы, как выдвижение украинцев в состав местного руководства. По мнению С. В. Кульчицкого, стремление национально ориентированных украинских коммунистов к проведению украинизации полностью опиралось на энтузиазм масс населения указанных территорий. Данный тезис и у этого исследователя не подкреплён достаточным количеством источников и опирается на общие официальные декларации периода проведения кампании. При этом исследователь преувеличивает степень эффективности и популярности украинизации. Говоря о них, он указывает на официальное обоснование начала проведения кампании и меры центральных властей, а не на сами результаты (19).

Огромное значение имеют работы известного кубанского литературоведа В. К. Чумаченко, посвященные истории украинской литературы на Кубани, как в дореволюционный, так и в советский период. Другими авторами это важное этнокультурное явление исследовалось в гораздо меньшей степени. В статьях В. К. Чумаченко рассматривается история украиноязычной кубанской литературы, ее специфика на разных этапах развития, влияние на неё социально-политического контекста эпохи, эволюция кубанской прессы (20).

Многочисленные, очень содержательные, работы А. И. Феединой подробно описывают жизнь кружка первых украинофилов-малороссов на Кубани – Я. Г. Кухаренко и его семьи. В них можно найти как описание их культурной деятельности, так и ее социального контекста (21). В трудах исследователя также отражены и другие важные аспекты культурной жизни на Кубани середины XIX столетия (22).

В трудах Т. Ю. Феединой описана культурная составляющая деятельности кубанских украинофилов рубежа XIX–XX веков (23).

Уникальные работы А. И. Слуцкого позволяют судить о специфике распространения на Кубани в дореволюционный период украинской книги, понять уровень и круг спроса на неё (24).

Говоря об историографии украинизации и украинского национального движения на Кубани в 1917–1932 гг., прежде всего необходимо отметить публикации, описывающие период Гражданской войны. Их немного. В основном они посвящены политическому и аспекту украинизации. В гораздо меньшей степени эти работы затрагивают культурную специфику.

В своей статье «Февральская революция и активизация национального движения на Северо-Западном Кавказе» О. А. Леусян на конкретных примерах показывает стремительный рост национальных движений и национального самосознания на территории Кубанской области и Черноморской губернии. Она описала резкий рост активности украинских национальных деятелей на Кубани. Он выразился в политической активности и консолидации украинских национальных сил, а также в активности в издательской и образовательно-просветительской сферах (25).

Необходимо отметить и статью И. М. Скибицкой и С. В. Самовтора «Проблемы украинизации Кубани в период Гражданской войны: по материалам государственного архива Краснодарского края». В статье описаны как образовательные и этнокультурные проекты украинофилов, так и яркие случаи из политической жизни того периода, связанные с ними. В конце статьи приведены целиком несколько интересных архивных документов по теме украинофильства (26).

В период украинизации 1920–30-х гг. об украинском вопросе было написано очень мало работ, выходящих за рамки газетно-журнальной публицистики. Одна из них – книга З. Островского «Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР». В ней приводится теоретическое обоснование необходимости проведения украинизации на основе решения партийных органов. Здесь также можно найти некоторые статистические данные по расселению украинцев на Северном Кавказе. В работе приводятся и некоторые обоснования, приводимые против проведения украинизации (ее несоответствие запросам населения). Препятствия, с которыми она сталкивается, следующие: противодействие местного государственного и партийного аппарата, интеллигенции; представление об особой кубанской идентичности (27).

Особый интерес представляет статья А. Коблянского «Культурно-просветительская работа среди украинцев». Она написана совре-

менником и участником украинизации. Автор участвовал в реорганизации украинского педагогического техникума в 1921 г. (28).

В ней приводятся статистические сведения о количестве украинских школ Кубани (1922–1923 гг. – 35 школ; 1923–1924 гг. – 113; 1924–1925 гг. – 150 и т. д.), обозначены основные проблемы, с которыми сталкивались организаторы процесса украинизации: такие как недостаточное сочувствие населения и местных властей, недостаток подготовленных учительских кадров. А. Коблянский приводит сведения об украинском культурно-просветительском движении периода Гражданской войны. В соответствии с идеологическими установками своего времени он возложил вину на трудности, с которыми сталкивалось это движение, на руководство белой армии (29).

В основном же исторические работы по тематике украинизации создавались уже в постсоветский период (в 1930–1980 гг. она была под запретом).

В. Н. Ракачевым было проведено статистико-демографическое изучение украинцев Кубани. Приведенные исследователем данные ярко свидетельствуют о значительной численности украинцев на Кубани, особенно в сельской местности. Вместе с тем большое число украинцев уже в 20-х гг. XX в. считало своим родным языком русский. А во второй половине 30-х гг. число кубанцев, считавших себя украинцами, стремительно сокращается. Интересные данные о динамике численности украинцев на Кубани в 30-е гг. XX в. и причинах ее изменения содержатся в монографии В. Н. Ракачева и Я. В. Ракачевой «Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование», посвященное комплексному изучению демографических процессов в регионе (30).

М. В. Мирук составила периодизацию украинизаторской политики властей. Начало первого этапа активной украинизации она относит к 1924 г., когда украинизация в основном имела место в сфере образования. Начало жесткой тотальной украинизации, включающей перевод на украинский язык делопроизводства органов власти, исследователь относит к 1928 г. К сожалению, автор периодизации уделила мало внимания более ранним событиям, таким как районирование (31).

В статье О. В. Бершадской «Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг.» описан основной этап

проведения украинизации. Статья содержит краткое описание литературы и источников по теме. Автор рассматривает такие аспекты проблемы, как решения органов центральной власти, определившие ход украинизации; саботаж украинизации на местах (в основном в местных советах) и отношение к ней населения. Украинизация показана в контексте взаимоотношения власти и казачества. Ошибкой автора является применение псевдоэтнонима «кубанские хохлы» почти исключительно к казачеству. На самом деле он относился преимущественно к иногородним и некоторой части «приписных» казаков (32).

Работа И. Г. Иванцова, посвященная деятельности органов партийного контроля на Кубани, дает своим читателям интересные факты и обобщения по проблеме украинизации. Саму украинизацию автор ограничивает десятилетием между 1922 и 1932 гг. При этом выделяет наиболее активный и агрессивный этап в последние четыре года. Автор приводит ценные сведения о сопротивлении насильственной украинизации на местах, ее причинах и борьбе с ней краевых и центральных властей. И. Г. Иванцов касается также процесса свертывания украинизации и сопровождавших ее мероприятий (таких как репрессии против партийцев-украинизаторов). В книге затронута проблема эксплуатации украинскими националистами представления о прекращении украинизации как целенаправленной против антиукраинской политики, достигшей кульминации во время голодомора (33).

В статьях Ф. Д. Климчука «Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.)» и Т. П. Хлыниной «Русские, великороссы и украинцы...: методика подсчета и численности украинского населения в Адыгее в 1920-е гг.» поднята проблема национального состава российских регионов с украинским населением в 1920-е гг. В работе Ф. Д. Климчука опубликованы статистические данные о численности и процентной доле украинцев по всем местностям Европейской России, где они компактно проживали на момент проведения переписи населения 1926 г. (34).

С. С. Миронин, автор книги «Голодомор» на Руси», не является профессиональным историком. Он – публицист-полемист, автор книги со своей трактовкой причины голода 1932–1933 гг. Тем не менее он высказал свою точку зрения по поводу причин начала украинизации. По его мнению, она – результат лоббирования влиятельной во

всесоюзном масштабе украинской партийной верхушки. Основываясь на фактах, С. С. Миронин утверждает, что население Кубани в целом враждебно отнеслось к украинизации. При этом он указывает, что там, где украинизация достигла каких-либо успехов, наблюдалась враждебность к советской власти (35).-

Необходимо упомянуть и те исследования, которые раскрывают перед нами этнокультурные причины, которые во многом предопределили судьбу украинизационного проекта. Они в основном касаются этнографии и культуры Кубани, голода и смены населения региона в 1930-х гг.

В фундаментальной коллективной монографии «Кубанские станции. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани» сделана попытка комплексного описания этнографии восточнославянского населения региона и ее эволюции. Помимо всего прочего, в ней содержатся интересные сведения по этнической истории украинцев Кубани. Прежде всего, они касаются динамики изменения кубанских говоров и территориальной специфики этнического самосознания кубанцев. Авторы монографии на конкретных примерах показывают, что украинцы, прибывающие на Кубань, уже в первом – втором поколениях зачастую приобретали стойкую великорусскую идентичность. В работе также частично показана специфика заселения кубанских станиц переселенцами из других регионов, которое имело место после голода 1933 г. Указаны метропольные территории, с которых приезжали поселенцы, количество приезжих и годы их расселения. Авторы монографии имели возможность более подробно отследить влияние голодомора и последующих миграций на этнодемографическую ситуацию на Кубани. Однако идеологический диктат советского времени помешал исследователям подробно остановиться на этой проблематике (36).

Вопрос о заселении кубанских станиц после голодомора был поднят в статье Н. С. Тарховой «Участие Красной армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932–1933 годов». Он рассмотрен на таком ярком примере, как станица Красноармейская (ранее – Полтавская) (37).

В. В. Криводед в своей краеведческой книге об истории села Львовского приводит примерные данные о числе жителей этого населенного пункта, умерших во время голодомора. Также автор отме-

чает, что село, первоначально заселяемое украинцами, с появлением среди жителей представителей других этносов быстро потеряло украинскую культурную специфику (38).

В статье «Был ли геноцид украинского народа на Кубани?» Е. О. Кубякин приводит статистические сведения о численности украинцев и русских на Кубани в период украинизации, а также данные профессора Е. Н. Осолкова о количестве депортированных с Кубани в годы коллективизации. По мнению Е. О. Кубякина, быстрый рост русского населения Кубани и изменения его процентного соотношения с украинским объясняется не результатами депортации и голода 1933 года, а притоком поселенцев (39).

Информацию о специфике украинской культурной политики и украинской культуры на Кубани, упоминание о фактах культурной и политической жизни можно найти в работах А. Н. Еремеевой. Здесь также имеются сведения об участии властных структур независимой Украины времен Гражданской войны в культурной жизни региона, прессе «украинского» направления, деятельности украинских театров и музыкальных коллективов на Кубани в указанный период (40).

Работы М. Р. Струговой являются единственным описанием истории украинского театра Кубани в период украинизации. Преимущественно в них идет речь об украинском театре имени Т. Г. Шевченко, который находился в Краснодаре. Автор упоминает о наиболее ярких деятелях украинского театра, значимых событиях в его истории, специфике репертуара и стиле режиссуры (41).

Вышедшая в Краснодаре статья украинского исследователя А. Ф. Нырко «Зот Диброва, рыцарь кубанского кобзарства» описывает биографию и творческую деятельность самобытного музыканта на фоне эпохи. В ней содержатся интересные сведения о культуре и культурной политике на Кубани периода Гражданской войны и украинизации. Они даны сквозь призму творческой биографии выдающегося кубанского бандуриста З. А. Дибровы. При этом в статье можно найти некоторые необоснованные утверждения. «Это тот украинофоб, который всех бандуристов и украинских учителей расстреливал без суда и следствия», – пишет автор об А. И. Деникине (42).

Говоря об источниках, в первую очередь необходимо отметить материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В них можно найти не только сравнительную числен-

ность малороссов и великороссов Кубани, но и распределение представителей этносов по сословной принадлежности и роду занятий (43).

Большую ценность имеют мемуары и путевые дневники украинских писателей Кубани, опубликованные В. К. Чумаченко в журнале «Родная Кубань». Они содержат важные сведения как о литературной жизни региона, так и о социально-политической ситуации и этнографических реалиях. Здесь затронута повседневная жизнь станиц, деятельность местного аппарата государственной власти, столкновение традиций и современности в образе жизни станичников периода проведения украинизации (44).

Других изданных источников по теме украинизации относительно мало. Это, прежде всего, сборник документов «Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани», в котором можно найти общие описания деятельности украинского национального движения периода Гражданской войны и первых мероприятий советской украинизации. Имеются статистические данные о степени украинизированности школ Кубани. Приведены примеры саботажа украинизации и мер борьбы с ним. К сожалению, данный сборник документов не полон и имеет весьма небольшой объем. В нем недостаточно освещена культурно-просветительская и партийная работа по линии украинизации, материалы партийных органов, описывающие украинизационные мероприятия (45).

Среди мемуарных источников нужно особо отметить воспоминания известного этнографа-кавказоведа Л. И. Лаврова, школьные годы которого прошли в станице Пашковской. В них описана ситуация противостояния украинских националистов и белого правительства, отношение простых казаков к заметным фигурам, олицетворявшим политические направления (46).

Отдельно среди источников нужно обозначить краеведческие публикации. Среди краеведческих работ нужно особо отметить статью краеведа-журналиста В. Харченко «Мы начинали на хохляцком и первый трактор был «Фордзон». В ней описана украинизация в отдельно взятом районе (Северском). В статье показан тот культурно-политический контекст, в рамках которого проходила украинизация, прежде всего украинизация местной прессы, потом образования и делопроизводства (47).

Особый интерес представляет кубанская пресса. В ней зафиксированы решения местных властей по вопросам украинских школ и культурных учреждений, рассказывается об украинских культурных мероприятиях. На страницах газет находил свое отражение интерес кубанцев к событиям на Украине (48). Самое информативное издание из них – «Вольная Кубань» (49). Можно назвать и другую газету – «Свободная Кубань». В этих изданиях украинской тематике уделялось особенно много внимания. Порой это внимание было непропорционально большим. Дело в том, что в руководство «Свободной Кубани» входили такие видные украинофилы, как В. В. Скидан. Они старательно рекламировали все, связанное с украинским национальным движением на Кубани и на Украине. Так, событиям в Киеве иногда целиком отдавалась рубрика «По нашему краю» (50).

В изданиях советского периода отражены мероприятия украинских культурных организаций, ход украинизации, проблемы, возникшие в ходе ее проведения (51). Это такие газеты, как «Красное знамя» (г. Краснодар) и «Армавирская коммуна» (г. Армавир) (52). Можно отметить также издававшуюся в Ростове-на-Дону газету «Молот». В ней освещены официальные директивы и мероприятия, имевшие отношение к украинизации (53). Все они отличаются ярко выраженной политической ангажированностью. Это в первую очередь необходимо учитывать при анализе их материалов.

Что касается украиноязычной прессы постсоветского периода, то с начала 1996 до 2007 г. выходила газета «Висник» самиздатского типа (до 2005 г. вышло 44 номера). В газете печатались сообщения о мероприятиях, проводимых современными украинофилами, анонсы и отчеты (54), а также интересные исторические и литературоведческие заметки, такие как статьи к юбилеям украинских писателей конца XIX – начала XX в., преимущественно авторства В. К. Чумаченко (55); публиковались архивные документы о жизни и деятельности кубанских украинофилов конца XIX – начала XX в. (3) и архивные материалы по украинизации Кубани, например системы образования (56). В первой половине 1990-х гг. выпускалось украиноязычное приложение к газете «Вольная Кубань». В тот же период издавалась газета «Казацкое слово». Газета была самиздатской, выпускалась крайне небрежно и на очень плохой бумаге. Позиция ее редакции – это специфический пример одновременно казачьего и украинского национализма (57).

Именно среди газетных публикаций автором было введено в научный оборот достаточно большое число новых источников.

Материалы Государственного архива Краснодарского края периода Гражданской войны содержат сведения о действиях и мировоззрении украинофилов-самостийников, отношении к ним рядовых кубанцев. Они отражают и досоветские попытки украинизации кубанских школ, а также ее украинизацию при советской власти (58). Это фонд № Р-5 «Ведомство Народного образования Кубанского краевого правительства», фонд № Р-158 «Кубано-Черноморский краевой революционный комитет», № 470 «Дирекция народных училищ Кубанской области», № Р-861 «Первая украинская школа № 12», № Р-1542 «Кубанская законодательная Рада», № Р-1577 «Исполнительная комиссия Приморско-Ахтарского районного совета депутатов трудящихся», № Р-1682 «Коллекция документов писателей и журналистов Кубани».

В фондах архива также можно найти разнообразную информацию о различных сторонах деятельности украинских учебных заведений Кубани, таких как украинский педтехникум в станице Полтавской, Первая украинская советская школа № 12 (59). Есть и немногочисленные дела начала 1930-х годов по украинизации некоторых учреждений народного хозяйства (60).

Архивные материалы Центра хранения документации по новейшей истории Краснодарского края дают наиболее полное представление об этапах украинизации, мерах, направленных на ее проведение и о проблемах, с которыми сталкивались при её реализации (61). Это такие фонды, как фонд № 1 «Кубано-Черноморский обком ВКП(б)», № 8 «Кубанский окружной комитет ВКП(б)», № 9 «Черноморский (Новороссийский) комитет ВКП(б)», № 12 «Армавирский окружной комитет ВКП(б)», № 1774-Р «Коллекция документов по истории Кубани», № 1776 «Азово-Черноморская краевая (национальная) совпартшкола им. Сталина».

Материалы Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) представлены фондом № 7 «Материалы краевого комитета ВКП(б) Северо-Кавказского края». Они полезны для исследователя украинизации Кубани прежде всего потому, что среди них можно обнаружить документы, регламентирующие вопросы, связанные с украинизацией, на территории всего Северо-Кав-

казского края (62). Также в их числе можно найти коллекции сведений о ходе украинизации, составленные для краевых властей (63); переписку по вопросам работы кубанских учреждений, связанных с проведением украинизации и имеющих краевое подчинение (64). В многочисленных фондах местных партийных и в меньшей степени комсомольских организаций можно найти решения партийных и комсомольских пленумов и совещаний начала 1930-х гг., где порой очень бегло, но все же упоминаются мероприятия по украинизации. В них же содержатся сравнительно редкие упоминания об украинцах в связи с нацменработой, приветственные письма к партийным форумам на украинском языке (65).

Работая с этими документами, необходимо иметь в виду некоторые их особенности. Так, в официальных решениях партийных органов часто преуменьшается неприятие населением украинизации, преувеличивается поддержка кампании «пролетариатом и беднейшим крестьянством». Намеченные в центре и спускаемые «сверху» директивы обосновывались якобы «желанием масс». Волеизъявление последних либо «организовывалось» с помощью пропаганды и административного давления, либо сообщения о нем попросту фабриковались.

Но властям были необходима и точная, нелицеприятная информация, которая также содержится в этих документах (66).

Украинизация и последовавшие за ней культурные и этносоциальные изменения отразились и в воспоминаниях старожилов кубанских станиц. Они были зафиксированы во время ежегодных фольклорно-этнографических экспедиций Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» (67). Их сравнительно немного. Воспоминания о языке преподавания в школе, языке вывесок официальных учреждений сохранились в тени памяти о более значимых событиях, таких как коллективизация (68). Поэтому это эпизоды, всплывшие в ходе беседы на другие темы. Особую ценность представляют рассказы старожилов, зафиксировавшие этнокультурную ситуацию, складывавшуюся в кубанских станицах в первой половине XX в., этническое самосознание кубанцев (69). Что касается исследователей, занимавшихся сбором полевых материалов по устной истории, то нужно особо отметить О. В. Матвеева и др.

Итак, историографию украинского национального движения

и украинизации 1917–1932 гг. на Кубани можно разделить на работы, относящиеся непосредственно к теме, и работы, затрагивающие этнодемографические процессы на Кубани первой половины XX в.: коллективизацию и голод 1933 г., проблемы истории кубанской культуры. Большинство из них было создано уже в постсоветский период. Но есть немногочисленные издания советского периода. Можно выделить подборку отдельных статей, где затрагивается общеполитическая канва украинизации и отдельные частные вопросы (демография украинцев Кубани, переселение в опустевшие станицы после голодомора). Существует несколько монографий, которые затрагивают процесс украинизации и этнокультурные процессы на Кубани. Наиболее информативными можно считать книгу И. Г. Иванцова «Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934» и коллективную монографию «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». Наряду с трудами российских ученых можно отметить современные украинские публикации. Последние отличаются значительной политизированностью. Все статьи и монографии охватывают только отдельные аспекты исследуемого явления. Комплексного описания украинизации и украинского национального движения не выявлено.

Среди источников на первое место по важности можно безоговорочно поставить архивные и газетные материалы. За ними идут мемуары. Завершают перечень устноисторические источники.

Примечания

1. Каппелер А. Мазепинцы, малроссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 138.; Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // A Kappeler (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990. S. 21.

2. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

3. Борисенок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006.
4. Хлынина Т. П. Политика украинизации Кубани: 20–30-е годы // Дикаревские чтения (4). Белореченск. 1998.; Она же: Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1.; Хлынина Т. П. Поймут ли славяне славян: о некоторых моментах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области // Проблемы новистики и исторического славяноведения (памяти Сергея Вадимовича Павловского). Краснодар, 2010; Хлынина Т. П., Курбат Т. Г. «В этой истории я чуть имею, как говорят, корни»: практика институционализации украинской диаспоры Ростовской области и ее особенности // Украинцы Юга России. Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013.
5. Баранов А. В. Демографическое эхо войн 1914–1922 годов: украинский фактор в социальном и политическом развитии Юга России первой трети XX в. // Великая Отечественная война в контексте истории XX века. Краснодар, 2005. С. 17; Баранов А. В. Особенности формирования украинской историографии нацистского строительства и этнического самосознания в конце XX – начале XXI вв. // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей. Краснодар, 2013.
6. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008.
7. Матвеев В. А. Единая Русь «разметнулась на полсвета»: особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1.
8. Фролов Б. Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. Краснодар, 2005. С. 79–80.
9. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008.
10. Білий Д. Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009. С. 377–342.
11. Білий Д. Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009. С. 383.

12. Білий Д. Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009. С. 415–416.

13. Білий Д. Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009. С. 404–417.

14.* Білий Д. Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009. С. 35–45, 375–445.

15. Білий Д. Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009. С. 426–437.

16. Баранов А. В. Особенности формирования украинской историографии нациестроительства и этнического самосознания конце XX – начале XXI вв. Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей. Краснодар, 2013. С. 142–143.

15. Белый Д. Д. Малиновый клин. Киев, 1994.

17. Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К., 2000.

18. Кульчицкий С. В. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.).

19. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция Кубанского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992; Он же: К истории первого украинского книжного магазина на Кубани // Историческая мысль Кубани на пороге тысячелетия. Краснодар, 2000; В. Ч. Памяти Дмитра Нитченко // Родная Кубань. 1999. № 4.

20. Федина А. И. Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. Краснодар, 2004. С. 48–53.; Федина А. И. Украина в жизни первого Кубанского писателя Я. Г. Кухаренко // <http://kuban-ukraine.org/ru/fedina.html> (дата обращения – 11. 02. 2014); Федина А. И. Александр Кухаренко и его письма // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 1. С. 17.

21. Федина А. И. Черноморцы в императорской капелле // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 2. С. 19–20.

22. Федина Т. Ю. Первые попытки увековечения памяти Т. Г. Шевченко на Кубани (дореволюционный период) // <http://uadocs.exdat.com> (09. 07. 2013); Федина Т. Ю. Актрисы передвижных украинских театров в восприятии кубанских зрителей (конец XIX – начало XX вв.) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013.

23. Слущкий А. И. К истории книгораспространения и книжной торговли на Кубани до 1863 года // Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Краснодар, 2013; Слущкий А. И. Библиотечный каталог как источник по истории книжного дела региона, или кубанская тематика в личной библиотеке Б. Д. Гринченко // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013.

24. Леусян О. А. Февральская революция и активизация национального движения на Северо-Западном Кавказе // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность. Краснодар, 2008. С. 150.

25. Скибицкая И. М., Самовтор С. В. Проблемы украинизации Кубани в период Гражданской войны по материалам Государственного архива Краснодарского края // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013. Вып. VII.

26. Островкий З. Проблемы украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931.

27. Коблянский А. Культурно-просветительская работа среди украинцев // Из опыта педагогической работы на Кубани. Краснодар, 1926.

28. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1; Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. Краснодар, 2007. Т. 2.

29. Мирук М. В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.

30. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 121–124.

31. Иванцов И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008. С. 187–201.

32. Климчук Ф. Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Красно-

дар, 2008. Вып. 3. С. 257–285.; Хлынина Т. П. Русские, великороссы и украинцы...: методика подсчета и численности украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С.287–291.

33. Миронин С. С. «Голодомор» на Руси. М., 2008. С. 51, 55.

34. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М. 1967.

35. Тархова Н. С. Участие Красной армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932–1933 годов // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 40.

36. Криводед В. В. История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002. С. 46, 63.

37. Кубякин Е. О. Был ли геноцид украинского народа на Кубани в 1930-х годах? // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2007. Вып. 2.

38. Еремеева А. Н. Между прошлым и будущим (художественная жизнь Кубани в годы революции и Гражданской войны). СПб., 1996; Еремеева А. Н. Художественная жизнь Юга России в условиях гражданского противостояния (1917–1920 гг.): содержание и тенденции развития. Автореферат докт. дисс... М., 1999.

39. Стругова М. Р. Украинский театр на Кубани начала и первой половины XX в. Краснодар, 1996. С. 4–5.; Она же. Украинский театр на Кубани в первой половине XX в. (по материалам КГИАМЗ) // Первые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 1999. С. 84.

40. Нырко А. Ф. Зот Диброва, рыцарь кубанского кобзарства // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 136.

41. Кубанская область // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. СПб., 1905. Т. 15.

42. Вольняк П. Кубань – земля казачья // Родная Кубань. 2002. № 3; Барка В. Кубанский холокост // Родная Кубань. 2002. № 3.

43. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. Краснодар, 1991.

44. Лавров Л. И. Канун революции и Гражданская война на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянско-го населения Кубани. Краснодар, 1999.

45. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая.

46. Александрова В. П. История станицы Полтавской (Красноармейской). Новороссийск, 2002.

47. К выпуску украинского букваря // Листок войны. 1917. № 1001. С. 3.

48. Старолеушковская // Вольная Кубань. 1917. № 11. Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. 1917. № 3.; Казак. Станица Старокорсунская // Вольная Кубань. 1917. № 6.

49. Гродескул Н. А. Поддержим украинскую национальную революцию // Свободная Кубань. 1917. № 4. С. 2.; По нашему краю // Свободная Кубань. 1917. № 8. С. 4.

50. Робитничья просвита // Красное знамя. 1920. № 30.; Ясенцы за украинизацию не дбают // Ударник колхозу. 1932. № 57.

51. Ем. Разумеенко. У украинских пролитписателей // Красное знамя. 1929. № 228. С. 4; Компания расширяется // Армавирская коммуна. 1930. № 152. С. 5.

52. Б. И. Закончилось краевое совещание по работе среди нацменьшинств // Молот. 1932. № 3166. С.4.

53. Телелейко Т. Живі струни України // Вісник. 2001. № 3. С. 3.

54. Чумаченко В. В. Мова (Лиманський) – шевченкознавець // Вісник. 1998. № 1. С. 2; Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2. С. 6.

55. Чумаченко В. К. Вісник товариства української культури Кубані // Енциклопедія сучасної України в 25 томах. Т. 4. С. 610.

56. Біла Е. Рідна школа // Вісник. 1998. № 3. С. 3.

57. К читателю // Козацьке слово. 1991. Жовтень. № 1. С. 1.

58. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК.) Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 58.; ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 96.

59. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.; ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.; ГАКК. Ф. Р – 696. Оп. 1. Д. 73. Л. 45 – 79.; ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 574. Л. 2.

60. ГАКК. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 94. Л. 3 – 16.; ГАКК. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.

61. Центр хранения документации по новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69.; ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408.

62. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 1.

63. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 22.

64. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1037. Л. 10.

65. ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 – 2.; ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 58.; ЦДНИКК. 1994. Оп. 1. Д. 47. Л. 2, 6, 11.; ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 62. Л. 16.

66. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 68 – 68 об.

67. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция – 2002. Аудиокассета 2719. Ставропольский край, Андроповский район, Станица Воровсколеская, информатор – Хорольская В. Ю., исследователь – Волкострел Т. М.; КФЭЭ – 2001. Видеокассета № 96/1. Краснодарский край, Каневской р-н, ст. Каневская, иссл. – Святка Н. П., иссл. – Матвеев О. В.

68. КФЭЭ – 2004., А/к. – 3052. Краснодарский край, Красноармейский р-н, ст. Староджерелиевская, инф. – Задорожний П. В. (1938 г.р.), иссл. – Рыбко С. Н., Кузнецова И. А.; КФЭЭ – 1995. А/к – 687. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. – Калугин С. И., иссл. – Самовтор С. В.

69. КФЭЭ – 1995. А\к. – 688. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. Ильченко М. Д.; Похитон М. И. 1927 г. р. иссл. – Зуб Е. В.

ГЛОССАРИЙ

Великорусский шовинизм и местный национализм – клише официальной терминологии советской пропаганды и публицистики 1920–1930-х гг. Восходит к суждениям В. И. Ленина по национальному вопросу. Подразумевал враждебные коммунистической идеологии национально ориентированные мировоззрения. Противоположность пролетарскому интернационализму и советскому патриотизму.

Великорусский (великодержавный) шовинизм – русский патриотизм в отрицательной коннотации, представление о величии, единстве и неделимости российского государства, месте русского народа как государствообразующего. В указанный период эти идеи считались несовместимыми с коммунистической идеологией. Существовало предубеждение, что «великодержавные шовинисты» агрессивно настроены по отношению к представителям других народов.

Местный национализм – деструктивный национализм в среде нерусских народов СССР. Считалось, что он направлен на разжигание конфликтов между народами, отделение от советского государства, саботаж решений высших органов партийной и советской власти.

Коренизация – политика привлечения советской властью к государственному строительству и партийной работе представителей нерусских народов, проживавших на данной территории. Сопровождалась предоставлением представителям этих народов преимущества при занятии должностей в партийных и государственных учреждениях существенных льгот при получении образования, в налогообложении, трудоустройстве и пр.

Кубанские самостийники (от украинского слова «самостийность» – самостоятельность) – сторонники обретения государственной независимости (или широкой автономии) Кубанским краем в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. Происходили из среды черноморской казачьей интеллигенции (Л. Л. Быч, Н. С. Рябовол, братья Макаренко и др.). Были не чужды украинофильству и выступали за тесный союз независимой Кубани с Украиной. Самостийники поощряли развитие на Кубани украинской культуры и образования.

Нацмен – представитель национального меньшинства, официальный термин, применявшийся в СССР в 1920–1930 гг. Это пред-

ставитель либо нерусского этноса как такового, либо малого народа, либо народа, численность которого мала на данной территории. Нацменам полагался ряд льгот при поступлении на работу, при получении образования, медицинского обслуживания и др.

Украинизация – привитие восточнославянскому населению востока Украины и юга РСФСР украинской национальной идентичности и украинской культуры мерами целенаправленного воздействия государственных структур. Проводилась советской властью в 1920–1932 гг. Украинизация проявлялась в виде обязательного введения образования на украинском языке, активному изданию украиноязычной прессы и книг на украинском языке, пропаганде украиноязычной культуры в целом, введению делопроизводства на украинском языке в органах управления и учреждениях народного хозяйства. Украинизация сопровождалась активной коммунистической пропагандой.

Украинофильство – интерес и симпатия образованных кубанцев, в основном из среды черноморских казаков, к украинскому народу и украинской культуре. Характерно для второй половины XIX – начала XX в. Украинофилом, например, был Я. Г. Кухаренко, кубанский литератор, друг Т. Г. Шевченко. В начале XX в. в среде часть кубанских украинофилов восприняла украинский национализм с революционным уклоном. Таким, например, был С. И. Эрастов.

Украинский национализм конца XIX – начала XX в. – идеологическое течение, представленное украинскими национал-либералами (М. М. Грушевский), и правыми и левыми национально ориентированными социалистами (С. Петлюра, Д. Донцов). Представители этого течения были настроены преимущественно антирусски. Они выступали за отделение от российского государства территорий, населенных украинцами, образование независимого украинского государства, союзного западным державам, преимущественно Германии. Украинские националисты выступали за вытеснение с украинских территорий русского языка и культуры, за придание украинской культуре форм, наиболее отличных от русской. Национальная программа украинских националистов того периода дополнялась различными идеями либерального либо социалистического направления. Некоторые украинские националисты выступали за федеративное единство с Россией на основе общих коммунистических идеалов (Шумский, Затонский).

На Кубани украинские националисты были в основном представлены национально ориентированными социал-демократами из Украинской революционной партии (РУП) во главе с С. И. Эрстовым (в 1905 г. преобразована в Украинскую социал-демократическую партию (УСДП), не делившуюся на фракции большевиков и меньшевиков). С украинскими националистами на Кубани солидаризировались кубанские самостийники, такие как Н. С. Рябовол.

1. Кубанские украинцы: смена идентичности во второй половине XIX – первой половине XX столетия

Судьбы украинцев, проживавших на разных территориях, сложились по-разному. По-разному менялась и их идентичность. На Кубани в дореволюционный период проживало большое количество украинцев, имевших относительно высокий казачий статус и собственную политическую организацию в виде Черноморского, а затем и Кубанского казачьих войск. Однако в XX столетии обнаружилось, что численность украинцев на Кубани стремительно и масштабно снизилась. К 1939 г. численность украинцев по сравнению с периодом 1926 г. сократилась на 89,2 % (1). Почему это произошло?

Проблема этнической истории украинцев в Российской империи затрагивалась немалым числом серьезных исследователей, как российских, так и зарубежных, например А. И. Миллером, А. Каппелем и другими (2).

Не столь подробно исследована этническая история украинцев Кубани. Поэтому особенно значимы работы кубанского исследователя Н. И. Бондаря, в которых показано влияние казачьего статуса и казачьей специфики культуры и ментальности на эволюцию этнической идентичности украинцев Кубани (3). Под руководством Н. И. Бондаря начиная с 1979 года проводится Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (КФЭЭ). В ее рамках выполняется комплексное исследование всех блоков традиционной культуры кубанских станиц, в том числе – и национального самосознания. Материалы КФЭЭ используются и в данной статье.

К концу XIX в. складывается единое кубанское казачество как субэтнос русского народа (4). Этничность украинцев из числа черноморских казаков эволюционирует по схеме «украинцы – кубанские казаки – кубанские казаки, русские» (5). С 1792 г. начинается пересе-

ление казаков, преимущественно украинцев, на Кубань. К 1796 г. на Кубани насчитывается 32 тысячи черноморских казаков-украинцев. В 1809–1811 гг. в Черноморью переселилось 41 534 казака Полтавской и Черниговской губерний. В 1820–1825 гг. на Кубань переехало еще 48 392 человека с Украины. В 1848–1949 гг. в регион прибыло еще 14 218 выходцев с Украины. Последнее масштабное переселение на Кубань – 1142 семьи азовских казаков. К середине XIX в. украинцев на Кубани насчитывалось уже более 400 тысяч. В дальнейшем абсолютные показатели росли, а доля уменьшалась. Все эти переселенцы практически поголовно оказывались приписанными к казачеству (6).

Казачество и казачий статус, его приоритетность по отношению к украинской национальной принадлежности в очень значительной степени способствовали ассимиляции казаков-украинцев. Это проявлялось и в материальной культуре. К сороковым годам XIX в. черноморцы усвоили казаче-черкесский мужской комплекс одежды (аналогичный таковому у русских-линейцев) (7). Казаки, с одной стороны, в большей степени, чем крестьяне, были интегрированы в государственную жизнь русскоязычного государства. С другой – у них формировалась собственная, кубанская казачья идентичность. Поэтому украинцами в большей степени продолжали осознавать себя кубанские крестьяне-старожилы, например жители села Новопавловка Белоглининского района (8).

«Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера – при условии, что они владеют русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. Таким образом, украинцы не вычленились и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям... То, что украинцы признавались правительством и обществом принадлежащими к русской элите, увеличивало привлекательность восхождения по линии ассимиляции...», – отмечал А. Каппелер. Имела место официальная концепция о триедином русском народе, которая была широко известна и популярна (9).

Таким образом, социально значимый и привилегированный казачий статус большинства украинцев Кубани был крайне эффективным рычагом добровольной ассимиляции, в определенной степени аналогичным дворянско-чиновному.

Очень большую роль во всех вышеописанных процессах сыг-

рало наличие в Кубанской области большого количества этнических русских – 42,56 % по данным переписи 1897 г. (процент малороссов составлял 47,4 % от населения региона). При этом русские жили не изолированно от украинцев, были представителями самых социальных групп (в том числе – казаками одного с украинцами Кубанского войска), отличались повышенной мобильностью и активностью (10). Для большей части Украины наличие великороссов, особенно в сельской местности, было гораздо менее характерно (11). На Кубани значительную роль сыграл приток в изначальное украинские станицы иногородних крестьян. Уже в 1881 г. пришлые крестьяне составляли 30 % населения области. В 1890 г. иногородних было уже 456,3 тыс. человек (34,2 %). Для сравнения: казаки составляли 48,3 % населения. В 1900 г. иногородних было уже 800,9 тысячи человек. Значительное число переселенцев составляли великорусы южных центрально-черноземных губерний (12). Миграционные процессы были следствием сравнительно высокого уровня развития капитализма в сельском хозяйстве Кубани, его теснейшей связи с общероссийским и мировым рынком (13).

Особую роль экономически и социально активных великороссов-мигрантов показывают статистические данные. Казаков-малороссов по данным переписи населения 1897 г. было 447 954 человека. При этом великорусов – 337 423 человека. Казаков малороссов было более чем на 100 тысяч человек больше. При этом среди крестьян численно преобладали великороссы. Хотя их преимущество было неподавляющим (348 839 великороссов, 341 854 малоросса) (14). Лица с сословным статусом «крестьянин» были основным миграционным пополнением казачьих станиц. Немало лиц этого сословного положения имело среди городских рабочих, мелких служащих, предпринимателей, то есть динамично растущих «молодых» социальных групп.

В таких социально значимых, лидирующих сословных группах, как купечество, почетные граждане, духовенство, чиновники и личные дворяне, потомственные дворяне подавляющее преимущество было на стороне великороссов. Сравнительно много малороссов было среди потомственных дворян благодаря черноморскому казачьему «панству». Но и в этой сословной группе великороссы решительно преобладали (3 284 против 1985) (15). Представители

вышеперечисленных сословных групп контролировали официальное делопроизводство, предпринимательскую сферу, сферу образования и культуры.

Быстрый экономический рост в кубанских станицах способствовал опережающему развитию системы образования. Очевидцы постоянно отмечали относительно высокий уровень кубанских станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро развивалась. В 1903 г. четвертая часть казачьего населения Кубани была грамотной (16). В 1909-м – уже около трети (17). Исследователю А. Н. Забазнову удалось обнаружить интересный документ. Это записка инспектора народных училищ второго района Кубанской области Е. Григорьева. В ней он емко характеризует школьное образование на Кубани. «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-воспитательной части занимает одно из первых почетных мест в Российской империи», – писал инспектор. Конечно же, во всех училищах до 1917 г. преподавали на русском языке. По мнению А. И. Миллера, огромное значение для национальной самоидентификации человека имеет то, на каком языке он впервые научился читать и писать (18).

Под влиянием этих причин изменялась традиционная культура, язык и национальное самосознание.

Иногда черноморские казаки, зачастую сохранявшие интерес к украинскому фольклору и традициям, уже позиционировали себя как русских по национальности. Так, в доме старожилки станицы Гривенской потомственной казачки М. И. Похитон висела картина «Казак Мамай» и цитаты из украинских народных песен. При этом она говорила, что считает себя русской, а не украинкой (19). Изменение национальной идентичности зачастую обгоняло изменение идентичности культурной, что в некоторых случаях приводило к появлению множественных идентичностей.

Украинская культура в кубанских станицах развивалась в направлении сближения с русской. Ее украинская составляющая консервировалась. Большая часть потомков украинцев уже более ста лет были оторваны от основного языкового массива и жили по соседству или вперемешку с русским населением, когда как русские говоры постоянно соприкасались с русским литературным языком (20). Поэтому пополнение и развитие происходили за счет русской культуры.

Дело в том, что при заселении родственными восточнославянскими этносами новых территорий межэтнические перегородки имеют тенденцию стираться. Население нередко становилось двуязычным (21). В фольклорный репертуар станицы Васюринской, как и других черноморских станиц, входили русские песни раннего и позднего происхождения. Украинские песни, в том числе и обрядовые, наблюдались и в нечерноморских станицах, таких как Воронко-колеская, Воронежская, Родниковская и др. (22). Складывается благоприятная ситуация для принятия наиболее распространенных форм культуры, господствующей моды (23). Например, в одной из черноморских станиц пели такие популярные в начале XX в. русские песни, как «Ехал с ярмарки ухарь-купец», «Мил уехал – меня бросил» (24). В начале XX в. в Черномории практически полностью вышел из употребления такой знаковый украинский музыкальный инструмент, как бандура (до 1913 г., когда традицию игры на бандуре стали восстанавливать энтузиасты) (25). Он просто хранился в домах некоторых казаков как реликвия (26). Значительная степень интеграции украинской и русской фольклорных традиций характерна и для свадебной обрядности кубанцев (27).

Уклад жизни кубанских казаков объединяла с великорусским и передельно-паевая система общинного землепользования. Последняя не без сопротивления, но утвердилась в последней четверти XIX в. и в Черномории, тогда как для Украины земельные переделы были нехарактерны (28).

На языковую ситуацию влияли и такие факторы, как военная служба казаков. Уже в конце XIX в. один из корреспондентов «Кубанских областных ведомостей» сетовал, что в бывшей Черномории уже почти не слышно старинных песен о Морозенко и Сагайдачном. Молодые казаки в полковом строю пели разухабистые песни про какую-то «молодку» (29).

Многие населенные пункты, первоначально основанные украинцами, такие как село Львовское, становясь полиэтничными, быстро теряли украинскую культурную специфику (30). Другие, по преимуществу вначале украинские, становились смешанными в языковом отношении (такие как станица Суздальская) (31). Исследователь 20-х гг. XX в. О. Бежкович отмечал, что, например, в станице Величковской при преобладании в станичном фольклоре украинских песен новых среди них крайне мало (32).

Сами потомки черноморских казаков оценивали украинский язык как родственный, но отличный от кубанского диалекта (33). «Балачка от украинского намного различается. Ее и сейчас много употребляет. Не много, а половина», – говорит житель станицы Бакинской А. Д. Петько (34). Информант говорит о кубанском диалекте с украинской языковой основой, который, однако, в значительной степени русифицировался настолько, что считается диалектом русского языка во многом благодаря русскому самосознанию его носителей (35).

Что касается самого диалекта, то он включает в себя обе языковые компоненты: русскую и украинскую. По мнению ряда известных ученых-филологов, таких как С. А. Мызников (Санкт-Петербург), О. Г. Борисова (Краснодар), Р. Я. Иванова (Армавир) принадлежность того или иного диалекта к языку определяется национальным самосознанием его носителей. А на Кубани уже в первой половине XX в. оно уже было по преимуществу русским.

По мнению ведущего специалиста в области устной истории кубанцев О. В. Матвеева, информанты в кубанских станицах, как правило, осознают существенные различия между украинским языком и кубанским диалектом (36).

О. Г. Борисовой было установлено, что автор одного из немногих источников по языку коренных кубанцев начала XX в. – «Приговора № 7 станичного сбора ст. Кисляковской» И. Леденецкий был носителем именно кубанского, во многом русифицированного говора, который был распространен в станицах региона уже в наше время (37).

Казаки в силу их поголовной воинской службы и относительно высокого уровня образования ассимилировались достаточно быстро. Факторы военной службы и развития системы образования действовали и на Украине (38), но на Кубани – в гораздо большей степени.

«Малорусское наречие подверглось значительному изменению, и нельзя почти определить, малоросс говорит или великоросс. Получается какое-то особое наречие, которое можно назвать «кубанским», – писал очевидец (39). Поэтому зачастую население не видело разницы между украинским и русским языками (40). Многие украинцы считали своим родным языком русский. Таких уже в 1926 г. было около 32 %. В Армавирском округе их проживало 32,9 %, при этом родным считали украинский язык только 8 % жителей (41).

Последний иногда воспринимался носителями как некий «казачий язык» (42). Сословная принадлежность в представлении кубанцев зачастую значила больше, чем этническая (43). «Как называть себя, не знаю. Раньше иногородними мы были. А русский или украинец – этого не знали», – рассказал в 1958 г. житель станицы Кирпильской Л. П. Сухоруков, 1866 г. рождения. «У меня мама была украинка, а папа – кубанец, казак», – рассказывала старожилка станицы Гривенской Н. В. Короткая (44). «Кацапами называли иногородних, а местных – казаками», – объясняла уроженка станицы Нижнебаканской М. В. Коломацкая (45). «Казаки, воны кубанцы», – ответил на вопрос украинцы или русские его одностаничники житель Челбасской П. И. Беда (46). Иногородние крестьяне различных губерний (в отличие от казаков) не были в прямом смысле слова особым сословием, хотя на практике активно употреблялся термин «лица невойскового сословия». Тем более что статусное различие казак – иногородний весьма четко разделяло жителей кубанских станиц и по правовому, и зачастую и по имущественному положению. Принадлежность к казакам или иногородним значила в дореволюционный период значительно больше, чем принадлежность к великороссам или малороссам (47).

Живя за пределами исторической территории Украины рядом с русскими, многие украинцы сами начинали осознавать себя русскими. «Я родом из Полтавской губернии. Отец привез меня на Кубань восьми лет. По паспорту я сейчас пишу русский. Я не считаю себя украинцем, так как много лет живу на Кубани», – рассказал Г. М. Губенко, житель г. Кореновска, 1883 года рождения. «Мой отец и мать родом с Украины, а я считаю себя русским, так как родился я на Кубани; еще называю себя кубанцем; сыны мои русские», – рассказывал И. К. Литвинов, 1874 года рождения из станицы Кирпильской (48). Во многих станицах приезжие украинцы попадали в коренную русскоязычную среду. Иногородних в станице Темиргоевской называли «хохлами». «Русские жили, казаки. Казачья станица была», – сообщил старожил станицы П. Е. Кролев (49).

В определенной степени имело место и особое самосознание украинцев Кубани. «Мы не украинцы, мы кубанские хохлы», – воспринимали себя некоторые из них (50). Появление «местной» украинской идентичности характерно для самых разных территорий расселения украинцев. На Кубани «местная» украинская идентичность

порой сближалась с русской. «Хохлами» иногда называли себя жители черноморских станиц, которые определяли свою этничность как промежуточную между русской и украинской. «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинцы» (51).

Многие кубанцы считали и себя и своих украинских предков русскими людьми, при этом отделяя себя от «москалей» – жителей центральных районов (52). «Козаки воны руськы. Но нэ московськы», – уточнил Г. Ф. Шинкаренко из станицы Челбасской (53). В целом до начала украинизации этнонимы «русский» и «украинец» на Кубани сравнительно мало употреблялись. По этой причине во время переписи 1926 г. национальность жителей Кубани определялась переписчиками в достаточной мере условно – по происхождению, месту рождения (54). Казаки-черноморцы переставали отделять Украину от России. «Там русские жили, славяне. Это окраина была рубежей», – говорил об Украине черноморский казак Г. Д. Слюсаренко (55).

Дело в том, что само понятие «русский» в Российской империи было достаточно размытым. Оно могло включать в себя, например, всех восточных славян-православных. И такое представление было достаточно распространенным в самых разных социальных слоях (56).

В этой связи показательна специфика народной памяти старожилы кубанских станиц о таком событии, как украинизация. В данном случае речь идет о централизованном внедрении украинского языка и культуры в жизнь кубанских станичников. Особенно – в школьное образование.

Воспоминания о языке преподавания в школе, языке вывесок официальных учреждений сохранились в тени памяти о более значимых событиях: коллективизация, голод 1933 г., репрессии. Небольшие и в целом не окрашенные эмоционально в яркие тона сообщения информантов об украинизации говорят о небольшой их значимости для респондентов (57).

Таким образом, основным фактором, предопределившим утрату кубанскими казаками украинской идентичности, стал их привилегированный казачий статус. Казаки, как и представители других высокостатусных групп восточнославянского населения Российской империи, активно и добровольно выбирали русскую идентичность. Тем более что в тот период русскость во многом ассоциировалась с

православным вероисповеданием, принадлежностью к восточным славянам в целом, службой русскому государю.

Также очень важное значение имел стремительный экономический рост региона (в особенности товарного сельского хозяйства), который способствовал притоку иногородних русских в казачьи станицы.

Первые два фактора (привилегированный статус и экономическое развитие кубанской станицы) весьма способствовали росту в станицах уровня русскоязычной грамотности.

Примечания

1. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 52–53.

2. Андреас Каппелер. Мазпинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 138. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000 и др.

3. Бондарь Н. И. Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 5–48; Бондарь Н. И. Модель традиционной культуры кубанского казачества // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 49–85; Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 128–143.

4. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 141.

5. Там же. С. 140.

6. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 160.

7. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 167.

8. Бондарь Н. И. Что мы знаем о друг друге? // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. С. 146.

9. Андреас Каппелер. Мазпинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 138.

10. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 47.

11. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 146.

12. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 года. Краснодар, 1996. С. 337.

13. Ратушняк В. Н. О некоторых методологических подходах к оценке уровня аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в дореволюционный период // Ратушняк В. Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000. С. 172–76.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Кубанская область. СПб., 1905. Т. 15. С. 238–239.

15. Там же.

16. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. Екатеринодар, 1904. С. 72.

17. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910. С. 75.

18. Миллер С. Национализм и империя. М., 2005. С. 34, 36.

19. КФЭЭ – 1995. А/к. – 688. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. Ильченко М. Д.; Похитон М. И. 1927 г. р. иссл. – Зуб Е. В.

20. Бондарь Н. И. К вопросу о традиционной системе ценностей Кубанского казачества // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 8.

21. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М. 1967. С. 40.

22. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 132.

23. Матвеев В. А. ...Единая Русь «разметнулась на полсвета»: особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 33.

24. Малохович И. Ст. Б-ская // Кубанские областные ведомости. 1912. 7 ноября. С. 3.

25. Емец В. Казаки-бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3. С. 40.

26. Чёрный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 117.

27. Жиганова С. А. Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего происхождения. Автореферат канд. дис. ... М., 2008. С. 24.

28. Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. М., 2008. С. 7.

29. Бондарь Н. И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 132.

30. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М. 1967. С. 44.

31. Криводед В. В. История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002. С. 46.

32. КФЭЭ – 2008. А/к – 3948. Краснодарский край, Горячеключевской р-н, ст. Суздальская, инф. – Петенко И. Г., Зукемян А. Н. 1932 г. р., иссл. – Матвеев О. В.

33. Бежкович О. Передел старой жизни // Родная Кубань. 2004. № 2. С. 72.

34. КФЭЭ – 2008. А/к. – 3904. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская, инф. – Петько А. Д., иссл. – Матвеев О. В.

35. Борисова О. Г. Человек в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров. LFMBERT academic publishing. 2013. С. 11–18.; Борисова О. Г., Васильев И. Ю. Приговор сбора станицы Старонижестеблиевской за номером 7 от 10 августа 1918 года: историко-лингвистический комментарий // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов IX научно-практической конференции. Краснодар, 2011. С. 188–195.

36. Материалы дискуссии II Международной научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Памяти профессора А. Г. Лыкова». Кубанский государственный университет. Филологический факультет. Краснодар, 2009.

37. Борисова О. Г. Лингвистический анализ документа «Приговор № 7 от 10 августа 1918 г. // Материалы дискуссии II Международной научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Памяти профессора А. Г. Лыкова». Кубанский государственный университет. Филологический факультет. Краснодар, 2009. С. 1–.

38. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 143.

39. Что осталось от Запорожья в Кубанской области? // Кубанские областные ведомости. 1911. № 158. С. 3.

40. Центр хранения документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 20.

41. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 51.

42. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 53.

43. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 31–32.

44. КФЭЭ – 1995. А/к– 681. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. – Короткая Н. В., 1908 г. р. казачка, иссл. – Мануйлов А. Н.

45. КФЭЭ – 1995. А/к. – 923. Краснодарский край, Крымский р-н, ст. Нижнебаканская, инф. Коломацкая М. В., 1919 г. р., иссл. – Мануйлов. А. Н.

46. КФЭЭ – 2001, А/к. – 2327. Краснодарский край, ст. Челбаская, инф. – Беда П. И., иссл. – Матвеев О. В.

47. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 53.

48. Цит. по: Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 33.

49. КФЭЭ – 1997. А/к. – 1244. Краснодарский край, Курганинский р-н, Ст. Темиргоевская, инф. – Кролев П. Е., 1904 г. р., иссл. – Матвеев О. В., Мартынюк Л. С.

50. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 124.

51. КФЭЭ – 2004. А/к. – 3124. Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Вышестеблиевская, инф. – Черненко М. Я., иссл. – Матвеев О. В.

52. Иванцов И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008. С. 187.

53. КФЭЭ – 2001, А/к. – 2328. Краснодарский край, ст. Челбаская, инф. – Кабан Н. Е., 1925 г. р., Кабан Т. Н., 1921 г. р., Шинкаренко Г. Ф., 1913 г. р., иссл. – Матвеев О. В.

54. Цит. по: Иванцов И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008. С.31–33, 36.

55. КФЭЭ – 1995. А/к. – 929. Краснодарский край, Приморско-Ахтарский р-н, хут. Новонекрасовский, инф. – Слюсаренко Г. Д., иссл. – Мануйлов А. Н., Сень Д. В.

56. Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // A Kappeler (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990. S. 21.; Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 28.

57. Васильев И. Ю. Украинизация 1920–1930-х гг. в памяти старожилов кубанских станиц // Социально-экономические и политические процессы в современной России: анализ, прогноз. Оренбург, 2011. С. 229–230.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ УКРАИНОФИЛОВ НА КУБАНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В данном разделе речь пойдет о деятельности кубанских украинофилов дореволюционного периода, преимущественно об украинофильской составляющей жизни и деятельности ряда значимых фигур общественной и культурной жизни Кубани дореволюционного периода. Хотя для большинства из них эта деятельность украинской составляющей отнюдь не ограничивалась. И нередко была для них совершенно не главной, например для Я. Г. Кухаренко и Н. С. Рябовола, а также для многих других.

Однако были и те, для кого украинская идентичность имела большую значимость. В середине XIX в. на Кубани действовал украинофильский кружок во главе с Я. Г. Кухаренко, который в основном состоял из его родственников и сослуживцев. Я. Г. Кухаренко был близким другом Т. Г. Шевченко. Их объединяло внимание к украинским фольклорным традициям, украинской старине. В Черноморском войске, казачьих правах черноморцев они видели некий отголосок «миллой старины», былых вольностей и некий прообраз будущего украинского народа (1). Он состоял в дружеских отношениях с восточнукраинскими (харьковскими) представителями украинского национального движения, которые в 1830–1840-е гг. объединились в так называемый «Гурток». Его члены преимущественно были филологами, историками, писателями, этнографами: И. Срезневский, Н. Костомаров, А. Метлинский, П. Кулиш и др. В период знакомства с сорокапятилетним офицером члены кружка были его значительно моложе, но они увлекли его общностью интересов (2). Они в основном касались украинской книги, традиционной культуры и быта. В меньшей степени – просвещения (в последнем случае дальше проектов дело не пошло). Сама задумка упоминается только в письме сына Я. Г. Кухаренко, А. Я. Кухаренко к С. И. Опатовичу от 3 сентября 1863 г., в котором говорится о пожелании иметь начальное украиноязычное образование в Черномории и о закупке некоторых учебных и религиозных книг (3). Я. Г. Кухаренко занимался сбором фольклорных материалов в среде черноморского казачества, обменивался материалом с харьковскими украинофилами-фольклористами.

Его очерк «Овцы и чабаны в Черномории» был напечатан в ведущем украинском журнале «Основа» (4).

Кружок не имел широкой поддержки со стороны казачества, хотя старшее поколение членов кружка, такие как поэт, актер и драматург Д. Дмитренко-Бут, его жена Вера Васильевна, ейский поэт и журналист И. Подушка придерживались популярной среди массы черноморцев идеи идеализации запорожской старины (5). «Кухаренковцы» недооценивали изменения, происходящие с черноморскими казаками, то, что они стали принципиально новым, кубанским этно-историческим явлением по сравнению с казаками Украины прежних времен (6). То же можно сказать и о младшем поколении в составе поэта-казака Ф. Бойчука, публициста и мемуариста С. А. Шарапа, драматургов М. Стеценко-Нордеги и К. Головатого. Они придерживались несколько более демократических взглядов, поддержали и развили на Кубани культ Т. Г. Шевченко (7), что также не дало им какой-либо массовой популярности.

Кружок Кухаренко по преимуществу состоял из вполне верно-подданных и лояльных российской монархии казачьих офицеров, имеющих скорее «малороссийское» мировоззрение. Они в большей степени акцентировались на культурном своеобразии кубанских малороссов в рамках «большого» русского народа. Недаром полковник И. П. Бабыч назвал Я. Г. Кухаренко «малорусским писателем». А независимый публицист С. А. Шарап был полковником (8).

Семья Кухаренко была органично интегрирована в российскую служилую элиту. Отец Я. Г. Кухаренко, Герасим Романович был полковником Черноморского казачьего войска, присутствовал на коронации императора Павла I. Сыновья Я. Г. Кухаренко дослужились до генеральских чинов. Его сын Николай Яковлевич служил в императорском конвое. Яков Герасимович и его сын Николай Яковлевич побывали на коронации трех российских императоров (9). Знание украинской народной культуры дочерью Я. Г. Кухаренко Ганной (она пленила Т. Г. Шевченко исполнением песни «Тиче ричка») совершенно не помешало ей выйти замуж за русского армейского офицера А. Ф. Лыкова. Ее сын Вячеслав также был офицером (10).

Ни о какой оппозиционности Я. Г. Кухаренко и, по сути дела, круга его родных и друзей речь не идет. Речь могла идти лишь о некотором расширении прав черноморского казачества с возрождением

некоторых традиций старой гетманской автономии. А также о сохранении этнографических особенностей черноморских казаков.

Примечательно, что во время конфликтной ситуации с проектом переселения черноморских казаков за Кубань Я. Г. Кухаренко пытался быть проводником этого проекта и не примкнул к активной и действенной фронде черноморских старшин (11).

С начала XX в. украинское движение на Кубани приобретает революционный, одновременно резко националистический и социалистический характер. С таких украинских центров на территории Российской империи, как Харьков и Киев оно переориентируется на австро-венгерский Львов. Его социальный состав становится более демократическим, а сами участники так или иначе были привержены социализму. Это был уже вполне украинский проект, ориентированный во многом на австро-венгерских радикалов.

Это вылилось в появлении местного филиала Революционной украинской партии (РУП) во главе с известным представителем кубанской левой интеллигенции С. И. Эрастовым. Некоторые представители движения имели вес в кругах местной интеллигенции, одно время контролировали Общество попечения о народной трезвости. Имели место прочные связи с украинскими активистами собственно с территории Украины. Так, в самом начале XX в. на Кубани жил и работал будущий глава независимого украинского государства С. В. Петлюра (12).

Среди украинофилов рубежа XIX–XX вв. был и этнограф-исследователь М. А. Дикарев (13).

В 1901 г. на Кубани было создано местное отделение Украинской революционной партии (РУП) (14). Сама партия была создана в феврале 1900 г. на Третьем съезде украинских студенческих громад в Харькове. Изначально партия состояла из разных элементов: социалистов-революционеров, социал-демократов, радикальных украинских националистов. Партия первоначально ставила своей целью борьбу за независимость Украины, впоследствии – борьбу за широкую автономию в рамках российского федеративного государства. Политическим идеалом членов партии была демократическая парламентская республика. Они выступали за резкое ограничение частного землевладения, конфискацию государственных, удельных, церковных земель, безвозмездное наделение землей малоземельных

и безземельных крестьян, создание кооперативов по обработке земли. В 1904 г. ЦК объявил партию социал-демократической. А в 1905 г. большая часть партии вошла в новую, Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). В уставе появились декларации об изживании частной собственности власти рабочих. Партия сотрудничала, но не смыкалась с РСДРП. Местные отделения партии, громады, имели весьма широкую автономию (15). После раскола РУП кубанский филиал остался в составе УСДРП (16).

Лидер кубанских украинофилов С. И. Эрастов отлично понимал, что местной кубанской интеллигенции украинофильская деятельность не интересна. Поэтому им на Кубань были приглашены украинские литературные и общественные деятели, такие как В. Самойленко, поэт-модернист М. Вороный, а также менее известные деятели: Я. Жарко, Г. Доброскок, И. Ротарь, Л. Мельников. На Кубань возвратились В. В. Скидан и Ф. А. Щербина. Специально для работы с молодежью приехал педагог А. А. Левитский. Он был не единственный талантливый педагог среди кубанских украинофилов. В её среде украинофилы нашли себе некоторое число сторонников. Среди местных членов «черноморской громады» украинофилов были будущие известные общественные деятели Н. Рябовол и Л. Быч (17). Недаром украинофильство, выражаемое в демонстративном предпочтении украинского языка, интересе к творчеству Т. Г. Шевченко, украинской песне, танцу, театру, существовало среди некоторых групп учащейся молодежи, например, в Майкопском ремесленном училище. При этом такого рода украинофильство далеко не всегда было связано с националистическими взглядами, политическим радикализмом. Любители украинской культуры из числа молодежи могли быть вполне лояльными подданными Российской империи (18).

По-настоящему «черноморская громада» РУП начала действовать только летом 1902 г., когда на Кубань из Полтавы приехали десять исключенных семинаристов-украинофилов. Среди них были С. В. Петлюра, Г. Е. Ткаченко, П. Д. Понятенко. В 1903 – начале 1905 г. были созданы местные группы в Новороссийске, Армавире (руководитель А. А. Левитский). В станицах Новодмитриевской (во главе с учителем Хлебниковым), Калужской (лидер Р. Заема), Динской (руководители Н. Рябовол и Манжула), Платнировской (лидер Колоссовский), Кореновской (во главе с учителем Бескровным), Но-

вотитаровской, Мышастовской, Ивановской, Ильинской, Линейной, Пензенской и ауле Тахтамукай (руководитель Гаркуша), на хуторе Очеретова Балка (19). В августе 1905 г. имело место семнадцать сельских групп (20).

Аресты конца 1903 г. приостановили эту работу и вообще активность партии. Она возобновилась с приездом в 1904 г. Г. Доброскока, А. Приходько, П. Мохира. Её деятельность имела сходные с периодом 1902 г. формы. Например, в ауле Тахтамукай М. Спадиенко и П. Заема распространяли газету «Селянин» и прокламации «Селянам войны не трэба» и «До украинского рабочего люду», которые были обнаружены еще в семи станицах (21).

В 1904 г. в состав «черноморской громады» входили С. И. Эрастов, К. Я. Бескровный, П. Мохир, Н. Рябовол, Ткаченко, Бобыр-Бухановский, Иван (конспиративный псевдоним). Летом 1905 г. среди наиболее активных руководителей назывались также Г. Доброскок, В. Скидан, А. Левитский. Связующим звеном между комитетом и сельскими организациями являлся Бескровный. Связи с ЦК поддерживали С. И. Эрастов, П. Мохир, а затем и Г. Доброскок. На рубеже 1904–1905 гг. структура местных организаций в основном оформилась и выглядела следующим образом: «черноморская громада» (областной комитет), городские комитеты и сельские группы и кружки (22).

Однако серьезного влияния на местное население не оказывали. В лучшие времена численность руповцев достигала 200 человек по области. В 1904 г. С. И. Эрастов говорит о 27 членах партии, из которых 11 находилось в Екатеринодаре и 16 – в сельских группах. При этом он отмечал ослабление деятельности и сокращение количества в связи с арестами конца 1902 года. Начало революции привело к увеличению числа членов партии. В феврале 1905 года на собрании в Екатеринодаре присутствовало 70 человек. К осени 1905 года в сельских организациях числилось около восьмидесяти человек. Усилению притока в партию способствовало и создание в августе 1906 г. «Просвиты». Всего на Кубани, по подсчетам Л. А. Карапетяна, в 1905–1906 гг. насчитывалось 200–220 членов партии (23). Подавляющее большинство из них были иногородние. (За редким исключением, такими как К. Я. Бескровный). 70 % членов партии были представителями интеллигенции, 30 % – иногородние крестьяне и

сельскохозяйственные рабочие. Известна профессиональная принадлежность 30 членов партии: 12 учителей, 3 писателя, 2 инспектора народных училищ, 2 служащих, агроном, рабочий и 6 крестьян (24).

Всплеск активности РУП наблюдался осенью 1902 г. Г. Ткаченко, П. Понятенко, С. Петлюра, И. Бородыня под руководством С. И. Эрастова активно распространяли листовки и нелегальную литературу, например прокламацию «Долой полицию!», «Солдатску памятку», «Открытый лист до рабочего люду», воззвание «До Черноморских козакив». В целом это была антигосударственная, антимонархическая и антикапиталистическая пропаганда: например призывы к военнотружущим нарушать присягу, бороться против богатых и знатных. Кроме языка, украинское национальное чувство особенно не затрагивалось, за исключением таких текстов, как «Съезд украинской молодежи Австрийской империи» (25).

Пропаганда различных революционных текстов, по большей части составленных в Киеве, Харькове и Львове, но не чрезмерно украинфильских, и была основным видом деятельности кубанских руповцев. В период революции она достигала достаточно большого размаха. Во время обыска у народной учительницы Е. А. Ганжи (сестры А. А. Левитского) 28 сентября 1905 года было конфисковано 160 брошюр и книг разных наименований, 850 прокламаций 15 названий, 88 газет на украинском и русском языках. Практически имелись все газеты ЦК РУП и заграничных комитетов («Гасло», «Селянин», «Праця», «Добра новина» и др.), социал-демократическая «Искра» и эсеровская «Революционная Россия» (26). Другим таким видом была работа с учащейся молодежью. Такие педагоги-украинофилы, как И. Ротарь и А. Левитский, пользовались уважением и популярностью. Хотя это скорее относится к их личностям, чем взглядам (27).

Надо отметить, что пропагандистские материалы украинских революционеров нередко все же отличались от таковых других революционных организаций.

Обращение «РСДРП к кубанским казакам» было составлено достаточно продуманно. Составители листовки не увлекались политическими лозунгами, а делали акцент на трудностях казачества. «Хозяин кормит и бережет свою скотину, а о нашей жизни никто не заботится». Особое внимание было уделено незавидным перспективам казачества в условиях рыночной экономики и прогрессирующе-

го малоземелья: «Земельные наделы все уменьшаются, расходы на снаряжение все увеличиваются». Обращение в большей мере было направлено на подрыв лояльности казачества правительству, чем на пропаганду собственных идей (28). Прокламация «Украинской революционной партии» была гораздо проще. Ее основными лозунгами были «Гэть вийну» и «Гэть зверюку-царя». Основной упор делался на эмоции, неприятие сиюминутной политической ситуации, а не на насущные интересы людей. Как обычно, не учитывалась военно-служилая составляющая казачьей ментальности, особый статус казачества, его относительная зажиточность. Листовка была скорее рассчитана на полунищих крестьян. Каких-либо национальных требований в листовке не было (29).

25 августа 1906 г. в Екатеринодаре было создано легальное, просветительское крыло движения кубанских украинофилов – общество «Просвита». Была избрана рада в составе Эрастова, Потапенко, Янченко, Жарко, Ротаря, Грюнера, Яливого, кандидатами в нее выбраны Донченко, Мегеря, Мельник, Скопец. На открытии общества С. И. Эрастов добрым словом помянул децентрализацию и свободы, царившие в свое время в Речи Посполитой, и призвал добиваться такого же статуса в рамках Российской империи (30). В пользу новой организации была устроена украинская ярмарка с участием театральных трупп С. Глазуненко и В. Потапенко (31).

В период Первой русской революции число филиалов Общества «Просвита» росло, как и число других левых организаций. В 1906 г. их количество достигло двенадцати (32). Уже к весне 1907 г. функционировали филиалы в Майкопе, Темрюке, станицах Каневской, Новотитаровской, Платнировской, Пензенской, Северской, Тихорецкой, Усть-Лабинской, Уманской, Пашковской, Лабинской, на хуторах Романовском и Зубова Балка. Приоритетными видами работы были распространение литературы, чтение лекций и рефератов. Общество «Просвита» активно распространяло не только партийную литературу, но и самые разные книги леволиберальной и национально-освободительной направленности. Активисты «Просвиты» активно распространяли сведения по истории и культуре Украины, проводили самые разные культурные мероприятия, активно и относительно успешно занимались сбором средств, которые шли главным образом на финансирование революции. Так, из тысячи рублей, собранных

на очередную Шевченковскую годовщину, собственно на заявленное мероприятие осталось только три рубля (33).

В 1912 г. С. И. Эрастов создал в Новороссийске музыкально-драматический кружок, ставший легальным прикрытием для группы УСДРП (34).

В целом партийцы действовали совместно с другими объединениями левых интеллигентов и революционеров. Как самостоятельная сила, ориентированная на интересы украинцев, партия себя не проявила, но предпочитала вести свою деятельность в контексте «общегражданских проектов». Революционеры-укаинофилы пользовались одними и теми же явочными квартирами с социал-демократами, эсерами и анархистами. Те, в свою очередь, пользовались типографией укаинофилов. Во время острого противостояния с черносотенцами все либералы и социалисты активно поддержали С. Эрастова и Г. Доброскока (35).

Характерный пример этого – участие укаинофилов в демонстрации левых сил, посвященной принятию Манифеста 17 октября в 1905 г. Никаких национально ориентированных призывов и деклараций они не представили. Укаинофилы не решились чем-либо выделиться из среды революционно настроенных екатеринодарцев, кроме как лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на украинском языке. На митинге, начавшемся после шествия, укаинофилы утверждали, «что нет русских и украинцев, а есть свободные граждане» (!), и что всем нужно «дружно двигаться к социализму» (36).

Уже при советской власти, в 1927 г., С. И. Эрастов пишет мемуарную заметку для краснодарской «Червонной газеты». Он рассматривает кубанское укаинофильство в контексте общероссийского революционного движения, критикует «федерализм» и «самостийничество». При этом в заметке в позитивном ключе упоминается белоэмигрант Ф. А. Щербина. При этом С. В. Петлюра практически обходится вниманием (37).

Неудивительно, что исторически судьбы многих членов РУП – РСДРП оказались связанными отнюдь не с украинским национальным движением.

Партийный активист Никон Васильевич Заема вместе с двоюродными братьями Романом и Павлом были батраками с Херсонщины. Есть сведения, то Павел Заема был автором воззваний «До укра-

инського робочого люду» и «Селянам вийны нэ трэба». По другим сведениям, Н. В. Заема происходил из Звенигородского уезда Киевской губернии, так же как и его двоюродный брат Павел. Они состояли в Черноморской Громаде УСДРП. На Кубани Никон Васильевич появился в 1904 г. Среди своих соратников называет будущих членов Кубанской Рады Манжулу и Рябовола. В 1905 г. вместе с большей частью партии начал сближение с РСДРП. С 1907-го начал сближаться с российскими социал-демократами гораздо активнее однопартийцев. До 1911 г. отбывал ссылку в Тобольске за нелегальную типографию. Позже, до 1913 г., действовал в Москве и Санкт-Петербурге как организатор забастовок. Позже «повышал революционную квалификацию» и жил в Австрии. В 1915 г. подозревался в провокации и был отослан обратно на Кубань. Занимал четкую большевистскую позицию. Есть сведения, что в 1917 г. в Колпино (Санкт-Петербург) им была создана большевистская подпольная типография. В 1918 г. заведовал средствами передвижения при военном совете Кубано-Черноморской Республики. Позже служил в Красной армии кладовщиком 32-го автобронедивизиона. С 1920 г. – член Краснодарского ревкома. Работал кладовщиком в коммунальном управлении. В 1923-м возглавил отдел благоустройства.

Примечательно, что Н. В. Заема украинского языка не знал и позиционировал себя как русскоязычного украинца.

Таким образом, РУП – УСДРП оказалась кузницей кадров, с одной стороны, для казачьих самостийников, с другой – для большевиков (38). Украинofilы принимали участие и собственно в казачьем движении, и в экономической самоорганизации. Решающим рубежом, когда некоторые из них стали работать в рамках казачьей самоорганизации, стало также окончание революции, когда украинofilы стали в основном переходить к культурной, просветительской, экономической деятельности. Тогда традиционно сильная казачья самоорганизация начала принимать новые формы в соответствии с бурно развивающейся на Кубани капиталистической экономикой в сочетании с традиционными коллективистскими традициями. На Кубани начала бурно развиваться кооперация, сочетавшаяся с работой, направленной на улучшение жизни казачества, защиту и укрепление его прав и свобод. Некоторые украинofilы успешно вошли в этот процесс и частично его возглавили. Участие украинofilов в «ка-

закофильской» деятельности было продолжением их традиционной установки на участие в любых видах самоорганизации как можно большего числа населения Кубани.

В 1907 г. отец Н. С. Рябовола основал кредитный кооператив, где Николай стал помощником. В 1909 г. станица делегировала его на учредительный съезд по постройке кооперативной Кубанско-Черноморской железной дороги. Здесь он был избран в организационный комитет и взял на себя обязанности в утверждении властями устава дороги, а также по банковскому финансированию предприятия и по подбору строительного-технического персонала. После успешного завершения задачи в 1912 г. Рябовол был выдвинут на пост одного из директоров правления. К тому времени ему было 28 лет. Осенью 1912-го Рябовол вместе с еще одним директором железной дороги, полковником Ореховым, едет в Лондон для организации облигационного займа. Задачу выполнили блестяще, за труд им насчитали комиссионное вознаграждение – 160 тысяч рублей (огромную по тем временам сумму). Оба отказались от гонорара и передали деньги железной дороге (39).

Следующие три года проходят для Николая Степановича в работе по постройке железной дороги. Кроме этой основной работы, он принимает живейшее участие в организации Кубанского союза мелкого кредита (союз кооперативов). В скором времени этот союз вырос в могучую краевую организацию. Николай Степанович занимал в нем по выборам должность председателя совета союза (40).

Такие активные деятели Черноморской железной дороги, как Н. С. Рябовол, С. Ф. Манжула стали виднейшими деятелями Кубанской Рады (41). Это, а также участие в кооперативном движении сделали для их становления как политиков во много раз больше, чем украинофильская деятельность.

Последняя впоследствии продолжала вестись как бы «изнутри» казачьего самостийничества. Так, С. Ф. Манжула в конце июня 1918 г. выступал за объединение Кубани с Украиной (42).

Примечательно, что С. И. Эрастов, оставшийся «чистым» украинофилом, несмотря на свой большой личный авторитет, серьезной политической карьеры на Кубани не сделал. Во время Гражданской войны он пишет рассказ, в котором говорится, что С. И. Эрастов видит своё возвращение к активной политической деятельности только

во сне, в случае прихода в Цемесскую бухту мифических украинских дредноутов. Примечательно, что сын С. И. Эрастова был командиром Красной армии, а дочь вышла замуж за адъютанта адмирала Кутепова. Украинское самостийничество оказалось невостребованным и в его собственной семье... (43).

Особенно в рамках «общегражданской» деятельности украинофилы проявили себя у руля «Попечительства о народной трезвости». Кубанские интеллигенты, определяющие его лицо, ставили перед собой глобальные задачи. Они считали, что в рамках существующего традиционного уклада жизни эффективная борьба с пьянством уже невозможна. Поэтому лидеры движения за народную трезвость решили сделать упор на модернизацию образа жизни как такового. Они стали пытаться привить широким массам кубанцев интерес к достижениям культуры и знаниям, желание улучшить свою жизнь. Для этого стали организовываться библиотеки, проводиться театральные представления, лекции, кинопоказы. За этой активностью крылось и желание привить народным массам тягу к прогрессу и изменениям. В контексте этой «общегражданской» деятельности и велась пропаганда украинофильства. Недаром активным деятелем «Попечительства о народной трезвости» начала XX в. был революционер-украинофил С. И. Эрастов (44), который позже передал свою должность украинскому поэту Я. В. Жарко. Чтобы «Попечительство...» не выглядело слишком революционным и сепаратистски настроенным, активисты «Попечительства...» добросовестно признавали пользу распространения религиозности в деле укрепления народной трезвости. В его работе достаточно активно участвовали священники (45).

В 1904 г. работа «Попечительства...» выглядела достаточно успешной. В Темрюкском отделе его активность вызывала интерес общественности. В Майкопском отделе к 1 января 1905 г. было создано 42 библиотеки (46). Но со временем «программа по изменению быта» в казачьих населенных пунктах показала свою неэффективность. Для сил общественной организации она была слишком грандиозной. К тому же модернизация явно не оправдывала надежд, возложенных на нее как на инструмент морального совершенствования. При этом «Попечительство...» мало занималось реальной борьбой с пьянством и алкоголизмом (47). В 1913 г. Ейский уездный комитет попечительства констатировал неудовлетворительное качество своей

работы. Отмечалось, что народ не проявляет интереса к лекциям и спектаклям. В Кавказском отделе библиотеки «Попечительства...» были закрыты уже в 1909 г. по причине нехватки средств (48). Представители лабинского комитета жаловались на отсутствие частных пожертвований (49). Необходимо отметить, что в некоторых станицах деятельность низовых ячеек «Попечительства...» приносила реальную пользу. «В станице не было духана. Хочешь выпить – иди в Самурскую или Дагестанскую. Общество трезвенников было. Этим и отличалась станица», – вспоминают в станице Нижегородской (50).

Вообще украинофилы также пытались встраиваться в работу и вести пропаганду в различных общественных организациях: от общества любителей изящных искусств до общества приказчиков (51). Все это говорит о слабости кубанских украинофилов, о том, что они фактически не являлись самостоятельной политической силой.

После поражения революции 1905–1907 гг. и отъезда С. И. Эрстова политическая деятельность кубанских украинофилов быстро пошла на спад. Следы их деятельности видны в Екатеринодаре еще в первой половине 1908 г., а потом – в 1913–1914 гг. Возрождается партия уже после февраля 1917 г. (52). В межреволюционный период оставшиеся на свободе украинофилы занимались культурным просветительством. Г. Доброскок читал лекции по истории Украины в Народном университете. А. А. Геращенко и К. Я. Бескровный в 1909 г. вновь открыли книжный магазин общества «Просвита» (53). Активная украинская культурная пропаганда велась под эгидой Пашковского ссудо-сберегательного товарищества. В 1914 г. в станице Пашковской общее собрание ссудо-сберегательного товарищества приняло решение открыть при товариществе библиотеку имени Т. Г. Шевченко и назначить ответственным за нее Спиридона Родионовича Сотниченко. Интересно, что в последующие годы товарищество заботилось о пополнении библиотеки и ежегодно выделяло на нее средства из прибыли, полученной от своей деятельности (54).

Украинофильское движение на Кубани в дореволюционный период представлено двумя волнами, во многом как в политическом, так и в культурном плане. Это кружок Я. Г. Кухаренко в 1840–1860-е гг., лояльный и скорее ориентированный малороссийски, и украинофилы, настроенные революционно, чья деятельность пришлось на конец XIX – начало XX в. Эти волны достаточно четко укладываются

в традиционную схему национального движения: сначала изучение народной культуры, просвещение; следующий этап – национально-политическая борьба.

Украинофилы были представлены на Кубани активными и яркими личностями, такими как Я. Г. Кухаренко и даже будущий лидер самостийной Украины времен Гражданской войны С. В. Петлора. Украинофилы, особенно периода второй волны, действовали достаточно активно, пытаясь извлечь из сложившейся политической ситуации максимум возможностей, сотрудничать со всеми силами, с какими только было для них возможно.

Однако их подвели заведомо неверные стратегические планы и установки. Все украинофилы не учли этнокультурных изменений, произошедших с бывшими черноморскими казаками, складывание их самобытной кубанско-казачьей идентичности, добровольное сближение с русским народом, восприятие общерусской идентичности.

Во время Гражданской войны кубанские казаки-самостийники рассматривали Украину как желанного союзника. Но даже предпочитали собственно казачью идентичность украинской, не столько по собственному почину, сколько по причине неизмеримо большей востребованности первой (55).

Большинство кубанских украинофилов были выходцами из других регионов. Но эта группа населения структурировалась в рамках восточного славянства по сословному и социальному признакам, а отнюдь не по этническому. Иногородние в дореволюционный период и во время Гражданской войны объединялись против казаков именно по социальному критерию, чем и воспользовались большевики (56).

Таким образом, у кубанских украинофилов попросту не было реальной социальной базы. Например, такой, которую в лице части украинского крестьянства нашли петлюровцы (57). Кубанские украинофилы чрезмерно зависели от своих союзников. Неудивительно, что многие из них постепенно примыкали к тем силам, которые обладали реальной поддержкой в рамках той или иной социальной группы, к таким как большевики или кубанская казачья самоорганизация.

В этой связи неудивительно, что кубанские украинофилы представляли собой сообщество, в самом лучшем случае достигавшее численности в пару сотен человек. Украинофилы нередко добыва-

лись на Кубани личной значимости и влияния, но не как украинофилы, а как представители неких сфер деятельности: кооперативные активисты, деятели культуры и пр. И им не удавалось способствовать росту значимости украинской идентичности в регионе.

Примечания

1. Федина А. И. Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. Краснодар, 2004. С. 48–53.

2. Федина А. И. Украина в жизни первого кубанского писателя Я. Г. Кухаренко // <http://kuban-ukraine.org/ru/fedina.html> (дата обращения – 11. 02. 2014).

3. Федина А. И. Александр Кухаренко и его письма // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 1. С. 17.

4. Федина А. И. Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. Краснодар, 2004. С. 34, 36.

5. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX века. Краснодар, 1994. С. 5.

6. Бондарь Н. И. Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 5–48.

7. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 5.

8. Федина А. И. Александр Кухаренко и его письма // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 1. С. 15.

9. Федина А. И. Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. Краснодар, 2004. С. 5, 7, 39.

10. Федина А. И. Анна Лыкова (Кухаренко), ее муж и дети: к генеалогии кубанских казачьих родов // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013. Вып. VII. С. 327–332.

11. Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 году с приложением документов и записки полковника Шарапа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 320–386.

12. Сергійчук В. І. Симон Петлюра під прицілом кубанської охоранки // Кубань – Україна: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев. 2013. Вып. VII. С. 344–354.

13. Дикарев М. А. Рождественские святки (отрывки из малорусского народного календаря) // Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001. С. 3–11.

14. Чумаченко В. К. К публикации воспоминаний С. И. Эрстова // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 2. С. 27.

15. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 81, 148–197.

16. Там же. С. 82.

17. Чумаченко В. К. К публикации воспоминаний С. И. Эрстова // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 2. С. 27.

18. Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф. И. Елисеева. Краснодар, 2013. С. 120.

19. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 81.

20. Там же С. 82.

21. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 209–210.

22. Там же. С. 82.

23. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 128.

24. Там же. С. 148.

25. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 209–210.

26. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 245.

27. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 242–43.

28. ГАКК. Ф. 583. Оп. 3. Д. 12. Л. 2 – 2 об.
29. Там же. Л. 780–781.
30. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 244.
31. Золотарева И. Д., Чумаченко В. К. К истории кубанской «Просвиты» // Культурная жизнь Юга России. 2006. № 2.
32. Чумаченко В. К. К публикации воспоминаний С. И. Эрастова // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 2. С. 27.
33. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 244–245.
34. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 247.
35. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 246.
36. Чумаченко В. К. Кубанский драматург // Родная Кубань. 2002. № 1. С. 106.
37. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 543. Л. 3 – 5.
38. ЦДНИКК. Ф. Р-17 74. Оп. 2. Д. 14. Л. 1, №, 17; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1068. Л. 2–4.
39. Шульгатый Д. Бессменный глава Рады // <http://ngkub.ru/news/Ryabokon> (дата обращения – 30. 01. 2014); Рябовол Николай Степанович // Казачий словарь-справочник Калифорния. 1958. <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/r.html> (дата обращения – 30. 01. 2014)
40. Николай Степанович Рябовол (К 17-й годовщине со дня его смерти) // <http://forum.elan-kazak.ru/t1278-topic> (дата обращения – 30. 01. 2014)
41. Леусян О. А. Из истории Черноморско-Кубанской железной дороги // <http://www.yuga.ru> (дата обращения – 30. 01. 2014)
42. Шульгатый Д. Бессменный глава Рады // <http://ngkub.ru/news/Ryabokon> (дата обращения – 30. 01. 2014)
43. Ерастов С. Мрії // Сучасність. 2007. №6. С. 134–150.
44. Отчет о деятельности Кубанского областного Попечительства о народной трезвости за 1904 год. Екатеринодар, 1906. С. 214–219.

45. Там же. С. 188.; ГАКК. Ф. 465. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
46. Отчет о деятельности Кубанского областного Попечительства о народной трезвости за 1904 год. Екатеринодар, 1906. С. 119, 141.
47. ГАКК. Ф. 465. Оп. 1. Д. 35. Л. 19.
48. Там же. Л. 23–26.
49. ГАКК. Ф. 465. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
50. ПМ КФЭЭ – 2003. А/к. – 2950. Краснодарский край, Апшеронский район, станица Нижегородская, информатор – Перепелица М. Ф., исследователь – Рыбко С. Н.
51. Екатеринодар – Краснодар. Два века в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 240.
52. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности: северокавказский регион (конец 90-х годов XIX – февраль 1917 года). Краснодар, 2001. С. 82.
53. Там же. С. 247.
54. Федина Т. Ю. Первые попытки увековечения памяти Т. Г. Шевченко на Кубани (дореволюционный период) // <http://uadocs.exdat.com> (09. 07. 2013)
55. Баранов А. В. Демографическое эхо войн 1914–1922 годов: украинский фактор в социальном и политическом развитии Юга России первой трети XX в. // Великая Оте́чественная война в контексте истории XX века. Краснодар, 2005. С. 17.
56. Бежкович А. С. Современный этнический состав населения Краснодарского края // www.prosvita.ucoz.ru (дата обращения – 18. 02 2014)
57. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. М. – СПб., 2013. С. 164–165.

3. УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА НА КУБАНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В дореволюционный период на Кубани в большом количестве были представлены различные проявления украинской культуры: профессиональной, любительской и пр. Начнем рассмотрение с наиболее востребованных видов.

На Кубани была популярна украинская песня, в том числе и у русских жителей Кубани. Еще в дореволюционный период она активно исполнялась артистами Войскового певческого хора (1). Уровень исполнительского мастерства в нем был очень высок. Октавист Середа был взят из хора в Санкт-Петербург в придворную капеллу. И во многих других случаях исполнители Войскового певческого хора нередко не уступали лучшим столичным виртуозам. Обучение регентскому искусству в придворной капелле было распространенной практикой для наиболее одаренной части артистов хора. Неудивительно, что певчие по окончании службы получали офицерский чин. Украинская песня, наряду с духовными песнопениями, занимала одно из важнейших мест в репертуаре хора (2). Например, еще в середине XIX столетия одними из самых способных выпускников курсов при капелле были урядник Моисей Терпилец и казак Митрофан Быбик (3).

До 1913 г. на Кубани бывали лишь приезжие бандуристы, такие как Хоткевич, Кучеренко. Ещё на Шевченковскую годовщину 1904 г., проводимую в Екатеринодаре на базе женской гимназии, был приглашён бандурист с Украины (4). Бандуристы вызывали постоянный интерес кубанских украинофилов. В организации этих концертов определенную роль играл Войсковой певческий хор (5).

На Кубани вновь появились бандуристы. В 1913 г. (либо в 1912-м) по инициативе чиновника управления Кубано-Черноморской железной дороги М. Богуславского была организована летняя школа игры на бандуре. Преподавателем ее стал будущий выдающийся украинский кобзарь В. Емец. Одним из наиболее талантливых ее выпускников был А. Чёрный (6). Последний был одаренным музыкантом, теоретиком и педагогом (7). В организации школы принял участие и С. Сотниченко, двоюродный брат А. Чёрного (8). Вообще

пашковская группа украинофилов в лице К. Плохого и А. Сотниченко (жены С. Сотниченко) приняла самое активное участие в создании школы бандуристов (9).

Из 15–20 первоначальных энтузиастов, занимавшихся в школе, бандуристами стали братья И. и С. Дибровы, учитель Семенихин, учительница Е. Дарнопых, Бессчастный, Ерзов. Энтузиасты принадлежали к разным социальным слоям. З. Конограй был казаком действительной службы, Адамович-Глебов – адвокатом (10).

Однако постоянной капеллы бандуристов в Екатеринодаре не сложилось. Наибольшей популярностью пользовался И. Диброва, выступавший на многих официальных мероприятиях по всей Кубани. Гастролировали по региону также А. Чёрный и Бессчастный. Бандура вызывала несомненный интерес как старинный казачий инструмент (11).

Этот факт успешно использовал известнейший кубанский бандурист З. А. Диброва, хорошо знавший кубанские станицы, и старавшийся внимательно относиться к интересам и вкусам жителей конкретных станиц (12). Ещё во время обучения бандуристы предпочитали носить бандуру «по-казачьи»: как винтовку за плечами. Такой вид ношения помогал им продемонстрировать гордость за свое дело, хотя объективно вредил инструменту (13).

Нельзя не сказать и об украинском театре, который вызывал интерес у самой простой публики, в том числе и у великорусской. В первую очередь это касалось пьес «из крестьянской жизни» (14).

В Екатеринодаре самым активным образом выступали самые разные украинские труппы: как ориентированные на вкусы «простой публики» (труппа Глазуненко), так и серьезные, ставящие себе планку полноценного европейского театра (труппа Садовского). Они ставили как «традиционные» украинские пьесы «из народной жизни» – «Наталка Полтавка», «Сватання на Гончаривци», так и произведения классического репертуара, например «Ревизор» Н. В. Гоголя. С успехом шли украинские оперетты, такие как «Запорожец за Дунаем».

Пьесы классического репертуара кубанские зрители нередко смотрели раз за разом, знали наизусть любимые диалоги. Украинский театр обладал большой силой воздействия по причине совмещения драматической игры, пения и танца. Поэтому любимые артисты были крайне популярны. Например, представители кубанской интел-

лигенции приняли живейшее участие в праздновании 30-летия сценической деятельности талантливой комической актрисы А. П. Затыркевич. Юбелярше была отправлена поздравительная телеграмма на украинском языке (15).

Украинофилы хотели видеть серьезный, «интеллигентный» театр на украинском языке, поднимающий важные вопросы современности, экзистенциальные вопросы. Настаивали на политизации пьес «из народной жизни». Украинофилы нередко настаивали, чтобы артисты играли более «интеллигентно», а не «народно» (16).

Основная же масса зрителей предпочитала более «архаичный» развлекательный украинский театр: с юмором, песнями, танцами, любовными историями (17).

Показательно, что такая же ситуация сохранялась уже в советский период, в начале 1930-х гг. Театры по разнарядке ставили украиноязычные пьесы коммунистического содержания. Но выручку делали за счет той самой старомодной классики, которую, кстати, называли «этнографическим материалом» (18).

На Кубани существовало и несколько любительских украинских драматических кружков. В 1906 г. такой кружок действовал в Екатеринодаре под руководством Городецкого, а также под руководством Н. Костюка и в Выселках. В 1911 г. именно в этом кружке О. Кирий поставил свою пьесу «Сибиряки», написанную в 1909 г. В кружке играл увлеченный, но вполне интернациональный коллектив украинофилов. Они говорили по-украински не только на сцене, что было редкостью как для любителей украинского сценического искусства, так и украинского пения. В большинстве своем эти люди даже между собой говорили по-русски (19).

Проводились на Кубани и этнографические исследования. Сбором богатого кубанского фольклорно-этнографического материала впервые организованно занялся украинофил М. А. Дикарев. Для этого он познакомился в разных уголках Кубани с массой людей, которые и пересылали ему разнообразные материалы. Ученик М. А. Дикарева А. Пивень издал до эмиграции 28 сборников казачьего фольклора, зачастую литературно обработанного автором. Еще раньше над составлением учебного русско-украинского словаря работал В. Мова (20). Описанием исторических связей кубанских казаков с украинскими и донскими в духе традиционной казачьей идентичности занимался видный деятель казачьей культуры П. П. Короленко (21).

Что касается украиноязычной литературы, то малороссийский кружок Я. Г. Кухаренко в основном тяготел именно к ней. Активно печатался сам Я. Г. Кухаренко. С ним соперничал казачий генерал, мемуарист и автор юмористических рассказов В. Вареник, избравший в качестве творческого ориентира манеру Г. Квитко-Основьяненко. В журнале «Основа», на который он отчасти ориентировался, дебютировали Ф. Бойчук, В. Мова-Лиманский, Д. Дмитренко-Бут, С. Шарап. Стихи Ф. Бойчука, критика С. Шарапа публиковались в 1863 г. в «Кубанских войсковых ведомостях». М. Стеценко-Нордега издал драму «Доля» в приложении к «Харьковским губернским ведомостям». Оперетта К. Головатого «Доля или каждодневное безобразие» так и не была опубликована. В. Мова-Лиманский впоследствии активно публиковался за границей (22).

На украинском языке на Кубани и на рубеже XIX–XX вв. писали немало литераторов, в основном поэтов. Еще до возникновения активного политического украинофильства, в 1890-е гг. в Екатеринодаре формируется литературный кружок «Кубанская Громада». В разное время в него входили М. Дикарев и Г. Доброскок, М. Вороний, Я. Жарко, В. Потапенко, более молодые Ф. Капельгородский, О. Кирий, А. Пивень. Кружок не был политической организацией, а скорее обычным землячеством творческой интеллигенции. Наиболее талантливыми из них называют поэтов В. Самийленко и М. Вороного. Последний стал одним из зачинателей украинского поэтического авангарда (23).

Характерным образцом творчества украинских поэтов Кубани является сборник «Писни» Я. Жарко, миниатюрная семнадцатистраничная книжка. В нем собраны стихи, написанные в традиции подражания украинской народной песне и творчеству Т. Г. Шевченко. В них речь идет о нелегкой крестьянской доле, любви и пр. (24).

Стремление следовать «народным мотивам» объяснялось не только вкусами самих авторов, но, прежде всего, стремлением соответствовать вкусам и пристрастиям кубанского читателя. Недаром сложный и изысканный М. Вороной завоевал признание уже за пределами региона...

Некоторые стали известными в Екатеринодаре еще в дореволюционный период (например О. Кирий) и продолжали свой творческий путь уже в советском Краснодаре или в эмиграции. Наиболее

известный из них, А. Пивень, скорее относился к числу казакофилов, чем украинофилов. Хотя он активно сотрудничал с последними, но тексты писал на кубанском диалекте, а не на украинском языке (25). Количество украинских писателей на Кубани явно превышало читательский спрос. Отсюда и возник упор А. Пивня на местный диалект, который и сделал его популярным. Популярность его творчество поддерживала фольклорность, близость к нуждам казаков и чувство юмора (26).

В отчасти схожей манере (текст на литературном русском, диалоги на кубанском диалекте) писали такие прозаики, как Н. Канивецкий и И. Косинов, которые также были достаточно популярны. «Кубанисты» усиленно критиковались украинофилами – блюстителями чистого украинизма (27).

Своих читателей они находили в рамках сравнительно узкой субкультуры кубанских украинофилов, а также на самой Украине. На них в большей или меньшей степени оказывала влияние коммунистическая (и шире левая в целом) идеология (28).

До 1863 г. какое-либо книжное дело на Кубани не было развито. Немногие интересующиеся чтением выписывали книги в Москве, Санкт-Петербурге, а также в Харькове. Например, И. Д. Попко преимущественно ориентировался на столицы и великорусскую книжность. Я. Г. Кухаренко имел украинофильские интересы и выписывал харьковские и одесские издания. Украинский журнал «Основа» выписывал и полковник С. А. Шарап.

Украинская книга сколь-нибудь широкого хождения не имела. Исключением стал исторический труд А. А. Скальковского «Історія Нової Січі або останнього коша запорозького», половину тиража одного из изданий которого выкупили черноморские казаки, что было связано с «запорожским мифом», крайне значимым для самосознания казаков (29).

На Кубани создавались частные украинские библиотеки. Владельцами их были представители казачьей старшины Я. Г. Кухаренко, В. С. Вареник. В их библиотеках можно было найти книги классиков украинской литературы – И. Котляревского, Е. Г. Шевченко, Г. Квитко-Основьяненко, М. Вовчок, а также научные и научно-популярные труды, такие как «Записки о Южной Руси» П. Кулиша, труды И. Срезневского, А. Мелетинского. Это были «малороссы», ориентировавшиеся на харьковскую группу украинофилов.

Сначала такого литературного направления придерживался и поэт и драматург В. С. Мова-Лиманский, который впоследствии перенес основную сферу своего интереса на галицийские издательские центры. Так же как и популяризаторы украинской книги И. П. Подушко и М. А. Дикарев, последний публиковал в первой половине 1890-х гг. обзоры украинской литературы в «Кубанских областных ведомостях».

Некоторое время на Кубани украинские книги удавалось издавать С. И. Эрастову. Они распространялись через книгонош-корзинщиков, часто на ярмарках. Отдельного украинского издательства на Кубани в дореволюционный период так и не появилось. Однако украинские книги выходили в типографиях И. Ф. Бойко, Э. Килиуса, издательствах «Просвита» и «Ридна земля». В них выходили книги поэтов Я. Жарко, О. Кирия, П. Кившенко, О. Островского, М. Раевского и других. Украинские книги, кроме Екатеринодара, издавались в Армавире и некоторых больших станицах, например в Уманской (30). В 1913–1932 гг. на Кубани действовал украинский книжный магазин (31). В Екатеринодарской городской библиотеке имени Пушкина имелись книги классиков украинской литературы: Т. Г. Шевченко, И. Котляревского, И. Франко, П. Кулиша, а также кубанского драматурга Г. Доброскока, который возглавлял библиотеку (32).

Однако реальный спрос на украинскую книгу явно был слабее предложения. Она, в отличие от песни и театра, вызывала интерес в достаточно узком кругу любителей и энтузиастов. В определенной степени исключение составляли произведения «Кобзарь» Тараса Шевченко и «Энеида» Ивана Котляревского, в 1840–1860-х гг. – «История Новой Сечи» А. Скальковского, которые были читаемы и покупаемы из-за их близости к песенному творчеству, украинской старине, казачьей жизни. К тому же «Кобзарь» целенаправленно и усиленно пропагандировался украинофилами. Например, на юбилее Т. Г. Шевченко 1995 г. эту книгу бесплатно раздавали бедным (33).

Нередко сочинения кубанских украинофилов, как это нередко бывало и впоследствии, вызывали значительно большее внимание со стороны единомышленников на Украине. Так, в библиотеке известного украинского интеллектуала Б. Д. Гринченко имелась целая коллекция книг, брошюр и статей Я. Кухаренко, М. Дикарева, Я. Жарко, Г. Доброскока (34).

Таким образом, из всего богатства украинской культуры на Кубани пользовалась популярностью ее устная, нетекстовая составляющая: песня, музыка и театр. Причем наиболее популярным был репертуар, тесно связанный с устным народным творчеством. Народность вместе с активной пропагандой повлияли и на достаточную популярность творчества Т. Г. Шевченко.

Все, связанное с историей и культурой казачества, было востребовано, несомненно, в большей степени, чем просто украинское, чего в целом нельзя сказать об украинской литературе. Шире – об украиноязычном тексте. Он был востребован в основном в рамках круга энтузиастов-украинофилов. Иногда в значительной степени – за пределами Кубани. Но и в отношении книг сказывалась близость к народной культуре. Поэтому уже несколько старомодная «малороссийская» классика или книга, посвященная казачьей тематике, были востребованы не в пример больше чего-то новомодного, «политически актуального».

И в целом не лучшим образом на популярности самых разных проявлений профессиональной украинской культуры сказывались интеллектуализация и отрыв от народной тематики.

Примечания

1. Слепов А. А., Ерёменко С. И. Музыка и музыканты Екатеринодара. Краснодар, 2005.
2. Эрастов С. И. Записки старого екатеринодарца // Родная Кубань. 1998. № 2. С. 121–122.
3. Федина А. И. Черноморцы в императорской капелле // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 2. С. 19–20.
4. Бесчастный К. П. Письмо И. М. Шаповалу // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1997. № 2. С. 7.
5. Чумаченко В. К. Предисловие // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 115.
6. Чумаченко В. К. Предисловие // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 115.
7. Емец В. Казаки-бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3. С. 43.

8. Чёрный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 117–118.

9. Емец В. Казаки – бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3. С. 41.

10. Там же. С. 42.

11. Чёрный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 118–121.

12. Нырко А. Ф. Зот Диброва – рыцарь кубанского кобзарства // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 135.

13. Емец В. Казаки-бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3. С. 42.

14. Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация в 1917–1933 годах. Краснодар, 2010. С. 53; Ктиторов С. Н. Украинские страницы первого зимнего театра на Кубани // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2007. Вып. 2. С. 123–126.

15. Федина Т. Ю. Актрисы передвижных украинских театров в восприятии кубанских зрителей (конец XIX – начало XX вв.) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013. С. 178–179.

16. Федина Т. Ю. Актрисы передвижных украинских театров в восприятии кубанских зрителей (конец XIX – начало XX вв.) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013. С. 181.

17. Потапов В. Труппа П. Садовского // Новая зоря. 1908. № 524. 9 июля. С. 3; Понятенко В. На новом пути // Новая зоря. 1908. № 526. 11. Июля. С. 1.; Потапов В. Ревизор // Новая зоря. 1908. № 520. 4 июля. С. 1.

18. Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. 171–175.

19. Кирий О. Театральный Екатеринодар // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1997. № 2. С. 10.

20. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 7–8.

21. Чумаченко В. К. «Неутомимый и упорный работник» (П. П. Короленко) // Кубань: проблемы культуры и информатизации, 2001. № 2. С. 11.

22. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 4–6.

23. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 8.

24. Жарко Я. Писни. Екатеринодар, 1905.

25. Чумаченко В. К. Новое об Александре Пивне // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 1. С. 19–20.

26. Пивень А. Чорноморськи вытребенькы або тры мышкы грчанои вовны. М., 1912.

27. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 9.

28. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция Кубанского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992. С. 113.; ГАКК. Ф. Р-1682. Оп. 17. Д. 25; Розумиенко Е. Д. Из литературного наследия // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 222; Ем. Разумеенко. У украинских пролитписателей // Красное знамя. 1929. № 228. С. 4.

29. Слуцкий А. И. К истории книгораспространения и книжной торговли на Кубани до 1863 года // Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Краснодар, 2013. С. 22–23.

30. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 9.

31. Грушевский Д. В. Кубано-украинские книжные связи на имперском, советском и постсоветском пространстве // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев. 2011. Вып. 5. С. 83–84.

32. Слуцкий А. И. Библиотечный каталог как источник по истории книжного дела региона, или кубанская тематика в личной библиотеке Б. Д. Гринченко // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013. С. 27.

33. Чумаченко В. К. «От де, люде, наша слава...» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 8

34. Слуцкий А. И. Библиотечный каталог как источник по истории книжного дела региона, или кубанская тематика в личной библиотеке Б. Д. Гринченко // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2013. С. 30.

4. СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ УКРАИНИЗАЦИИ, ПРИЧИНЫ ЕЁ НАЧАЛА

Украинофильство и украинский национализм появились на Кубани в конце XIX – начале XX в. Действовала малочисленная Революционная украинская партия, культурно-пропагандистское общество «Просвита» (до 1907 г.), кружки любителей украинского театра, игры на бандуре и др. Однако по-настоящему украинское национальное движение активизировалось только после победы революции (1).

Падение царской власти в феврале 1917 г. вызвало резкое оживление национальных движений в регионах России. Не стало исключением и украинское движение на Кубани. Свою относительно значимую роль оно получило благодаря украинофилам, перешедшим после краха первой русской революции на проказацьки позиции.

После революции было восстановлено общество «Просвита», разогнанное в 1907 г. Собрание, посвященное возобновлению деятельности общества, состоялось 24 марта 1917 г. и было инициировано «Кубанской украинской национальной радой» (2). Рада, сразу после своего образования в марте 1917 г., объявила новым, революционным российским властям, что планирует добиваться создания разветвленной сети украинских школ, всячески расширять сферу применения украинского языка, в частности, способствовать его внедрению в церковное богослужение (3).

Общество «Просвита» занималось пропагандой украинского литературного языка, украинского искусства. Особое внимание уделялось пропаганде украиноязычной книги. После возобновления деятельности «Просвита» вскоре получила официальную поддержку. Активизировались связи общества с Украиной, была организована украинская гимназия, создано товарищество «Школьна освіта». В рамках деятельности этого общества был составлен украинский букварь (4). О начале его издания было объявлено 1 июля 1917 г. (5).

5–7 апреля 1917 г. на съезде кубанских учителей было решено открыть курсы для подготовки украинских учителей и способствовать введению украиноязычного преподавания в тех школах, где это пожелают родители учеников (6).

В 1917 г. станичные сходы некоторых станиц стали в явочном

порядке принимать решения об украинизации станичных школ. «С первого сентября 1917 года в наших станичных школах ввести преподавание на родном языке, так как только родная школа, преподавание на родном языке способно принести пользу населению края и Родины», – гласил приговор схода станицы Старолеушковской (7). Подобные документы были приняты в станицах Ахтырской и Старокорсунской (8). Сообщения об этих приговорах могли быть не всегда достоверными. В большинстве же случаев они принимались «в пакете» вместе с другими декларациями, продиктованными временным ростом популярности в связи с революцией «левых» станичных интеллигентов. Впоследствии во многих черноморских станицах принимались прямо противоположные решения станичных сборов. (см. раздел 7).

В тот же период складывались и новые властные органы Кубанской области. 17 апреля 1917 г. казаки, участники съезда уполномоченных населенных пунктов, созванного по причине революционных событий, провозгласили создание Законодательной Рады Кубанской области. (На съезде уполномоченных населенных пунктов выступали представитель от общества «Просвита» (г-жа Ивасюк) и от Кубанской украинской национальной рады (Черменский) (9). Во время первой сессии Рады, которая проходила 1–11 ноября, было сформировано Войсковое правительство, первый его состав возглавил «самостийник» Л. Л. Быч. За период Гражданской войны сменилось пять составов правительства разного состава. Их частая смена отражала нестабильность и внутреннюю борьбу между черноморскими (Н. С. Рябовол, Л. Л. Быч и др.) и линейными казаками (А. П. Филимонов и др.), «самостийниками» и сторонниками единства России. 8 января 1918 г. первая сессия объединенной Законодательной Рады провозгласила Кубань самостоятельной республикой, входящей в состав России на автономных началах (10). Подобное неопределенное положение, отсутствие конституционно закрепленного статуса вызывали постоянные конфликты с «белым» деникинским руководством, также стремившимся к контролю за территорией Кубани (11).

Официально на уровне краевой Рады был поставлен вопрос о создании украинских школ во всех населенных пунктах с украинским населением. Летом 1917 г. были открыты украинские учительские курсы, стали печататься учебники. Осенью начался организо-

ванный переход школ на украинский язык (12). Ему способствовало наличие ядра учителей-энтузиастов, таких как К. В. Кравченко (13). Некоторые учителя с Украины изъявляли желание ехать на Кубань для работы (14). Все это давало определенные результаты. К началу 1920 г. в станице Привольной было организовано регулярное преподавание украинского языка в начальном училище (15). Украинские отделения создавались и в рамках русскоязычных школ. Такое отделение в 1918–1919 гг. действовало в шкуринском станичном училище (16).

7 мая 1919 г. местный сход принял решение об украинизации учительской семинарии в станице Полтавской. Она была вызвана настоятельным желанием станичной интеллигенции готовить учителей для преподавания на украинском языке (17).

Рос интерес к украинской книге, театру (18). В этом процессе особую роль играло общество «Просвита». Например, 9 июля 1917 г. оно поставило в станице Старокорсунской спектакль «Бондаривна», прошедший с успехом. 25 марта того же года в станице Ахтырской с размахом был отпразднован юбилей Т. Г. Шевченко. Эта станица вообще отличалась ярко выраженной проукраинской ориентацией населения (19). В Новороссийске украинская община регулярно устраивала концерты и театральные постановки. Украинская музыка звучала во время так называемых «этнографических концертов», которые проводились в разных городах Кубанской области. В октябре 1918 г. в рамках вновь открытой екатеринодарской консерватории был создан класс бандуры под руководством Г. Семенихина. Со спектаклями в Екатеринодаре выступали театральные труппы Чумаченко-Веселовской, Гайдамаки. Последняя имела особенный успех. Вынашивался план открытия в городе стационарного украинского театра под руководством Гайдамаки. В репертуаре украинских трупп преобладали традиционные исторические пьесы, такие как «Мазепа», «Гетман Дорошенко» (20).

Активисты «Просвиты» выступали за единство всех украинцев независимо от сословной принадлежности, за преобразование России в демократическую федеративную республику, позже, с 1918 г., за создание независимой кубанской республики в союзе с Украиной. Одновременно стал назревать конфликт между ними и кубанскими интеллигентами из числа энтузиастов русской культуры. Украинские

активисты развязали конфронтацию с активными носителями общероссийской идентичности, которых было немало среди кубанских казачьих офицеров (21).

С сентября 1917 г. в Екатеринодаре стала выходить украиноязычная газета «Черноморец». В Новороссийске – подобное же издание под названием «Черноморська рада» (22). Помимо Кубанской украинской национальной рады действовала и Украинская черноморская рада (23). Эти организации старались действовать в русле национального движения на Украине и пытались ориентировать кубанцев на его поддержку. Например, на заседании Рады, которое состоялось 7 мая 1917 г., обсуждался украинский национальный конгресс, украинские учительский и кооперативный съезды, проходившие в Киеве (24).

Украинский учительский съезд, состоявшийся в Екатеринодаре 13–14 мая, заявил о своей солидарности с решениями киевского национального конгресса и учительского съезда. В частности, его делегаты высказались за введение школьного преподавания на украинском языке. Они старались способствовать и революционизации казачества. Вечером 14 мая состоялась лекция Звораньского «Козачина и его роль в освободительном движении» (25). По инициативе известного кубанского политика К. Л. Бардижа на Кубани были созданы отделения украинских казачьих организаций. Их члены принимали участие в съезде «вольного казачества» в октябре 1917 г. (26).

Стремление привлечь интерес ко всему украинскому, с одной стороны, объяснялось симпатиями кубанских самостийников, с другой – они имели на Кубани недостаточно прочную социальную базу и очень нуждались во внешнем союзнике.

Таким образом, украинские активисты старались пробудить интерес к политическим событиям на Украине. Отчасти им это удавалось. Рада сообщала, что в нее поступают запросы об отношении областного исполнительного комитета к автономии Украины и присутствию представителей на войсковом съезде в Киеве (27). Её представители совместно старались добиться представительства в краевом исполнительном комитете при поддержке общества «Просвита» (28).

Усиливались и собственно политические контакты с самостийной Украиной. В украинскую Центральную Раду вошли в качестве представителей Кубани М. Левитский и С. Эрастов. На торжествен-

ном заседании в честь перехода власти к Кубанской Раде М. С. Рябовол тепло приветствовал представителей Украины. Он заявил, что она – истинная родина кубанцев, а Россия – только мачеха. Для переговоров о создании федеративной республики Украины и Кубани в Екатеринодар была направлена делегация во главе с Е. Анацким и М. Галаганом. А в конце октября 1917 г. на Украину был направлен член Кубанской Рады И. Белый. В феврале 1918 г. часть депутатов Рады начала вести подготовительную работу для присоединения Кубани к Украине на федеративной основе. 28 апреля того же года в Киев прибыла делегация Кубанской Рады в составе М. С. Рябовола, С-Ш. Гирея, К. Я. Бескровного и Г. В. Омельченко. Она ограничилась заключением договоров о дипломатических и торговых отношениях, мореходстве, почтово-телеграфном сообщении (29).

Контакты Кубани и Украины устанавливались и в сфере культуры. На Кубань прибыл специальный Государственного издательства Украины О. Панченко. По поручению министра просвещения Центральной Рады И. Стешенко на Кубань для концертной деятельности командировали капеллу из 20 бандуристов (30). Двое кубанских бандуристов, М. Телига и Ф. Диброва, в 1918 г. отправились в Киев для участия в капелле кобзарей (31). Дело в том, что на Украине активно действовали органы по координации развития художественного творчества. Искусство курировал соответствующий отдел секретариата по просвещению Генерального секретариата. Деятельность этого учреждения продолжалась и при гетманском правлении, и при Директории. Поэтому, например в период революции, имел место рост выпуска художественной литературы на украинском языке (32).

Благодаря усилиям украинских активистов краевая власть принимала меры по дополнительному стимулированию развития украинской культуры. Была создана должность инструктора по украинской школе при министерстве просвещения Кубанского края (33). Оно заявляло о готовности оказывать станичным школам помощь в переподготовке учителей для преподавания украинского языка и о присылке новых (34).

По свидетельству очевидцев, самостийнические настроения приобрели все же некоторую популярность в казачьей массе после бесчинств большевиков в первый период их господства на Кубани (35). Но и после этого они не переросли в стремление к национально-

государственному суверенитету. Казаки только стремились к защите своих привилегий и образа жизни от коммунистов. «Проклятый москаль волю и власть козачу штыком соби в руки захватыв, здавив нас як муху в лыщетку и хозяйство все наше разорыв. Москаль дал нам понять, как надо було батькив, начальство почитать; москаль уразумив нас, як трудно досталась козацтву Кубань, грыз наших предкив, москаль дав нам понять, що без виры и дистыплины жизнь погана и опасна (36), ...», – говорилось в общественном приговоре станицы Старонижестеблиевской.

Это особенно примечательно в связи с постепенной активизацией после 1917 г. украинского национального движения и казачьего национализма в среде местной интеллигенции. Его лидерами были деятели законодательной Рады, такие как Н. С. Рябовол, А. И. Кулабухов и другие. Они, прежде всего, опирались на поддержку станичной интеллигенции. Характерным лидером самостийничества станичного масштаба был глава потребительской кооперации станицы Пашковской, один из инициаторов возрождения на Кубани игры на бандуре С. Р. Сотниченко. Как деловой, образованный и равнодушный к общему благу человек, он пользовался расположением станичников. Однако его пропаганда стала вызывать интерес только после того, как обозначился упадок белого движения. В начале 1920 г. С. Р. Сотниченко и трое его товарищей были убиты деникинцами. Их похороны привлекли много народа и вылились в самостийническую манифестацию. Был установлен памятный крест, окрашенный в желто-голубой цвет. «Свирид Сотниченко. Борець за правду і волю, за найкращу людську долю. Убитий добровільцями 6 січня 1919 року», – было написано на кресте. Видно, что казаки ценили в С. Р. Сотниченко личные достоинства и верность казачьим интересам, а не конкретные политические взгляды (37). Те же самые идеи и чувства прослеживаются в народной песне, посвященной памяти Н. Рябовола: «Спы ты, любый наш Мыкола, / Ны забудэм мы тэбэ николэ. / Шо ты... шо ты зробив для народу, / А сам умэр за свободу. / Прыд твоею мы труною / Клянэмося пэрэд тобою./ Будэм... будэм с тэбэ пример браты, / Кубань ридну защищаты...» (38). В то же время среди казаков станицы Пашковской большой популярностью пользовался их земляк, блестящий командир А. Г. Шкуро, отличавшийся государственноческими взглядами. Его уважали опять-таки не за них, а как казака-героя (39).

Самостийническая составляющая проявилась и на заключительном этапе Гражданской войны на Кубани. Член Законодательной Рады и убежденный сторонник самостоятельности Кубани М. П. Пилюк крайне негативно относился к деникинцам. Он даже оказался среди руководства «красно-зелёной» партизанской армии. Используя свой авторитет в казачьей среде, он призвал Кубанскую армию, отступившую под Сочи, сложить оружие и признать советскую власть. М. П. Пилюк стал заместителем председателя казачьей секции Кубано-Черноморского ревкома. После карательных акций большевиков против казачества, которые имели место осенью 1921 г., он стал бороться с советской властью. М. П. Пилюк руководил партизанским отрядом. Вместе с бывшими членами Рады – Савицким, Малиновским, Юрченко и Безуглым он стал членом «Временного кубанского повстанческого правительства». Последнее вошло в историю как «авантюра Пилюка». Партизанские соединения Пилюка были окружены и разбиты под Тихорецком. Другие белоповстанческие лидеры, возглавлявшие организацию «Доно-Кубанские зеленые орлы», даже выступали за создание единой республики на территории Кубани, Дона и Украины (40). Деятельность повстанцев-самостийников не повлияла на развитие политической ситуации, но обратила на себя внимание новых властей.

Принято считать, что советская украинизация была составной частью коренизации – программы повышения статуса и привлечения к социалистическому строительству нерусских народов СССР. Известный специалист по национальному вопросу в Советском Союзе Терри Мартин считал украинизацию составной частью коренизации (41). Такого же мнения придерживалась крупнейший знаток проблемы украинизации по Советскому Союзу в целом Е. Ю. Борисёнок (42). Т. П. Хлынина, специалист в области коренизации на Северном Кавказе, также в свое время определяла политику украинизации как часть коренизации, в том числе и позже 1925 года (43). Такой же точки зрения придерживался и автор этих строк (44). Но она явно нуждается в уточнении.

Политика коренизации фактически началась практически сразу после прихода к власти большевиков (45). Она опиралась на серье-

ные тенденции, наметившиеся еще на рубеже XIX – XX вв., связанные с резким ростом и увеличением влияния национальной интеллигенции в Российской империи, а также укреплением левой русской интеллигенции, настроенной на сотрудничество с национальными интеллигенциями, на целенаправленное просвещение и развитие нерусских народов России, но где украинцам отводилось далеко не первое место в отличие от более «отсталых» народов. (46).

И тем не менее лично Х. Г. Раковскому и украинским национал-коммунистам наряду с «грузинскими товарищами» принадлежит важнейшая роль в провале сталинского плана «автономизации», т. е. республики не стали входить на правах автономий в состав РСФСР. Они объединились в СССР как отдельные субъекты. Раздавались громкие призывы к равенству Украины с РСФСР. В. И. Ленин был вынужден отклонить план Сталина, хотя первоначально, в 1921 г., сам его придерживался (47). В письме В. И. Ленину И. В. Сталин писал: «... молодое поколение коммунистов на окраинах ведут игру в независимость, отказываются принимать как игру, упорно принимают слова о независимости за чистую монету, и также упорно требуют от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем должны подчиняться центру..., то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик» (48). Так что роль И. В. Сталина, несмотря на занимаемый им пост наркома национальностей, в процессе коренизации была ординарной и даже отчасти страдательной.

Первоначально, до 1924–1925 гг. украинизация развивалась в рамках «коренизационного движения и политики коренизации. Уже 22 апреля 1920 г. было принято решение о создании национальных школ для этнических меньшинств (49). Работу с украинцами специально не выделяли. Она шла в рамках нацменработы (50). Например, украиноязычная газета «Селянска беднота» указывалась в одном перечне с эстонскими, армянскими и венгерскими газетами (51).

Однако в первой половине 1920-х гг. украинцев далеко не всегда включали в состав «национальных меньшинств». Они не включались в процесс «коренизации». Например, в 1924–1925 гг. власти Туапсинского района не осмыслили украинцев как национальное мень-

шинство (52). По мнению исследователя И. Г. Иванцова, аналогичная ситуация имела место и в Сочинском (53), и в Темрюкском районе в те же годы, хотя украинцев там было немало, и они «замечались» властями, но не осмыслились как национальное меньшинство (54). Иногда подобный подход имел место уже в начале 1930-х гг. В 1931 г. нацменами в Белореченском районе считались армяне и греки. И именно их считалось необходимым просвещать, прежде всего принимать в партию и комсомол. Об украинцах не говорилось ничего (55). В 1930 г. в Крымском районе нацменами считались греки, армяне и шапсуги. Именно по отношению к ним реализовывалась национальная политика партии (56).

В 1924 г. о слабой «украинской работе» в Туапсинском районе писала газета «Красное знамя». Одновременно «украинская работа» не отделялась от работы с другими национальными меньшинствами (57).

Но с середины 1920-х гг. постепенно разворачивается самостоятельная программа украинизации. Важную роль в поддержке процесса украинизации союзным центром и лично И. В. Сталиным имела международная составляющая. Власти стремились оторвать украинцев от украинской националистической эмиграции, дискредитировать пропаганду, которую вели в отношении украинцев страны Антанты и, в особенности, Польша. СССР стремился привлечь на свою сторону украинцев, живущих в Польше, в Чехословакии и Румынии (58). В этом И. В. Сталин и его команда были не оригинальны. Они более последовательно продолжили политику царского и Временного правительств времен Первой мировой войны, которые и начали заигрывать с украинцами с целью не дать Германии, а впоследствии – большевикам завладеть их симпатиями. Главнокомандующий при Временном правительстве Л. Г. Корнилов даже настаивал на «украинизации» некоторых крупных воинских частей вопреки мнению будущего гетмана Скоропадского... (59).

Собственно «сталинской» составляющей в украинизации было кадровое выдвиженчество. Так, начиная с 1925 г. украинизация государственного аппарата на территории Украины стала активно использоваться для выдвижения молодых кадров, лояльных власти (60). Этот процесс имел место и на Кубани. И здесь украинизация активно использовалась для привлечения молодых кадров из рабоче-кре-

стьянской среды. Так, при наборе в Краснодарский педагогический институт предпочтение отдавалось украинцам из семей рабочих, батраков и крестьян-бедняков (61). И именно в этот период на Кубани был взят курс на планомерную украинизацию, представленный на II Кубанской окружной партийной конференции (62).

Однако важнейшей причиной украинизации стало желание И. В. Сталина использовать национально ориентированных коммунистов Украины в своей борьбе с Троцким и Зиновьевым, а украинские национал-коммунисты старались использовать И. В. Сталина для укрепления собственных позиций и позиций культурного и политического украинизма. Так же как и московские лидеры, они были заинтересованы в пропаганде советской версии украинства на международной арене.

Фактор общих с относительно слабым центром интересов активно использовал видный украинский партийный деятель Н. Скрыпник. Его сторонники, такие как А. Я. Шумский, П. Ф. Гринько и В. П. Затонский постепенно усиливали свое влияние после начала в 1923 г. «коренизации». (А. Я. Шумский и П. Ф. Гринько были выходцами из меньшевистских партий.) (63). Эти партийные деятели отстаивали позицию широкой самостоятельности союзных республик СССР в ущерб центру. На XII съезде ВКП(б) они прямо выступали за сохранение союзными республиками основных атрибутов независимых государств.

Свою роль играла и слабость социальной базы большевиков. Власти видели опасность для себя в сословной и национальной розни (64). Особое опасение вызывало сословное самосознание казаков. Его во многом и собирались подменить национально-украинским. В этом были солидарны как «москвичи», так и «киевляне».

При этом Сталин изрядно опасался киевских национал-коммунистов. По воспоминаниям С. А. Микояна, «у Сталина было два пугала: украинский национализм и ленинградская оппозиция» (65).

Уже начиная с дореволюционного периода, украинские социал-демократы активно сотрудничали с Л. Д. Троцким (66). Друг и соратник Троцкого с 1910 г., Х. Г. Раковский возглавлял правительство Украины и был членом Политбюро ЦК КП(б)У с 1919 по 1923 г. Как раз занимая эти посты, он максимально активно контактировал с Л. Д. Троцким. Х. Г. Раковский самым решительным образом поддер-

живал «местный национализм» в среде коммунистов, выступал за децентрализацию и национализацию компартий (67).

Курс на тотальную украинизацию на Украине был взят уже в 1923 г. (68). Во многом это было платой за перевод из республики Х. Г. Раковского.

Украинские коммунисты, среди которых было немало бывших членов национал-коммунистических партий (боротьбистов, борьбистов, укапистов), ратовали за присоединение к УССР обширных районов с преобладающим украинским населением и/или развитие на них украинской национальной культуры (69). В сферу их интересов входила Кубань и некоторые другие регионы РСФСР. Однако многие члены ЦК ВКП(б) с сомнением относились к инициативам украинских национал-коммунистов.

Очередные уступки им были сделаны в 1926 г. (например, перевод в Москву Кагановича). К маю 1928 г. был достигнут компромисс. Кубань, и другие регионы, решили оставить в составе РСФСР, но провести на ее территории полномасштабную украинизацию (70).

Ценой развертывания украинизации на территории РСФСР Сталиным была получена поддержка украинской парторганизации в борьбе как с левым, так и с правым уклоном. Была сорвана агитация видным троцкистом Х. Г. Раковским в пользу своей программы, которую тот пытался вести в Харькове в ноябре 1927 г. (71). На первые роли на Украине стал выдвигаться ярый противник Раковского Н. А. Скрыпник (72).

Последний сменил в роли «локомотива украинизации» видного украинского национал-коммуниста А. Я. Шумского. Тот придавал украинизации чрезмерно «самостийнический» и антироссийский уклон. И. В. Сталин подверг его резкой критике, но оставил в силе курс на развитие украинизации. Просто его реализация была передана в руки Н. А. Скрыпника. Под его руководством в июле 1927 г. Всеукраинский ЦИК и СНК УССР издали постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». В соответствии с ним был взят курс на тотальную украинизацию языковой среды Украины, перевод на украинский язык образования, делопроизводства, пропаганды и пр. На Украине было украинизировано 80 % школ и 30 % вузов. В 1928 г. была проведена реформа украинского правописания, которая решительно отделила украинский язык от русского (73).

Очень важную роль сыграло мнение украинской партийной организации в победе Сталина над Бухариным. «Сталин купил украинцев тем, что убрал с Украины Кагановича», – говорил последний в 1928 г. (74). С ведущей ролью игры Сталина с украинскими национал-коммунистами в деле начала и проведения украинизации согласен и историк-украинофил С. Кульчицкий (75).

Украинские национал-коммунисты декларировали, что украинизация может способствовать повышению эффективности культурно-политической работы со станичниками Кубани. Она может использоваться как повод для внедрения советской власти и идеологии в повседневную жизнь сельских кубанцев. Недаром украинизация совпала с организацией в станицах сети хат-читален, появлением радиоточек, проведением кинопоказов (76). Украинизацию планировали использовать для работы с женщинами-украинками. Юбилей Т. Г. Шевченко, например 1926 г., был проведён для популяризации решений съездов партии по национальному вопросу (77). Среди украинизационных мероприятий значится антирелигиозная пропаганда, работа по активизации женского движения и бедноты (78). Так, весной 1929 г. украинская секция при АПО ЧОК ВКП(б) была ответственна за проведение антипасхальной кампании среди украинцев г. Новороссийска (79).

Целью украинизации официально объявлялось создание коммунистической, пролетарской украинской культуры в преддверии массовой пролетаризации кубанских селян, переходу их к образу жизни, характерному для индустриального общества (80). Недаром в 1931 г. в Северском районе ставилась цель украинизировать все учреждения культурной сферы (81).

Начиная с 1928 г. украинизация принимает все более агрессивные формы, становится принудительной и всеобщей для Северо-Кавказского края (82). 17 июля 1928 г. в Краснодаре состоялось совещание советских, партийных и общественных деятелей, посвященное украинизации Кубани. На нем был заслушан доклад комиссии ВЦИК и ЦКК, проводившей анкетирование населения. Выяснялись различия в культуре и укладе жизни Кубани и УССР, отношение к украинизации различных социальных групп (83). Параллельно проводились и другие важные встречи активистов и ответственных работников: например заседание коллегии НКП, окружная учительская

конференция. Этому предшествовало этнографическое обследование украинского населения Кубани, проводившееся экспедицией Русского музея Ленинграда в мае–июне 1928 г. (84). В серьезности качества доводов учитывались и работы кубанских филологов-украинофилов, таких как М. А. Садиленко (85).

На совещании было высказано предложение ускорить украинизацию. Состоявшаяся в это же время окружная учительская конференция проходила в напряженной атмосфере, часто возникали споры о целесообразности и объемах украинизации (86).

9 августа 1928 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило в месячный срок разработать план и методы сплошной украинизации (87). Последняя, прежде всего, предполагала массовый перевод на украинский язык делопроизводства, пропаганды и партийной работы (88). (Надо отметить, что административный призыв в деле проведения украинизации имел место уже в середине 1920-х гг. После 1928–1929 гг. он только усилился.) (89).

Надо особо отметить, что эти мероприятия и их решения относились именно к украинизации, а не к нацменработе вообще.

Осенью 1932 г. украинизацию вновь решили углубить и ускорить (90). Это было связано с хроническим затягиванием выполнения прежних планов.

При этом в разгар украинизации ее и собственно «нацменработу» разделяли, хотя и считали сходными кампаниями, проходящими в некоем общем русле. Например, в тот период коренизацию и украинизацию разделяли в Кушевском районе. Отдельно выделяли украинскую и «нацменскую» литературу (91). В 1930 г. в Стандартском районе украинцы отсутствовали в перечне нацмен (92). В 1931 г. такая же ситуация имела место и в Северском районе. Отдельно выделяли украинизацию, отдельно – работу с нацменами (93). На практике в районах сплошной украинизации директивно пытались украинизировать не только русских, но и некоторых нацмен, например немцев. Эта практика в 1931 г. вызвала гневную критику со стороны Северо-Кавказского крайисполкома (94).

Противоречивость соотношения «коренизации» и «украинизации» проявилась в том, кого включали в число студентов-нацмен во Всесоюзном техникуме мясной промышленности. Практически все они были представителями народов Северного Кавказа. И только

один Яков Кислун был украинцем (95). В 1931–1932 гг. в Совпартшколе для нацмен г. Новороссийска преподавание на украинском языке вообще не велось. В школе не было создано отдельного украинского сектора. Причем среди курсантов школы заочной формы обучения украинцы были третьими по численности (47 человек) после русских и армян. Все они занимались на интернациональном отделении, где преподавание велось на русском языке (96).

При этом все же не стоит чрезмерно «разводить» украинизацию с коренизацией. Обе программы реализовывались в едином русле советской национальной политики того времени. Теоретическим основанием для украинизации, как и коренизации, считались решения по национальному вопросу XII и XIII съездов партии (97). Именно делегаты краевого совещания уполномоченных по нацменделам, прошедшего в июне 1930 г. в Ростове-на-Дону, занимались проверкой уровня реализации программы украинизации (98).

Развертывание кампании украинизации способствовало и включению кое-где украинцев в число нацмен. В 1925 г. украинцы не числились в числе нацмен города Кропоткина, а в 1927 г. уже числились наряду с татарами и армянами (99).

И в целом планы украинизации во многом оставались на уровне деклараций (100). Уже в 1930 г. в одном из самых украинских районов – Славянском – отмечалась слабая реализация планов по украинизации, зачастую их фактическое невыполнение. В том же году в Краснодарском городском райкоме партии украинизация также рассматривалась в целом как строка в отчетности, а не реальное дело. Это неудивительно, если учесть, что среди делегатов XIII районной партконференции украинцев было 6 % (101). В том же 1930 г. констатировалось отсутствие полноценной украинизационной деятельности в среде комсомольцев города Краснодара. Руководство городской комсомольской организации, между прочим, рекомендовало усилить подобную работу. Однако в основном упор делался на работу с еврейской молодежью (102). В начале 1932 г. в Павловском районе вяло, коротко и декларативно отмечалось, что «среди прочего» необходимо усилить и углубить» украинизацию (103).

Примечательно, что в период наивысшей активности украинизации – в 1930–1932 гг. делалась попытка «деукраинизировать» саму украинизацию. Идея обеспечения национальных прав украинцев ни-

велировалась и объявлялась незначимой. Основной задачей украинизации прямо постулировалось пропагандистское обеспечение выполнения промфинплана и сплошной коллективизации. Показательно, что раздел «Страничка колхозника» в краснодарской газете «Красное знамя» выходил в начале 1930-х гг. на украинском языке (104). В тот же период в Северском районе одной из первоочередных задач нацменработы было привлечение «националов» в колхозное строительство и создание национальных колхозов (105). В письме председателя ВУЦИК Украины Г. И. Петровского от 1932 г. к большевикам Кореновского района и в ответном письме большевиков ничего не говорится о каком-либо украинизме. Только лишь о коллективизации (106).

Из украинской литературы Кубани изгонялись собственно украинские национальные мотивы и подменялись сиюминутно пропагандистскими. По этой причине, например, подвергался нападкам известный украинский кубанский поэт О. Кирий (107). В 1930 г. партийная конференция Славянского района, на территории которого находился украинский педтехникум, постановила вести борьбу «с наметившимися тенденциями украинского национал-шовинизма среди определенных прослоек украинской интеллигенции» (108).

Таким образом, в первый период советской украинизации, в 1920–1925 гг., украинизация проходила в рамках «общей работы» по укреплению статуса национальных меньшинств и привлечению их к коммунистическому строительству. При этом нередко украинцы оказывались неохваченными «нацменработой», особенно на территориях, где проживали неславянские национальные меньшинства.

С 1925 по 1932 год в дело вступает феномен И. В. Сталина, которому нужна была поддержка сильнейшей украинской партийной организации в борьбе с политическими противниками, как внутри страны, так и за рубежом. И Сталин, и украинские коммунисты были заинтересованы в замене казачьего самосознания украинским.

В связи с этим украинизация таких регионов РСФСР, как Кубань была выделена в особую программу, по форме и смыслу сходную с коренизацией, однако не вполне ей тождественную, более обширную по охвату. С учетом украинизации значительной части сферы образования, культурной работы, органов власти и пропаганды украинизация фактически затрагивала все восточнославянское

население отдельных территорий. Одновременно ее реализовывали порой недостаточно последовательно и во многом декларативно. К тому же коренизация была следствием «общепогрессивных» тенденций, характерных для значительной части левой общественности и национальной интеллигенции. Украинизация же была следствием конкретной политической игры И. В. Сталина и украинских национал-коммунистов.

Последний период украинизации отмечен как наиболее последовательными мерами по ее реализации, так и «деукраинизацией» украинизации, объявлением ее служебной мерой для облегчения пропаганды коллективизации, претензиями к интеллигентам-украинофилам с партийно-советской точки зрения.

Примечания

1. Эрастов С. И. Воспоминания // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2000. № 2. С. 35–40.

3. Собрание украинцев // Свободная Кубань. 1917. № 3. С. 3.

3. Телеграмма Кубанской украинской национальной рады // Свободная Кубань. 1917. № 3. С. 3.

4. Леусян О. А. Февральская революция и активизация национального движения на Северо-Западном Кавказе // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность. Краснодар, 2008. С. 150.

5. К выпуску украинского букваря // Листок войны. 1917. № 1001. С. 3.

6. Областной учительский съезд // Свободная Кубань. 1917. № 11, 12. С. 3.

7. Старолеушковская // Вольная Кубань. 1917. № 11. С. 4.

8. Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. 1917. № 3. С. 3; Казак. Станица Старокорсунская // Вольная Кубань. 1917. № 6. С. 3.

9. Съезд представителей населенных пунктов Кубанской области // Свободная Кубань. 1917. № 13. С. 3.

10. Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 501, 517.

11. Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 500–560.

12. Коблянский А. Культурно-просветительская работа среди украинцев // Из опыта педагогической работы на Кубани. Краснодар, 1926. С. 73.

13. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 18.

14. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 249. Л. 3.

15. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 58. Л.2.

16. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 15. Л. 30об.

17. ГАКК. Ф.1 Оп. 1. Д. 546.

18. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 1,8.

19. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 301. Л. 1.

20. Еремеева А. Н. Между прошлым и будущим (художественная жизнь Кубани в годы революции и Гражданской войны). СП(б)„ 1996. С. 28, 46, 67–68, 74, 76.

21. Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. 1917. № 3. С. 3; Казак. Станица Старокорсунская // Вольная Кубань. 1917. № 6. С. 3; Станица Ахтырская // Вольная Кубань. 1917. № 11. С. 4.

22. Щетинина Г. В. По страницам украиноязычной периодической печати на Кубани // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. Славянск-на-Кубани. 2008. Ч. 2. С. 216.

23. Леусян О. А. Февральская революция и активизация национального движения на Северо-Западном Кавказе // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность. Краснодар, 2008. С. 150.

24. Украинская рада // Листок войны. 1917. № 961. С. 4.

25. Украинский учительский съезд // Листок войны. 1917. № 967. С. 3.

26. Белый Д. Д. Малиновый клин. Киев, 1994. С. 78.

27. Запросы об автономии Украины // Листок войны. 1917. № 1000. С. 4.

28. Украинцы // Листок войны. 1917. № 980. С. 4.

29. Белый Д. Д. Указ. соч. С. 78 – 81.

30. Нырко А. Ф. Зот Диброва, рыцарь кубанского кобзарства //

Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 134.

31. Емец В. Казаки-бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3. С. 40.

32. Еремеева А. Н. Художественная жизнь Юга России в условиях гражданского противостояния (1917–1920 гг.): содержание и тенденции развития. Автореферат докт. дисс... М., 1999. С. 23, 24, 26.

33. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 58. Л. 2.

34. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 249. Л. 31.

35. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 318. Л. 3.

36. Цит. по: Шульгин В. В. «Москали» // Родная Кубань. 2003. № 1. С. 26.

37. Цит. по: Лавров Л. И. Канун революции и гражданская война на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 143–144; Чёрный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 117.

38. Цит. по: Захарченко В. Г. Народные песни кубанских казаков. Краснодар, 1995. С. 215.

39. Цит. по: Лавров Л. И. Указ. соч. С. 140.

40. Тернавский Н. А. Станица Елизаветинская: имя на карте и в истории // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. С. 250–251.; Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Краснодар, 2008. С. 31; Кратова Н. В. Идеиные основы повстанческого движения на Кубани в 1920–1922 годах // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2006. С. 385–387.

41. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. М.: 2011. С. 377–402.

42. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. – М., 2006. С. 67–69.

43. Хлынина Т. П. Политика украинизации Кубани: 1920–1930-е годы // Дикаревские чтения (4). Белореченск, 1998. С. 30–31.

44. Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизации на Кубани в 1917–1932 годах. Краснодар, 2010. С. 23.

45. Материалы X съезда ВКП(б). М. 1936. С. 598–607, 698–704.

46. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000. С. 35–38, 160; Сергеев С. Интернационалисты вольные и невольные // URL.: www.apn.ru (дата обращения – 20.12. 2013).

47. Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2010. С. 179–180.
48. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчан- ний и фальсификаций. Краткий курс. СПб., 2010. С. 356.
49. ГАКК. Ф. Р – 158. Оп. 1. Д. 92. Л. 14.
50. ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 571. Л. 1–10.
51. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2.
52. ЦДНИКК. Ф. 652. Оп. 1. Д. 150. Л. 19.; ЦДНИКК. Ф. 652. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–2.
53. Иванцов И. Г. Актуальные вопросы истории Кубани в доку- ментах комиссии внутривластного контроля ВКП(б). 1920 – начало 1930-х годов. Краснодар, 2009. С. 86.
54. ЦДНИКК. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2.
55. ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.; ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 58.
56. ЦДНИКК. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 251.
57. Х. Мирный. Нацменьшинства // Красное знамя. 1924. № 15. 25 января. С. 4.
58. Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 5, 86.
59. Миллер А. И. Дуализм идентичностей на Украине // URL.: <http://www.strana-oz.ru> (дата обращения – 20.12.2013)
60. Там же. С. 170.
61. Чирва К. И. Готовьтесь в пединститут // Красное знамя. 1929. № 151. С. 3.; Ручка. О приеме украинцев в Краснодарский педагогиче- ский институт // Красное знамя. 1929. № 151. С. 3.
62. ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.
63. Там же. С. 122.
64. Письмо в редакцию // Красное знамя. 1929. № 150. С. 4.
65. Цит. по: Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2010. С. 247.
66. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолча- ний и фальсификаций. Краткий курс. СПб., 2010. С. 213.
67. Мельников В. Е. Раковский против Сталина. М., 1991. С. 7–13.
68. Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 107.
69. Борисенко. Указ. соч. С. 17, 70.
70. Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель

украинской Кубани //www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.); Белый Д. Д. Малиновский клин. Киев, 1994. С. 89.

71. Мельников В. Е. Раковский против Сталина. М., 1991. С. 17.

72. Там же. С. 21.

73. Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2010. С. 248–249, 381.

74. Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2010. С. 284, 289.

75. Кульчицкий С. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 109–110.

76. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.

77. ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 2, 4.

78. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 28,32.

79. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 923. С. 5.

80. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 309. Л. 6.

81. ЦДНИКК. Ф. 1364. Оп.1. Д. 21.

82. Мирук М. В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 174.

83. Екатеринодар – Краснодар. Два века в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 525.

84. Этнографическое обследование украинского населения Кубани // Красное знамя. 1928. № 110. С. 5.

85. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 10.

86. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 9.

87. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 1.

88. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 3.

89. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 9.

99. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 196.

91. Иванцов И. Г. Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссии внутривластного контроля ВКП(б). 1920 – начало 1930-х годов. Краснодар, 2009. С. 69.

92. ЦДНИКК. Ф. 910. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.; ЦДНИКК. Ф. 910. Оп. 1. Д. 91 Л. 2.

93. ЦДНИКК. Ф. 1364. Оп.1. Д. 21. Л. 46–47.

94. Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. С. 179–185.

95. ГАКК. Ф. Р – 291. Оп. 1. Д. 48. Л. 7–9.
96. ЦДНИКК. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–21.
97. ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.
98. Там же. С. 40–41.
99. ЦДНИКК. Ф. 17 24. Оп. 1. Д. 76. Л. 2; ЦДНИКК. Ф. 17 24 Оп.
1. Д. 48. Л. 1.
100. ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 об, 16.
101. ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. Д. 355. Л. 19, 45.
102. ЦДНИКК. 1994. Оп. 1. Д. 47. Л. 2, 6, 11.
103. ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 63. Л. 16.
104. Красное знамя. 1932. №210. С. 4.
105. ЦДНИКК. Ф. 13 64. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.
106. ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 249. Л. 1 – 8.
107. Лола М. Вступительная статья и др. // Наступ. Краснодар.
1932. № 2.
108. ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 62. Л. 16.

5. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И УКРАИНИЗАЦИЯ

Создание в 1920 г. Кубано-Черноморской области, объединившей после окончания Гражданской войны Кубанскую область и Черноморскую губернию, не было оформлено законодательно. Но уже в рамках этой административной единицы проводились реформы местного самоуправления, такие как «волостизация». Вместо станичного самоуправления вводилось волостное, т. е. ликвидировалась казачья специфика (1).

Чтобы смягчить и одновременно углубить этот процесс, стали проводиться первые украинизационные мероприятия. Украинская секция при подотделе нацменьшинств окружкома ВКП(б) Кубанской области была создана в апреле 1920 г. Она поставила своей целью изучение потребностей украинцев региона в национальной школе, заказывала украинские книги (2).

В 1924 г. последовали более планомерные и последовательные территориальные преобразования. С июня по ноябрь Кубань входила в состав Юго-Восточной области. На основании постановления президиума ВЦИК от 19 октября 1924 г. и постановления крайисполкома от 16 ноября 1924 г. Юго-Восточный край был переименован в Северо-Кавказский (3).

Украинизационные мероприятия также стали более активными.

После создания Северо-Кавказского края подобный отдел был создан в Кубанском округе. Поэтому 14 июня 1925 г. была создана украинская секция при ПО «Нацмен» Окружкома ВКП(б). 23 ноября 1925 г. за развитие и углубление украинизации высказалась II Кубанская окружная конференция ВКП(б). Ею было принято постановление «О работе среди украинского населения Кубанской области». В постановлении количество украинцев на Кубани определялось в 70–80 % от всего населения. Поэтому было решено считать конечной целью украинизацию Кубани (4). Были намечены конкретные меры. Особенно это касалось украинизации партийной, комсомольской, агитационной работы (5). 3 июля 1926 г. на заседании Кубокружкома ВКП(б) был утвержден перспективный план украинизации Кубани (6). Референдумов местного населения по поводу проведения

либо отмены украинизации партийцы постановили не проводить (7). Решение о начале проведения украинизации советского аппарата в украинских районах было принято на уровне Северо-Кавказского комитета ВКП(б) в ноябре 1926 г. Курс на уже начавшуюся украинизацию партийной работы подтвердило и детализировало совещание секретарей украинских секций райкомов Кубанского округа в марте 1927 г. (8).

Решением президиума ВЦИК от 2 июня 1924 г. на территории Кубани и Черноморья образовывались четыре округа: Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский. Наиболее активной украинизации должны были подвергнуться Кубанский (61 % украинцев) и Черноморский (36 % украинцев, самая многочисленная этническая группа) округа (9).

Они делились на районы. Их состав на территории Кубани был объявлен в постановлении Кубчероблисполкома от 19 июля 1924 г. (10). Тогда при реорганизации местных органов власти и проведении границ мелких территориальных единиц настойчиво декларировался национальный принцип (11). Он коррелировался с идеей приближения власти к массам, упрощения и удешевления деятельности советского аппарата (12). Одной из официально декларируемых целей районирования было «примирение казака, крестьянина и горца» (13). Именно округа со значительной численностью украинского населения должны были осуществлять основные мероприятия по обеспечению его прав (14). Поэтому, например, в Кубанском округе еще в ноябре 1925 г. был уже принят перспективный план по украинизации Кубани (имелась в виду территория, входившая в состав округа). Предполагалось выявление населенных пунктов, делопроизводство в которых должно было быть украинизировано немедленно. «...Ввиду того, что вопрос украинский имеет серьезное значение на Северном Кавказе, необходимо округам с украинским населением, в строгом согласии с национальной политикой партии, разрешить все вопросы, связанные с жизнью украинского населения», – говорилось в резолюции Третьей краевой партконференции, принятой в декабре 1925 г. (15).

Однако окружные планы воспринимались с оглядкой, как не имеющие достаточно веской санкции центральной власти (16). Действительно, уже в 1926 г. КрайОНО в соответствии с решением

Крайисполкома приостановило сплошную украинизацию местных отделов образования до особого распоряжения (17). Такие решения вызывались сопротивлением населения и многочисленными трудностями, с которыми сталкивались местные власти при проведении украинизации.

Участие в украинизационных мероприятиях принимали и районные власти. В основном речь идет о районных съездах советов, проводившихся в середине 1920-х гг. Эти съезды обращали внимание на необходимость развития местной украинской школы, выпуска украиноязычной литературы. Но они не могли принимать самостоятельных решений и лишь апеллировали к окружному руководству. Такой съезд, например, состоялся в административном центре Каневского района в станице Каневской.

Своеевлияние на развитие украинизации оказывали местные учительские конференции, например конференция Славянского, Поповичевского и Темрюкского районов Кубанского округа, которая состоялась 9–12 января 1926 г. Ее резолюции «Українізація на Кубані», «Про роботу хаги-читальні ст. Полтавської», «Про роботу дослідно-показової школи Куб. Укр. Педтехнікуму за 1-й трисеместр» і «Про роботу українських секцій педколективів» («Украинизация на Кубани»), «О работе избы-читальни ст. Полтавской», «О работе опытно-показательной школы Куб. Укр. Педтехникума за 1-й триместр» и «О работе украинских секций педколлективов») получили одобрение в регионе, в переводе на русский были опубликованы московским журналом (18).

В второй половине 1920-х гг. существовал план превращения Славянского района в Украинский национальный район. Делопроизводство и культурную жизнь района планировалось полностью украинизировать (19).

За этими мероприятиями последовало имевшее место в 1924–1926 гг. «оживление» местных советов, когда жителям решено было временно дать реальную возможность влиять на работу местного самоуправления (20). «Оживление» совпало с компанией «Лицом к деревне». 26 августа 1925 г. было принято постановление Северо-Кавказского исполкома «О работе советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края». Наряду с разрешением ношения казачьей формы и холодного оружия была предоставлена возможность

переводить делопроизводство местных советов на украинский язык пока еще по желанию станичников (21). Дело в том, что в основных «украинских» округах, Кубанском и Черноморском, среди казаков процент жителей, названных по итогам переписи «украинцами», был еще выше, чем среди населения в целом. В Кубанском – свыше 77 % украинцев, в Черноморском – 84 % (22).

В 1925–1927 гг. украинизация органов власти была направлена на создание отдельных украинских поселковых и районных советов, организацию культмассовой работы на украинском языке, создание и укрепление сети украинских школ (23). Например, в станице Северной на украинском языке стало вестись преподавание в одной из школ. На нём же проводится большая часть культурных мероприятий, концертов и спектаклей (24).

Украинская школа была и школой украиноязычного делопроизводства. Именно на украинском языке порой велась школьная документация (25).

Во время украинизации Советов проводились их перевыборы. С их помощью подбор депутатов становился более лояльным. В его состав избирались приехавшие с Украины батраки-иногородние, активисты, отвечавшие за проведение официальных кампаний и просто станичники, наиболее восприимчивые к пропаганде (26). Впоследствии переизбранные советы иногда принимали постановления о поэтапной украинизации местной школы, администрации, судопроизводства. Такое решение, например, было принято 14 марта 1926 г. в станице Уманской (27).

Одновременно все более активно проводился курс на общую коренизацию. Так, при Кубанском окрисполкоме в конце июня 1927 г. была утверждена должность инструктора по нацменьшинствам (28).

В декабре 1928 г. Северо-Кавказский крайком утвердил трехлетний план украинизации 37 районов, 19 из них – на Кубани (29). 7 июля 1929 г. бюро Кубанского окружкома ВКП(б) принимает местный план по украинизации районов округа: в 1929 г. – Славянского (90 555 украинцев – 69,13 % населения района в соответствии с переписью 1926 г.), в 1930-м – Павловского (60 922 украинца – 83,50 % населения района), Краснодарского (151 809 украинцев – 53,16 % населения), Брюховецкого (68 352 украинца – 82,76 % населения), Тимашевского и Каневского (46 001 украинец – 84,54 % населения);

в 1931-м – Приморско-Ахтарского (30 942 украинца – 76,75 % населения), Темрюкского (48 267 украинцев – (72,50 % населения), Абинского (43 962 украинца – 74,58 % населения), Кореновского 76 201 украинец – 64,95 % населения), Горячключевского (18 877 украинцев – 63,77 % населения) и Северского (42 199 украинцев – 63,50 % населения). В этих районах предполагалось украинизировать все делопроизводство, включая партийную работу, пропаганду, агитацию, судопроизводство. Тотальной украинизации подлежала сфера образования и культуры (30). Примечательно, что в начале сплошной украинизации, в 1928 г., численность украинцев в округе согласно подсчетам местных статистиков составляла более 828 тыс. украинцев. «Украинцами» статистики называли более 500 тыс. казаков и 328 тыс. иногородних (31).

Новопокровкий (19 187 украинцев – 26,50 % населения), Тихорецкий (46 582 украинца – 35,20 % населения) и Усть-Лабинский (20 419 украинцев – 23,21 % населения) районы не подлежали сплошной украинизации. На их территории должны были создаваться отдельные украинские сельсоветы (32).

Подлежавшие сплошной украинизации Ейский (90 489 украинцев – 65,27 % населения), Староминской (65 885 украинцев – 84,77 % населения) и Кушевский (68 232 украинца – 77,90 % населения) районы входили тогда в состав Донского округа (33).

В Армавирском округе украинизации подлежал Армавирский район. В его состав 6 ноября 1929 г. вошла территория Успенского района (27 109 украинцев – 46,09 % населения, самая крупная этническая группа по переписи 1926 г.) (34).

В Черноморском округе украинизации, прежде всего, подлежал Крымский район, переданный из состава Кубанского округа в 1925 г. (32 747 украинцев – 57,50% населения). Удельный вес украинского населения района сильно повысился после выделения из его состава территорий с большим количеством греческого населения (35).

В округе в начале 1920-х гг. из-за наличия отдельных поселений с большим числом украинцев считались заселенными украинцами Сочинский и Туапсинский районы (36): соответственно, 8 691 украинец – 15,86 % населения и 7 645 украинцев – 25,99 % населения) (37). Но процент украинцев на этих территориях был явно недостаточен для проведения их украинизации. Тем не менее в Сочинском районе

она имела место первоначально по общеокружной программе. Значительно большее внимание украинизаторов привлекли Анапский (29 430 украинцев – 54,53 % населения) и Геленджикский (7 215 украинцев – 43,20 % населения) районы; для сравнения: русских – 27,43 %, других национальностей – 29,38 %) (38). Уделялось внимание украинизации и в городе Новороссийске, несмотря на относительно небольшой процент украинского населения (15 476 украинцев – 22,78 % населения) (39).

Таким образом, сплошной украинизации в первую очередь подлежали районы с наибольшим удельным весом украинцев или их наибольшей численностью. Славянский район оказался первоочередником из-за влияния активистов-украинофилов, наличия украинизованного педтехникума в станице Полтавской. Город Краснодар подлежал украинизации при 30 % численности украинского населения (40).

Но в целом сплошная украинизация не должна была проводиться на территориях, где доля украинцев составляла меньше половины населения.

При этом необходимо иметь в виду, что вышеприведенные цифры взяты из данных Всесоюзной переписи населения. Ими в основном и оперировали чиновники-украинизаторы. Однако критерии оценки национальной принадлежности оставляли возможность для произвольных толкований. Т. П. Хлынина обращает внимание на нечеткость и противоречивость формулирования национальной принадлежности в вопросах для проведения переписи населения 1926 г. Это ставило опрашиваемых в тупик и зачастую не позволяло им сформулировать свою национальную идентичность.

В соответствии с более ранней переписью 1920 г. на территории Кубано-Черноморской области русскими назвало себя 80 % населения, украинцами же – только 11 % (41).

Принятию плана украинизации предшествовали активные административные преобразования, особенно в районах проведения сплошной украинизации.

Так, 11 февраля 1927 г. центр Медведовского района был перенесен в станицу Тимашевскую, более подходящую для этой роли по экономическому и культурному значению и условиям связи. Район переименован в Тимашевский. При этом сельсоветы Красно-

польский, Нововеличковский и Старомышастовский были переданы Краснодарскому району ввиду близости их расположения и пожелания населения.

Тогда же были упразднены: Поповичевский район ввиду несоответствия административных границ сельскохозяйственным районам и Уманский по причине его маломощности. Часть советов Поповичевского района – Бойкопунурский, Гречанобалковский, Днепровский, Зареченский, Казаче-Куирпильский, Могуоро-Гречаный, Поповичевский, Старовеличковский, Хмельницкий – была присоединена к Тимашевскому району. Остальная часть территорий распределена между Краснодарским, Приморско-Ахтарским и Славянским районами.

Территория Уманского района была разделена между Павловским и Каневским районами. К Каневскому отошел Крыловской сельсовет, к Павловскому – Белый, Куликовский, Новолатнировский, Уманский (42).

Видно, что перед началом сплошной украинизации подлежащие ей территории претерпели административно-территориальную реформу, призванную повысить их управляемость и ускорить хозяйственное развитие. Дело в том, что эта местность считалась средоточием казачьего «черноморского» духа. Ее население надо было в первую очередь сделать безопасным в преддверии «великого перелома». В официальных документах специально отмечалось, что активная фаза украинизации началась после окончания организационного оформления Северо-Кавказского края (43).

В 1929 г. во время XVI партийной конференции было объявлено о завершении районирования в СССР. Тогда же были ликвидированы сравнительно крупные субрегиональные территориальные единицы – округа. Функции оперативного управления передавались на места. При этом ужесточался контроль за выполнением планов центральной власти (44). Завершение районирования фактически совпало с началом самой активной фазы украинизации.

Несмотря на самые разные меры, в том числе и касающиеся административно-территориального деления, украинизация на местах столкнулась со значительным сопротивлением.

При этом в некоторых населенных пунктах украинизация проходила успешнее, чем в других, например в станице Полтавской. В

1925 г. здесь уже прошла украинизация школьного образования (45). Партийные и советские органы станицы перешли на украинно-язычное делопроизводство одними из первых. Здесь сказалась длительная традиция интереса станичников к украинской культуре, долгое и относительно стабильное влияние интеллигентов-украинофилов. Например, Николай Михновский, которого с начала XX ст. называли «отцом украинского национализма», до 1924 г. работал учителем в станице Полтавской (46). Однако и здесь в середине 1920-х гг. процесс украинизации сталкивался с сопротивлением, в том числе и в сфере школьного образования (47). В указанный период в станице продолжала действовать русская школа-девятилетка (48).

Похожая ситуация наблюдалась и в станице Каневской. Когда в станице организовали украинский кружок, то на его открытие пришло 278 человек (49). В станице работали учителя – местные уроженцы. Одного из них, Филиппа Григорьевича Иваненко, старожилы продолжали помнить и в начале XXI в. В станице действовала капелла бандуристов (50).

Изменения административно-территориального устройства и реформы в системе местного самоуправления 1920 – начала 1930-х гг. были призваны сделать регионы страны по-настоящему подконтрольными большевикам. Помимо прочего, они должны были способствовать нейтрализации недовольных и укреплению базы сторонников, подготовке базы для решительных преобразований. Украинизация преследовала те же цели, поэтому проводилась параллельно административной реформе, должна была способствовать ее успеху и получать от нее ускорение. В целом на местах украинизация сталкивалась с многочисленными трудностями. Но в ряде населенных пунктов проходила достаточно успешно.

Примечания

1. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 62–63.
2. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани 1920–30-х гг. Краснодар, 1991. С. 15–16, 24.
3. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 77.

4. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 121.
5. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.
6. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 5.
7. Бершадская О. В. Указ. соч. 2000. С. 121–122.
8. Украинский язык и украинизация на Кубани в 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
9. Макаренко М. Ю. Казачество Юга России в первой трети XX в.: социально-демографический облик // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 97.
10. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 77–78.
11. Она же. Влияние административно-территориальных образований на развитие национальной ситуации на Кубани // Дикаревские чтения (3). Краснодар, 1997. С. 3–5.
12. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 77.
13. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 85. Л. 32.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 69.
15. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л: 18.
16. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 5–7.
17. Там же. Л. 9.
18. Там же. Л. 16. Украинский язык и украинизация на Кубани 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
19. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 26.
20. Лукаш С. Н. Воспитательные ценности культуры казачества. Ростов н/Д – Армавир, 2008. С. 149–150.
21. Бершадская О. В. Указ. соч. С. 121.
22. Макаренко М. Ю. Казачество Юга России в первой трети XX в.: социально-демографический облик // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 97.
23. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 407. Л. 2.
24. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.
25. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

26. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 22.
27. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 17.
28. В президиуме окрисполкома // Красное знамя. 1927. № 148. С. 7.
29. Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани //www.day.kiev.ua/178897(март 2008 г.); ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 938. Л. 51.
30. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560. Л. 6.
31. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 69.
32. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 122.; Климчук Ф. Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С. 260–263.
33. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 94; Климчук Ф. Д. Указ. соч. С. 261–263.
34. Климчук Ф. Д. Указ. соч. С. 263; Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 9.
35. Климчук Ф. Д. Указ. соч. С. 262.; Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 93.
36. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани 1920–30-е гг. Краснодар, 1991. С. 1.
37. Климчук Ф.Д. Там же. С. 263.
38. Там же. С. 260–261.
39. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 17.; Климчук Ф. Д. Там же. С. 262.
40. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
41. Хлынина Т. П. Русские, великороссы и украинцы...: методика подсчета и численности украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С.287–291.; Она же. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С. 37.

42. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 91–92.
43. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 68.
44. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 95.
45. Волыняк П. Указ. соч. С. 90.
46. Чумаченко В. К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регистрального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар, 2007. С. 88; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
47. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 5–7.
48. Там же. Л. 30.
49. Ф. И. Усатый. Ст. Каневская // Красное знамя. 1928. № 99. С. 5.
50. КФЭЭ – 2001. Видеокассета № 96/1. Краснодарский край, Каневской р-н, ст. Каневская, иссл. – Святка Н. П., иссл. – Матвеев О. В.

6. УКРАИНИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЯЗЫКА

Украинизация в сфере языка на Кубани началась с признания необходимости образования и пропаганды на родном, понятном для местных жителей языке. Именно так преимущественно ставился вопрос в первой половине 1920-х гг. Этим родным языком автоматически объявлялся украинский. В первую очередь его стали внедрять в школьное образование.

До начала сплошной украинизации в 1928 г. украинизация в сфере языка тормозилась заботой об интересах иногородних – выходцев из центральных районов России, лояльных к советской власти, но впоследствии был взят курс на размывание сословного самосознания казаков. Украинизации в конце 1920-х гг. считалась эффективным средством достижения этой цели (1).

Кубанский говор был признан филологами-украинофилами еще более украинским, чем говоры на территории Украины. Кубанский говор объявлялся основой для литературного украинского языка. (Эта идея была концептуально обозначена в статье М. А. Садиленко «Об устойчивости кубанского языка.») (2).

И поэтому (!) было предложено усиленно подгонять его под стандарты украинского литературного языка. С этим мнением согласились и представители партийного руководства. Поэтому со второй половины 1920-х гг. особый упор делался на слова и выражения канцелярского обихода (3). Дело в том, что литературный украинский язык, создававшийся на базе западноукраинских диалектов и полонизмов, уже не включал в себя многие староукраинские элементы, еще сохранявшиеся в кубанском диалекте (4). В таких условиях бытовало и представление о кубанском диалекте как о самостоятельном языке, отличном от украинского. Так, на страницах газеты «Красное знамя» некто Рейнгард утверждал, что на Кубани говорят не по-украински, а на «самостийной кубанськой мове». Идея о самостоятельном «кубанском языке» тоже находила определенный отклик в кругах, облеченных властью, тем более что ее в середине 1920-х гг. поддерживал нарком просвещения Луначарский (5).

В 1929 г. в харьковском журнале «Червоний шлях» украинский филолог И. Шаля, работавший с 1926 г. на Кубани, издал статью «Українська літературна мова та мова Кубанщини», где решительно

выступил против рассуждений о каком-либо отличном от украинского кубанском говоре. Филолог заявил, что кубанский говор сохранил немало старинных украинизмов по сравнению с говорами Украины. Здесь он оказался полностью солидарным с И. М. Садиленко. При этом он постулировал теснейшее родство кубанских говоров с украинской основой с говорами востока Украины, особенно юго-востока, но также отметил наличие северо-восточных вкраплений (6).

Давление на население в пользу языковой украинизации стало ощущаться уже в середине 1920-х гг. Уже тогда оно вызывало недоумение и протесты. Во время проведения II Кубанской окружной партконференции 19 ноября 1925 г. в президиум поступила записка с вопросом: «Скажите, как смотрит крайком на обязательное проведение украинизации? Известно ли крайкому, что население не желает обучаться украинскому языку, и почему этот вопрос нельзя выносить на обсуждение хлеборобов станицы?» Тогда представители власти еще не настаивали на проведении сплошной украинизации и советовали местным руководителям проявлять гибкость (6). В середине 1920-х гг. местные власти нередко отказывались принимать от украинских школ документацию на украинском языке. Так, например, было в станице Крыловской (7).

У участников конференции особенно много вопросов вызвала пропаганда и партийная публицистика на украинском языке. Ее введение казалось многим функционерам крайне неудобным (по причине недостатка знатоков украинского языка). Однако в этом вопросе руководство решило быть настойчивым (8). Украинский язык считался все более нужным для ведения различных разъяснительных кампаний на селе, которых к концу 1920-х гг. становилось все больше (9).

Первые специальные лекции для украинцев-партийцев, не имеющих отношения к преподавательской работе, решено было создать 25 февраля 1926 года. В этом году партийными органами еще планировалось использовать для ведения пропаганды «украино-кубанский говор», а не литературный язык (10).

Массовое введение украинского языка во всех сферах культуры пропаганды и делопроизводства было предпринято после решения о начале сплошной украинизации в 1928 г. Даже в тех районах, где украинцы составляли явное меньшинство, все объявления органов власти должны были печататься на двух языках (11).

При этом уже в середине 1929 г. краевая национальная комиссия высказывала мнение, что Кубань не готова к переводу официального делопроизводства на украинский язык (12). Высказывались пожелания, чтобы русское делопроизводство было сохранено в тех населенных пунктах, где говорили не на литературном украинском языке, а на «местных украинских наречиях» (13). Примечательно, что наречия именовались «украинскими», а язык делопроизводства предлагалось оставить русский. Это говорит об уже далеко зашедшей естественной русификации местных говоров Юга России, возникших вследствие эволюции украинских.

Было решено сначала ускорить подготовку образовательного фундамента для украинизации. Украинская школа была и школой украиноязычного делопроизводства. Именно на украинском языке велась школьная документация в украинских школах (14).

С начала 1930 г. имели место попытки массово перевести на украинский язык официальное делопроизводство на уровне районов. Они были предприняты в соответствии с постановлением Президиума Совета Национальностей ВЦИК СССР от 11 февраля 1930 г. «О практическом осуществлении национальной политики в Северо-Кавказском крае» (15). Украинизации подлежали как органы власти, так и самые разные предприятия и организации (16). Тогда же было введено обязательное изучение украинского языка для партактива украинизируемых районов (17). Эту кампанию планировали завершить к 1 января 1932 г. (18).

Для подготовки к ней стали организовываться курсы украинского языка для работников органов власти, государственных и кооперативных предприятий. Такие курсы были организованы, например, в Приморско-Ахтарском районе (19). Там украинизация проводилась почти насильственно (20). В районе были предприняты конкретные меры по переводу государственного и хозяйственного делопроизводства на украинский язык. Так, 11 марта 1931 г. в Приморско-Ахтарском районе был украинизирован рыболовецкий колхоз «Октябрь» (21).

С начала 1930 г. планы мероприятий по украинизации должны были сдавать самые разные учреждения и организации, такие как краснодарское отделение союза молочной кооперации. В связи с изучением украинского языка переносились отпуска и выходные дни.

Преподавателей украинского языка можно было приглашать только через особый комитет по украинизации при ОИК, который возглавляли Лола и Тахненко. Комитет устанавливал и оплату за обучение – 2 рубля в час.

Достаточно быстро планы по украинизации представили Окромно, Окрсуд, Окрпрокуратура, Окрторг, отдел труда, Софпроф, Созхлеб и хлебинспекция.

Не спешили с представлением планов Окрздрав, Животноводсоюз, молсоюз, Полеводсоюз (22).

Были выпущены учебные пособия наподобие «Українська мова та література» (составитель И. Пелипейко). Оно вышло в свет в 1929 г. в Краснодаре. В брошюре разъясняли задачи партии в национальном вопросе, в частности на основе идей Н. Скрыпника. Сочинения украинских писателей от Котляревского до Хвильевого соединялись в одном уроке с изучением правил украинской грамматики и синтаксиса. В качестве учебного пособия рекомендовалась хрестоматия украинской литературы М. Плевако. Произведения украинской литературы использовались в пропагандистских целях. Изучалось переселение казаков на Кубань и местный диалект «с украинским уклоном» (23).

В Ейском районе было решено издать русско-украинский фразеологический справочник для работы украинизированных учреждений объемом 1,5 печатного листа тиражом от 800 до 1000 экземпляров (24). Преподавание украинского языка вводилось на всех находящихся в районе курсах переподготовки и повышения квалификации. Переписка на русском языке между учреждениями района была категорически запрещена. Должна была проводиться специальная проверка правильности правописания в украинских вывесках и объявлениях (25).

В связи с этим в начале 1932 г. на повестку дня было поставлено повышение статуса уполномоченных по работе с национальными меньшинствами (26).

В Сочинском районе на курсы по изучению украинского языка никто не являлся. Поэтому там решили направлять на них ответственных работников по три раза в неделю с контролем посещаемости.

В станице Марьянской в каждое учреждение было решено направить как минимум одного человека, знающего украинский язык.

Работникам учреждений предписывалось также посещать кружки украинского языка, проверять свое знание языка учителями украинских школ (27).

Коллективным хозяйствам давались украинские названия (или они буквально переводились с русского, если названия колхозов уже существовали ранее). В станице Старомышастовской был колхоз «Червоный стяг». В станице Динской – «Червоный прапор». В станице Нововеличковской колхоз носил название «Друга пятырычка» (28). В 1930 г. в Армавирском районе действовали колхозы имени Т. Г. Шевченко, «Червоный берег», сельскохозяйственная артель «Украина», «Червона Украина» в Кропоткинском районе (29). Колхоз имени Т. Г. Шевченко в 1930 г. вызвал колхоз «Украина» на социалистическое соревнование в перевыполнении плана хлебазаготовок (30). В 1932 г. хорошие показатели во время уборки урожая зерновых показали колхозы «Червона зирка» и «Шлях Ильича» (31).

Точно так же менялись вывески официальных учреждений, терминология, названия должностей. Председателей советов стали именовать «головами», сами советы – «радами». «Голова станрады» – такая табличка, например, висела на дверях председателя стансовета станицы Гривенской (32). Но, например, в станице Старолеушковской украинских вывесок практически не было (33).

Строгие указания о немедленном проведении украинизации зачастую все же выполнялись. Кампания приняла значительный масштаб. «Украинский язык был кругом на Кубани», – вспоминает А. Д. Петько (34).

Так, в 1931 г. удалось ускорить проведение украинизации в Кущёвском и Старо-Минском районах. Этому удалось добиться только после роспуска Ново-Сергиевского стансовета и привлечения к уголовной ответственности руководителя Старо-Минского ЕПО за игнорирование кампании украинизации.

Результаты украинизации оставили свой след и в архивных документах. Сохранились некоторые документы Брюховецкой КК – РКИ, большинство из которых напечатано на украинском языке. Есть подобные документы и во многих других фондах, но они представлены фрагментарно: Иногда попадаются официальные бланки на украинском языке, на которых печатались различные выписки из постановлений Краснодарского горкома партии. Документы Каневской КК

– РКИ часто имеют печати, вырезанные на украинском языке. Они соседствуют с документами, имеющими русскоязычные печати (35).

Но чем активнее проводилась украинизация в области языка, тем больше трудностей она встречала, сильнее становилось противодействие ее проведению.

Управляющий абинским филиалом Госбанка СССР Н. Е. Буканов отказался принять от колхоза «1 Мая» платежные документы на украинском языке. В результате колхоз понес убытки. Он, коммунист с 1919 г., был обвинен в «великодержавном шовинизме». Но выяснилось, что Н. Е. Буканов выполнял инструкцию Северо-Кавказской конторы Госбанка СССР об обязательном ведении бухгалтерии и других денежных документов только на русском языке, что было связано с необходимостью минимизации возможности ошибки (36).

В станице Старомышастовской председатель правления колхоза всю переписку на украинском языке клал под сукно и не отвечал ни на один запрос, присланный ему на украинском языке (37).

В июне 1931 г. исполком Северского района констатировал неэффективность украинизации. Поэтому было принято решение с 1 августа перевести на украинский язык деятельность всех органов власти, учреждений и учебных заведений. Была украинизирована районная газета «Социалистическое табаководство». Были созданы трехмесячные курсы по изучению украинского языка. В августе сроки украинизации были передвинуты на декабрь. Оказалось, что курсы украинского языка посещали всего пять человек (35). Вообще, случаи неявки на языковые курсы были распространенным явлением (38).

В 1931 г. в Ейском районе на курсы украинского языка записалось 150 человек, окончили только 26 (39). В Краснодарском сельском районе кружки по изучению украинского языка самоликвидировались, так как их никто не посещал (40).

Функционеры Абинского райкома ВКП(б) отказывались ехать на курсы украинских избачей (41).

В 1931–1932 гг. в совпартшколе для нацмен г. Новороссийска преподавание на украинском языке вообще не велось. В школе не было создано отдельного украинского сектора. Причем среди курсантов школы заочной формы обучения украинцы были третьими по численности (47 человек) после русских и армян. Все они занима-

лись на интернациональном отделении, где преподавание велось на русском языке (42).

Газета «Ударник колгоспу» за январь 1932 г. констатирует трудности, которые встретила украинизация в станице Ясенской. Из числа учреждений на украинский язык перешли только станичный совет и медпункт. «Если стансовет будет нам писать на украинском языке, мы его распоряжения выполнять не будем», – заявляли в правлении колхоза (43).

В районе только Шкуринский сельский совет перешел на украиноязычное делопроизводство. Медленно шла украинизация в Ейском и Краснодарском районах. К концу 1931 г. делопроизводство на украинском языке было введено только в пяти населенных пунктах последнего района. В станицах Нововеличковской, Пашковской, Марьянской, Васюринской, Динской, Новотитаровской работа по украинизации неприкрыто и откровенно саботировалась. Эти районы не удалось сделать центрами украинской культуры, как планировалось ранее (44). Делопроизводство, ведение бухгалтерии и изучение литературной украинской речи массово игнорировались (45). Такая же ситуация сохранялась и в следующем году. Проблема в значительной степени состояла в том, что курсы украинского языка надо было посещать во внеурочное время, и это не оплачивалось (46).

Массе населения было присуще пренебрежительное отношение к украинскому языку как простонародному и примитивному (47). (Что было характерно и для крестьян Украины.) (48).

В 20–30-е гг. XX в. в официальных источниках не раз отмечалось плохое знание кубанскими украинцами (или теми, кто под ними подразумевался) украинского литературного языка и необходимость разработки учебных пособий на кубанском диалекте (49). В Ейском районе органы управления не раз фиксировали всевозможные «извращения» украинского литературного языка. Они имели место в районной газете, на украинских вывесках, в штампах и бланках (50).

Население Кушевского района ссылалось на незнание украинского языка. Подобная ситуация наблюдалась в станице Уманской (51).

На производстве украинизационные мероприятия проводились по большей части под давлением сверху. На новороссийском заводе «Красный пролетарий» работало немало нацмен, в том числе и украинцев. До 1931 г. нацменработы на заводе не проводились. Русский

язык эффективно выступал в роли языка межнационального общения (52). Подобная ситуация складывалась и на заводе имени Седина. Должность уполномоченного по нацменделам в штате предприятия существовала лишь для проформы (53).

Тиражи газет с переводом их на украинский язык резко падали. Количество экземпляров газеты «Колхозный путь», органа Ейского райкома ВКП(б) уменьшилось с 13 до 5 тысяч экземпляров. Поэтому уже с конца 1931 г. из краснодарской окружной газеты «Красное знамя» стали исчезать материалы на украинском языке (54). Причиной этому стало отсутствие интереса к украинской прессе среди населения. Так, в 1931 г. в избах-читальнях Краснодарского сельского района никто не проявлял никакого интереса к украинской прессе (55).

С начала 1933 г. украинизация была резко свернута. Украинский язык на Кубани практически оказался под запретом.

В целом процесс украинизации в области языка на Кубани начался со школьного образования. Потом, с середины 1920-х гг. – точечная украинизация делопроизводства государственного аппарата. 1928–1932 гг. – массовая украинизация делопроизводства, сопровождавшаяся административным принуждением к ее проведению. Тогда же имело место активное издание периодики и книг на украинском языке.

С усилением языковой украинизации усиливалось и сопротивление ее проведению, прежде всего в форме саботажа. Дальнейшему обострению ситуации вокруг насильственного внедрения украинского языка положило конец свертывание украинизации.

Примечания

1. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 69.
2. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 10.
3. Соповещение по вопросу украинизации // Красное знамя. 1928. № 167. С. 5.; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 6.
4. Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. М., 1998. С. 173–181.
5. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 22; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

6. Шаля І. Українська літературна мова та мова Кубанщини // Пам'ятки України: історія та культура. 2005. № 3–4. С. 56–58.
7. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 85. Л. 46.
8. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 14.
9. Там же. Л. 244–245.
10. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 13.
11. ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 2, 5.
12. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 76.
13. Хлынина Т. П. Политика украинизации Кубани: 20–30-е годы // Дикаревские чтения (4). Белореченск. 1998. С. 31.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 66.
15. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
16. Она же. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 40.
17. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 187– 88.
18. Бершадская О. В. Указ соч. С. 123.
19. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 192.
20. ГАКК. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
21. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 188.
22. ГАКК. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 110. Л. 97.
23. ГАКК. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–16.
24. ГАКК. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.
25. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 195.
26. ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62. Л. 21.
27. Б. И. Закончилось краевое совещание по работе среди национальностей // Молот. 1932. № 3166. С. 4.
28. ГАКК. Ф. 1–94. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.
29. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани. 1920–30-е гг. Краснодар, 1991. С. 32–33.
30. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 188–189.
31. Кампания расширяется // Армавирская коммуна. 1930. № 152. С. 5; Коваленко С. В Бароновском сельсовете // Армавирская коммуна. 1930. № 153. С. 1; Спориш Д. Станица Бесскорбная // Армавирская коммуна. 1930. № 154. С. 1; Колочие заметки // Армавирская коммуна. 1930. № 154. С. 4; Короткой строкой // Армавирская коммуна. 1930. № 155. С. 1; Красное знамя. 1932. № 205. С. 1; № 210. С. 1.

32. КФЭЭ – 1995. А/к – 687. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. – Калугин С. И., иссл. – Самовтор С. В.

33. КФЭЭ – 1992. А/к. – 280. Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Старолеушковская, инф. – Ткач Е. В., 1914 г. р., иссл. – Горбань А. Е., Чмырева И. Ю.

34. КФЭЭ – 2008. А/к. – 3904. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская, инф. – Петько А. Д., иссл. – Матвеев О. В.

35. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 198.

36. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 189–190.

37. Там же. С. 123.

38. Харченко В. Указ. соч. С. 3.

39. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 32.

40. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 193–194.

41. Там же. С. 191.

42. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 309. Л. 3 об.

43. ЦДНИКК. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–21.

44. Ясенцы за украинизацию не дбают // Ударник колхозу. 1932. № 57. С. 2.

45. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 193.

46. Там же. С. 192–193.

47. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 41–43.

48. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 10.

49. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 140.

50. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 11.

51. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 194.

52. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани. 1920–1930-е гг. Краснодар, 1991. С. 31.

53. А. С нацменами не работают // Пролетарий Черноморья. 1931. № 63. С. 2.

54. Рабкор. Больше ответственности в работе среди нацменьшинств // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

55. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 198–199, С. 193.

7. УКРАИНИЗАЦИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Установление советской власти на Кубани оказало заметное влияние на украиноязычную культуру региона. Прежде всего, это проявилось в усилении государственного контроля. Украинская культура Кубани стала рассматриваться как инструмент политики. Ее развитие подвергалось непосредственной корректировке со стороны местных органов ВКП(б). Уже 16 мая 1920 г. перестал существовать объединяющий центр украиофилов Кубани – общество «Просвита» (1). Однако имело место и продолжение дореволюционных традиций. Например, еще в 1912 г. в Екатеринодаре был создан магазин украинской книги, который просуществовал вплоть до 1932 г. (2). Вообще же революционные события послужили импульсом для развития украинской национальной культуры (3).

В раннесоветский период продолжала активно развиваться украинская литература Кубани. В 1921–1923 гг. в станице Старокорсунской украиноязычные литераторы группировались вокруг машинописного журнала «Зоря». В эту группу входили такие писатели, как И. Луценко и Ю. Литовченко. Известность получила повесть Литовченко «Горы закубанськи» (4). В повести красочно и романтично описывалась подпольная борьба красных против белогвардейцев в бедной закубанской станице. Показаны яркие детали из повседневности времен Гражданской войны. Повесть во многом продолжала традиции дореволюционной демократической украинской литературы, обращавшейся к крестьянскому быту, но совмещала их с большевистской идеологией (5).

В 1923–1925 гг. на базе педагогического техникума станицы Полтавской образовалась группа пролетарских писателей «Гарт». «Гарт» (Кубфільтарт) возник в станице Полтавской в 1923 г. Он был первой организацией украинских кубанских писателей. Инициатором создания этой организации был молодой поэт Иван Дорожный. Ее членами большей частью были студенты Кубанского украинского педтехникума, которые делали первые шаги на литературной ниве, связывая их с возрождением интереса к родному языку и истории украинского народа. Наиболее известные участники «Гарту» – Иван Дорожный, Кирилл Тихий, Маруся Гринько, Филипп Прирва, Николай Проминь. «Гарт» проводил массовую разъяснительную работу среди населения, популяризируя украинский язык.

Организация «КубфилСиМ» была филиалом Всероссийского союза украинских пролетарских и крестьянских писателей (6). Ее членами были М. Чайка, И. Луценко, Я. Яр, Т. Иващенко. К. Тихий, А. Лысогор. Эта организация ставила своей целью объединение всех украинских литературных сил вокруг идеи строительства коммунизма. В «СиМ» на уровне филиалов вошли литературные группы кубанских украинских писателей в Краснодаре и в станице Полтавской. «Сімівці» проводили литературные вечера на украинском языке в Краснодаре и в станицах Кубанского округа, выставки книг в избах-читальнях и других учреждениях культуры (7).

Однако «СиМ» конфликтовал с официальной пролеткультовской линией, протестуя, по мнению членов организации, против излишнего интернационализма. Это стало одной из причин ее роспуска в 1927 г. (8). После ее ликвидации многие кубанские литераторы сотрудничали с «Полтавским объединением украинских пролетарских писателей», ростовской литературной группой «Новая Кубань». Последняя за короткий срок опубликовала литературно-художественный сборник работ своих членов, сборник документов под редакцией Ф. Чапалы «Украинизация на Северном Кавказе», сборник стихотворений И. Луценко, повесть С. Добровольского «Степь на баррикадах» и др. (9).

Действовал украинский отдел Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей.

В работе украинского писательского сообщества активно участвовали Е. Розумиенко, А. Кирий, И. Прийма, Ю. Коржевский, В. Очерет. Например, Ю. Коржевский издал пьесу «Дни» и роман «На шляху» (10). Этот украиноязычный литератор родился в 1900 г. в казачьей семье станицы Динской. Он окончил учительскую семинарию в Екатеринодаре и работал сельским учителем в родной станице. В 1927 г. поступил в Краснодарский пединститут. После его окончания был оставлен в аспирантуре и преподавал в институте. Свои главные книги он опубликовал в харьковском издательстве «Литература и мистецтво» (11).

А. Кирий в 1931–1932 гг. опубликовал книгу «У ногу з днямы» (12). В 1926 г. вышел сборник стихотворений О. Кирия «Пять хвилин». Он стал символом новой украинской советской поэзии (13).

Особенно нужно выделить ассоциацию пролетарских писателей (КАПП). КАПП уделял много внимания курированию национальных

литератур Советского Союза (14). В частности, ассоциация ставила своей задачей активное участие в украинизации, пропаганду украинского языка в народных массах. В 1928 Е. Д. Розумиенко организовал на Кубани украинскую секцию КАПП (15). Секретарем организации стал К. Катаенко. В 1931 г. ассоциацию возглавлял уже И. Тахненко. Ассоциация устраивала регулярные литературные чтения с разбором читаемых произведений. Так, 15 сентября 1929 г. читались стихи В. Очеретько из цикла «Кавказ», а 22 сентября – поэма К. Тихого «Мотя». Регулярно проводились писательские конференции (16). В 1931 г. КАПП был усилен набором «писателей-ударников» и увеличился с 15 до 30 членов (17). КАППовцы-украинцы уделяли достаточно много внимания литературным экспериментам в духе «литературы авангарда», в частности, очень интересовались творчеством В. В. Маяковского. Его памяти Е. Д. Розумиенко посвятил стихотворение «Нащо» (18).

Украинского писателя и организатора литературной работы Е. Д. Розумиенко нужно отметить особо. В 1925 г. он прибыл на Кубань с Черниговщины. В июне 1926 г. Е. Д. Розумиенко получил направление украинской секции Черноморского ОНО РКП(б) на кубанский рабфак, который он окончил в 1929 г. В 1929–1932 гг. обучался в Краснодарском педагогическом институте. Был зачислен аспирантом на кафедру литературы. Одновременно Е. Д. Розумиенко был литературным сотрудником газеты «Красное знамя». В 1931-м издал в Краснодаре книгу украинских стихов «Поэзии». Печатался в альманахах «Ленинским шляхом» и «Великим коллективом» (19).

Характерным примером поэзии того времени можно назвать сборник И. Иващенко «Колгоспна степ», вышедший в 1931 г. Книга пронизана пафосом коллективизации, а стихи – оптимизмом, боевым задором наступления, ощущением перспективы новой, прекрасной жизни. Наименее удачные стихи больше напоминают рифмованные агитационные листовки (20).

Литературную жизнь осложняла идеологическая нетерпимость. Так, летом 1931 г. В. Очерет был вынужден оставить литературную деятельность из-за обвинений со стороны коллег в религиозном идеализме (21). Молодой украинский поэт Д. В. Нитченко был исключен с Краснодарского рабфака имени Ильича, когда руководство факультета узнало, что он сын зажиточного хуторянина (22). «Ста-

рые» кубанские писатели, сделавшие себе имя еще до революции, находились на Кубани в изоляции и подвергались нападкам, обвинениям в «буржуазности». Такова была судьба Г. Доброскока и В. Потапенко. Я. Жарко в 1929 г. подвергся допросу в ОГПУ и аресту (23). Эти литераторы могли рассчитывать на поддержку только на территории самой Украины, где коммунистическая идеология довлела над литературно-издательским процессом несколько в меньшей степени.

Произведения и более молодых **кубанских украинских** писателей часто сурово подвергали критике на страницах партийной печати. Именно такие оценки получили стихи М. Щербины из сборника «Утро», который вышел в свет в 1929 г. Тогда же в рецензии журнала «Новим шляхом» под многозначительным заголовком «Гнилі акорди» рецензент поучал: «При строительном подъеме стихи, которые не призывают двигаться вперед, тянут назад. Их надо отвергнуть, как и другие препятствия. Одним из таких идеологических тормозов и есть сборник поэзии М. Щербины «Утро». «Сборник поэзии» Алексея Кирия, который был напечатан в начале украинизации, в 1926 году, также был подвергнут резкой критике, а самому автору предъявили обвинение в том, что он якобы пропагандирует народничество и религиозно-националистические взгляды (24).

Культурные процессы периода коренизации и украинизации не сводились исключительно к взаимоотношениям «центр – отдельные народы». Развивалось культурное взаимодействие между разными нерусскими народами. Известный адыгский просветитель И. Цей писал стихи как на родном языке, так и на украинском. Он тесно сотрудничал с О. Кирием, который собирал и переводил на украинский язык черкесский фольклор. Его работы вызывали интерес украинских востоковедов из Харькова (25).

Бурно развивался связанный с украинизацией сектор издательского дела. В 1925 г. украинский Госиздат резко увеличил выпуск учебно-методической литературы. Было указано, что литература должно учитывать и специфику Северного Кавказа, должно было начаться сотрудничество украинского Госиздата с местными специалистами. На Кубани был открыт филиал Укркнигоцентра (26). Такая издательская политика была вызвана насущной необходимостью. «Работая в массе украинского населения, чувствуется тормаз (так в тексте) в подборе подходящей литературы», – говорилось в отчете

одного из представителей украинского партактива (24). На Кубани стали выпускать ряд украиноязычных периодических изданий, выпускаемых в Харькове, такие как газеты «Вести» и «Зирка», журналы «Безвирник» и «Червоны квиты» (27). На Кубани велась пропаганда украиноязычной прессы Украины (28).

В 1925 г. была выдвинута идея об издании в Ростове общей для Северного Кавказа украинской газеты (29). Она получила название «Червона газета». Ее редакция приняла самое активное участие в проведении украинизации: например, отдел расследований редакции активно занимался выявлением случаев саботажа компании (30).

В том же году в Армавире стали выпускать газету на украинском языке «Селянская правда» (31). В 1926 г. было внесено предложение об издании такой газеты в Кубанском округе. Решения окрисполкома стали доводиться до населения через газету «Радянский станичник», выходящую на украинском языке (32). При газете действовал и свой литературный кружок. Однако интеллигенты из числа украинцев высказывались против выпуска этого издания. Они заявили, что нельзя «хахляцькою мовою портити газету». Более того, слышались голоса и такого направления, как «Долой хахлацьку газету, потому что у нас украинцев нету» (33). В середине 1920-х гг. вокруг газеты велись острые дискуссии о понятности текстов, публикуемых в газете, для носителей кубанского диалекта. Дискуссия была прекращена в административном порядке (34).

Впоследствии редакция газеты была переведена в Ростов-на-Дону, столицу Северо-Кавказского края. Само издание получило название «Червона газета». С 1926 г. газета стала выходить в свет. Начинала она с одного работника и 35 экземпляров платного тиража. Через год она, будучи на то время первой и единственной украинской газетой в РСФСР, уже имела постоянный редакционный аппарат и свыше 200 сельских корреспондентов.(35).

С 1928 г. издание украинской литературы и учебников на Северном Кавказе курировали Орготдел крайисполкома и нацменкомиссия. Это говорит о том значении, которое стало придаваться украиноязычному издательскому делу с началом сплошной украинизации (36).

К концу 20-х гг. на Кубани издавалось уже 10 украиноязычных районных газет. К началу же 30-х – более двадцати (37).

Было решено организовать на Кубани украинский педагогиче-

ский журнал (38). Инициатива его создания принадлежала Наркомпросу, который выделил ссуду на его издание в начале 1927 г. (39). При окружной партийной газете «Красное знамя» стало выходить украиноязычное приложение «Червоный прапор» (40). К концу 1931 г. газета должна была стать полностью украиноязычной (41). Однако этот план так и не был приведен в действие.

В 1931 г. на Кубани вышло 149 наименований украинских книг общим тиражом около миллиона экземпляров. В 1932 г. планировалось издать 600 наименований общим тиражом 4 миллиона 800 тысяч экземпляров (42).

Всего в 1925–1932 гг. на Кубани было издано несколько сотен наименований книг на украинском языке. Выходило более десяти украинских газет, журналов, альманахов, таких как «Алым шляхом», «Новым шляхом», «Ленинским шляхом», «Поступ», «Нова Кубань», «У ногу з мільонами» (43). Выходил альманах украинской секции КАПП «Великим коллективом» (44).

Однако продвижение на Кубани популярной украинской книги в массы на протяжении ряда лет наталкивалось на равнодушие населения. В 1926 г. в избечитальне станицы Славянской из украинских книг был только «Кобзарь» и «Хрестоматия». В станице Новомышастовской отказались пополнять библиотеку украинскими книжками. В Краснодаре центральная библиотека имени Пушкина, которая ежемесячно бесплатно получала украинские книги, перестала выставлять их для выдачи (45). В 1927 году украиноязычные книги издательства «Северный Кавказ» катастрофически залеживались, из-за чего издательство несло серьезные убытки (46). Краевое совещание уполномоченных по нацменделам, прошедшее в 1930 г., констатировало, что почти все издания, кроме «Червоной газеты», проявляют недостаточную активность в деле проведения украинизации (47). В Ейском районе в 1931 г. в магазинах скопилось нераспроданных книг на сумму 2500 рублей (48). Там же в начале 1932 г. учреждениям было предписано в принудительном порядке выкупать из торговой сети украинскую литературу (49).

Подобная ситуация наблюдалась и в Краснодарском сельском районе (50). Всего в этом году план реализации украинской книги был выполнен только на 31,1 %. Различные решения властей по активизации продвижения украинской книги существенно ситуацию не изменили (51).

Их невыполнение постоянно констатировалось властями всех уровней. Особенно активной критике было подвержено издательство «Северный Кавказ». Ответственные работники постоянно ссылались на отсутствие систематичности в освещении украинизации в прессе и ошибках при ее освещении, особенно в газете «Красное знамя». Проявлением «великодержавного шовинизма» называлось издание основной части «колхозной» прессы на русском языке (52).

В этой связи принимались такие меры, как увеличение тиража «Червоной газеты» с выпуском ее не реже, чем через день, почти тотальная украинизация издательства «Северный Кавказ». Во всех местных газетах 30 ноября 1930 г. было предписано размещать украинскую страничку не реже, чем раз в пять дней. Во всех украинских районах полагалось издавать хотя бы одну украиноязычную газету. Всех, кто тормозит украинизацию, пресса должна была клеймить как уклонистов от генеральной линии партии (53).

Политику властей в сфере украинской печати иллюстрирует история краснодарского педагогического журнала «Новым шляхом». В начале 1930 г. его решили сделать краевым, придать ему дополнительно общественно-политическую и литературную направленность и перенести редакцию в Ростов-на-Дону. Одновременно он подлежал дополнительной «большевизации» (54). В задачи журнала теперь входила мобилизация украинских трудящихся на выполнение решений партии и советской власти, пропаганда национальной политики партии и украинизации, борьба с «великодержавным шовинизмом» и украинским национализмом, противодействие попыткам «классового врага» использовать украинизацию в своих целях, организация украинского актива, развертывание самокритики. Ответственным редактором был утвержден Ф. О. Чапало (55).

Однако в течение 1930 г. выпуск журнала «Новым шляхом» в Ростове-на-Дону так и не был начат. Виновных в проволочке крайисполком решил примерно наказать (56).

Это не единственный пример трудностей реализации программы украинизации в сфере издательского дела. Краснодарское отделение УкрГИЗа со своими задачами не справлялось. Издательство вместо украинской литературы предпочитало издавать канцтовары, так как они лучше покупались. Его деятельность мало затрагивала «украинские» районы Кубани. УкрГИЗ в основном работал с краснодарскими заказчиками.

Поэтому 6 января 1931 г. отделение в Краснодаре было решено ликвидировать и перевести в Ростов-на-Дону (57).

С началом деукраинизации в 1933 г. газеты и журналы были закрыты или переведены на русский язык. Сразу же была прекращена деятельность издательств «Червоний прапор» и «Радянський станичник», Краснодарский филиал Государственного издательства Украины с его представительствами на Кубани и Северном Кавказе остановил распространение украинской литературы и периодики.

Некоторые писатели начали работать на русском языке (А. Кирий, Б. Крамаренко, К. Катаенко). Многие другие были репрессированы или уехали, например В. Очерет, В. Чапленко, Д. Чуб (58). Е. Д. Розуменко перебрался в Харьков (59).

В рамках украинской культурной организации «Робітничя просвіта» с 1921 г. развивалась украинская музыка и любительский театр. Проводились работы по созданию более профессиональной театральной труппы (60). Эта организация выпускала и собственную газету. Основное пространство газеты, в полном соответствии с ее тематическим названием, занимают тексты украинских рабочих песен «Шалійте, шалійте, скажені кати!», «Не пора», «Жалібний марш», «Ми робітники» и даже «Заповіт» Т. Шевченко. Но тексты, хотя и дают нам представление о песенном репертуаре первомайских рабочих колонн, все же для нас не главное. Гораздо больший интерес представляет завершающая газету колонка объявлений, информирующая о мероприятиях, которые организывает «Робітничя Просвіта» к Дню международной солидарности трудящихся. Среди них концерт-митинг в театре «Мон-Плезир», спектакль под управлением В. Орловского «Борці за правду» в театре «Палас», спектакль под управлением тов. Семенихина «Микола Кларич» в Екатерининской школе. Вероятнее всего, уже в 1922 г. «Робітничя Просвіта» прекратила свое существование (61).

В 1921 г. с 4 по 24 августа украинская агитгруппа с оркестром совершила железнодорожную поездку в пользу голодающих Поволжья по маршруту Краснодар – Тимашевская – Ахтари – Краснодар. На четырех станциях и в четырёх станицах было проведено четыре спектакля и десять митингов перед ними. Удалось собрать средств в пользу голодающих на сумму 5 633 209 рублей (62).

В 1926 г. на партийном уровне было принято решение о созда-

нии в музыкальном техникуме класса бандуры в рамках открывшегося в нем украинского отделения. Студия по изучению игры на этом музыкальном инструменте открылась в клубе совпрофа «Путь к коммунизму» 28 февраля 1926 г. Ее возглавил К. П. Нимченко (63). Тогда же было принято решение о специальной поддержке украинского хора при клубе «Нацмен». Было признано желательным создание украинской хоровой капеллы (64). В клубе «Нацмен» нередко вместе с дочерью Оксаной выступал известный бандурист З. А. Диброва. Кружок бандуристов при клубе также объединял таких видных мастеров бандуры, как Мамро, Редкобородый, Семенихин, Нимченко (65). В начале 20-х гг. в Краснодаре действовал Украинский музыкальный театр. Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. прославился Кубанский мужской вокальный квартет, организованный выпускниками музыкального техникума – А. Авдеевым, А. Хоперским, Н. Лободой, М. Ходжиани. Его репертуар во многом состоял из украинских песен, в том числе на стихи Т. Г. Шевченко. Квартет выступал очень активно. Только в 1926 г. он провел более 100 концертов. Отличительной чертой квартета было активное сотрудничество с собирателями кубанской народной песни, такими как Г. М. Концевич и Я. М. Тараненко.

Многие хоровые коллективы, которые исполняли украинские песни, как высказывалось местное чиновничество, «жили преимущественно старым и «малороссийским» репертуаром». Так, приглашенный в марте 1926 г. в Краснодар – выступить на II съезде Советов Кубани – хор станицы Сергеевской украсил свой концерт песней «Ще не вмерла Україна»... (66).

Предпринимались попытки «поднять» популярную украинскую песню над уровнем обычной самодеятельности нацмен. 30 января и 19 апреля принимались решения об учреждении украинской хоровой капеллы (67).

Развивался и украинский драматический театр. Он размещался в помещении театра «Северный», построенном в 1909 г. купцом М. М. Лихацким, и именовался «Украинский театр имени Т. Г. Шевченко».

В 1922 г. в театре с успехом выступала украинская труппа режиссера Орловского, в репертуаре которого были спектакли «Маруса Богуславка», «Тарас Бульба», «Вий», «Смерть за честь», «Воскре-

сенье». 22 января 1922 г. на сцене театра шла опера «Черноморцы» Я. Г. Кухаренко. Замечательным режиссером этого театра был С. А. Глазуненко (1869–1943), воспитанник известного драматурга и артиста М. Л. Крапивницкого. Летом 1925 г. им была поставлена пьеса «Киевские трущобы, или недолюдки» (68). По мнению знатоков, украинский театр Краснодара отличался известным консерватизмом. Он продолжал традиции дореволюционного украинского театра, сохранял его репертуар. Причем делалось это на весьма высоком исполнительском уровне (69). Для идеологии театра были характерны установки на общечеловеческую нравственность, осуждение насилия. Это делало украинский театр популярным среди самых разных категорий зрителей, сохранению высокой популярности способствовала и простота театрального языка. Недаром С. А. Глазуненко называли любимцем краснодарских окраин (70). Украинский театр имел свой круг ярых поклонников. Вместе с тем он испытывал все нарастающие трудности. Молодое поколение театралов в период конца 20-х гг. жаждало новшеств. Его голос звучал все более настойчиво. Руководство театра пыталось идти им на встречу. Зачастую эти попытки были поверхностными и мало удачными. Так, во время постановки пьесы «Маруся Богуславка», действие которой разворачивалось в XVII в., артистки были одеты в короткие юбки и причесаны по последней моде. В качестве декораций, изображающих турецкий гарем, использовались статуи греческих богов. Не говоря уже о том, что украинский театр сталкивался с критикой идеологического характера. Он обвинялся в безыдейности и отсутствии революционного новаторства. Поэтому политика украинизации во многом была залогом его выживания (71).

Украинский театральный коллектив действовал и в Армавире (72).

Репрессии конца 1932–1933 гг. против украинских деятелей искусства и культуры затронули и украинский театр. 28 марта 1933 г. он был ликвидирован. Однако благодаря своей популярности украинский театр был воссоздан в 1938 г. под названием «Украинский музыкальный драматический театр» (73).

В период украинизации продолжал развиваться и самостоятельный украинский театр. В Армавирском округе любительские украинские драмкружки существовали почти в каждом населенном пункте

с украинским населением, например в станицах Бесскорбной и Удобной. Украинские драмкружки зачастую были основным центром украинского актива, их активная деятельность порой способствовала появлению в поселениях преподавания на украинском языке, украинских хат-читален (74).

Украинские театры привлекались для проведения социально значимых мероприятий. Например, в краснодарском театре имени Т. Г. Шевченко в честь праздника 8 Марта ставили агитационный спектакль «Сифилис». Тогда же читались лекции по профилактике венерических заболеваний (75).

Свое влияние украинизация оказала и на кубанский кинопрокат. До конца 20-х гг. продукция украинских кинофабрик оказывалась представленной кубанским зрителям с большим опозданием. Так, осенью 1927 г. в краснодарском кинотеатре «Великан» демонстрировалась дидактико-пропагандистская картина «Тарас Шевченко» 1924 г. выпуска. Но в том же 1927-м между кубанским отделением «Совкино» и ВУФКУ было заключено соглашение. Благодаря ему продукция украинских кинофабрик стала поступать на Кубань в течение двух–трех месяцев (76). В 1928 г. фильмы производства ВУФКУ стали очень многочисленны на Кубани. Причиной этого послужила не только политика украинизации как таковой, но и стремление властей как можно быстрее и глубже внедрить в жизнь общества кинематограф. Он справедливо считался эффективнейшим средством пропаганды (77).

В 1928 г. на Кубани были показаны фильмы украинского производства «Синий пакет», «В когтях советской власти», «Поляки купили Петлюру». Готовились к показу «Подозрительный багаж», «Кира Киралина», «Парень из Старостина», «Тени Бельведер», большая революционная картина «Гамбург». В Киеве была открыта новая, крупнейшая на Украине и во всей Европе, кинофабрика (78). Многие фильмы, такие как «Сорочинская ярмарка», были сняты в консервативных традициях еще досоветского кинематографа (79). То же самое можно было сказать о картине «Звенигора», снятой по мотивам украинских народных преданий (80). Другие, как «Тарас Трясило», содержали в себе подражание современным им американским вестернам (81). Попыткой копировать западные образцы при более низком бюджете был назван критиками и фильм «Непобедимые», вышедший

на экраны Кубани в 1928 г. (82). ВУФКУ предпринимала и попытки освятить средствами кинематографа революционную борьбу с самодержавием начала XX в. Этой теме был посвящен фильм «Муть», по мнению критиков, чрезмерно прямолинейный и мелодраматичный (83). Была существенно затронута тема жизни и творчества Тараса Шевченко (новые фильмы «Тарас Шевченко», «Жизнь Шевченко») (84). По крайней мере, многие фильмы украинского производства шли на Кубани на русском языке (85).

В начале 1932 г. все еще отмечалось недостаточное развитие украинского кинопроката на Кубани. При этом он, например в Ейском районе, предписывался в приказном порядке (86). Под украинскими фильмами, прежде всего, подразумевались фильмы с украинскими титрами (87).

Энтузиастов украинской культуры старались привлекать для участия в знаковых мероприятиях советской власти, акциях по укреплению интернационализма. Так, в Первомайской демонстрации армавирцев 1925 г. предусматривалось участие украинцев в национальных костюмах. Они должны были участвовать в постановке живой картины «Смычка всех национальностей» (88). В том же году украинский актив города Краснодара принял участие в праздновании второй годовщины конституции (89). В сентябре 1927 г. всем секретарям партийных секций нацмен (в т.ч. и украинской) в г. Новороссийске было указано в двухнедельный срок проработать вопрос об участии представителей национальностей в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции. Виды плакатов, надписи на транспарантах и прочая атрибутика были разработаны в тогдашнем краевом центре в г. Ростове (90). Большое значение придавалось пропагандистской составляющей украинской культуры. Особая роль отводилась «большевизации» значимых личностей и событий украинской истории, главным образом большое внимание уделялось очередным юбилеям Т. Г. Шевченко. Подчеркивалась социальная составляющая его творчества, противостояние с царской властью, его роль в интернациональном демократическом сообществе (91). Например, в 1925 г. в Армавирском округе в честь юбилея Т. Г. Шевченко проводились литературные вечера и утренники. Читались отрывки из произведений Т. Г. Шевченко, воспоминания старых украинских активистов (92). Распоряжение о праздновании юбилеев и о содержании их проведения также издавалось в краевом центре (93).

Значительное внимание уделялось созданию сети украинских изб-читален. Они должны были стать мостом между украиноязычным образованием и культработой и официальным делопроизводством (94). Как приоритетная задача определялось создание украиноязычных пунктов ликвидации неграмотности (95). В Приморско-Ахтарском районе было решено украинизировать все избы-читальни и ликпункты к осени 1929 г. (96). По решению руководства Северо-Кавказского края при них должны были создаваться кружки украинознания (97). В вузах и техникумах оно стало вводиться в качестве учебного предмета (98). Принимались меры по развитию украинского направления при клубах национальных меньшинств «Нацмен». Например, в середине 20-х гг. быстро рос и развивался краснодарский клуб «Нацмен», включавший украинскую секцию. Осенью 1926 г. в нем состояло 1300 человек (93). В 1928 г. здравотдел открыл даже специальную лечебную амбулаторию для нацмен (99). Нуждающимся из их числа биржа труда вне очереди подыскивала работу (100). Украинская работа среди женщин порой велась через кружки рукоделия. Так она, например, была организована в Уманском районе. В самой станице Уманской на базе местных учебных и воинских учреждений был организован литературно-исторический украинский кружок, который активно действовал среди населения (101).

Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. появилась масса самодеятельных народных коллективов, в том числе и с украинским песенным репертуаром. Они были тесно связаны со станичными клубами и избами-читальнями (102). Например, при клубе «Нацмен» действовало украинское отделение. Оно включало в себя различные кружки: драматический, хоровой, кружок бандуристов. Возглавлял украинское отделение секретарь украинской секции КАПП К. Катаенко (103). В Краснодаре действовал украинский хор и драматический кружок под руководством М. Пашко (104).

Процессу развития украинской самодеятельности в большой степени способствовали власти. В Армавире партийные органы ратовали за организацию драматических кружков, проведение художественно-агитационных вечеров (105). В районных центрах, например, в станице Северной, проводились конкурсы гармонистов. Во время их проведения особое место отводилось украинским мелодиям (106).

В целом украинская профессиональная и любительская культура в 1920–1932 гг. продолжала свое поступательное развитие. Однако активное вмешательство государства первоначально, в период украинизации, искусственно форсировало развитие украинской составляющей кубанской культуры и придало ему однобокую политизированную направленность. Чрезмерно много внимания уделялось пропаганде и агитации, как самой украинизации, так и советской власти как таковой посредством украински ориентированных мероприятий. Потом те же государственные меры способствовали свертыванию украинской культурной жизни на Кубани.

Примечания

1. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 2 об.
2. Чумаченко В. К. К истории первого украинского книжного магазина на Кубани // Историческая мысль Кубани на пороге тысячелетия. Краснодар, 2000. С. 113, 115.
3. Еремеева А. Н. Художественная жизнь Юга России в условиях гражданского противостояния (1917–1920 гг.): содержание и тенденции развития. Автореферат докт. дисс... М., 1999. С. 39.
4. Розумиенко Е. Д. Из литературного наследия // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 221–222.
5. Литовченко Ю. Гори закубанські Життя та революція. 1926. № 7. С. 7–39.
6. Розумиенко Е. Д. С. 114; Украинский язык и украинизация на Кубани 1920–30 годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
7. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д.310. Л. 1.; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30 годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
8. Щетинина Г. В. По страницам украиноязычной периодической печати на Кубани // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. Славянск-на-Кубани, 2008. Ч. 2. С. 219.
9. Там же. С. 220.
10. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция Кубанского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992. С. 113.

11. Коржевский А. Г. Мой отец Юрий Коржевский // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1999. № 2–3. С. 37–38.
12. Розумиенко Е. Д. Указ. соч. С. 221.
13. ГАКК. Ф. Р–1682. Оп. 17. Д. 25.
14. Литературный вечер в клубе «Нацмен» // Красное знамя. 1927. № 231. С. 7.
15. Розумиенко Е. Д. Из литературного наследия // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 222.
16. Ем. Разумеенко. У украинских пролитписателей // Красное знамя. 1929. № 228. С. 4.
17. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 74. Л. 231.
18. Орел В. Н. В поисках истины. Краснодар, 2006. С. 271.
19. Розумиенко Е. Д. Указ. соч. С. 197, 225–226.
20. Иващенко І. Колгоспна степ. М. – Ростов н /Д. 1931. С. 47.
21. Барка В. Кубанский холокост // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 65.
22. В. Ч. Памяти Дмитра Нитченко // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 128.
23. Щетинина Г. В. Указ. соч. С. 221.
24. Бурбела В. А., Чумаченко В. К. Избранное как тип книжного издания в Украине в 20–30-е гг. XX столетия // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2005. С. 207–208.; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
25. Чумаченко В. К. У истоков кубанского востоковедения // Адыгейские народные песни и легенды в переводах Олексы Кирия. Краснодар, 2014. С. 4–7.
26. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 90.
27. Там же. Л. 67.
28. Там же. Л. 49.
29. Рост украинской и белорусской печати // Красное знамя. 1928. № 103. С. 6.
30. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 70.
31. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 189.
32. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 15.
33. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 303. Л. 4.
34. Орел В. Н. В поисках истины. Краснодар, 2006. С. 208;

Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

35. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 15–16.

36. Розумиенко Е. Д. Из литературного наследия // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 224.

37. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 68 об.

38. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 187: Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 363.

39. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 407. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 3.

40. Украинский педжурнал // Красное знамя. 1927. № 27. С. 5.

41. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 124.

42. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 560. Л. 6.

43. Там же. С. 94.

44. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция Кубанского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992. С. 113.; Коржевская В. Вместе с веком // Родная Кубань. 2005. № 2. С. 128.

45. Белый Д. Д. Указ. соч. С. 93.

46. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 21.; Украинский язык и украинизация на Кубани 1920-30 годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

47. ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. Д. 148. Л. 6.

48. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 41.

49. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 194.

50. ЦДНИКК. Ф. 438, Оп. 1. Д. 62. Л. 21.

51. Там же. С. 191.

52. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 43.

53. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1053. Л. 222.

54. Там же. Л. 223.

55. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1035. Л. 7.

56. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1037. Л. 10.
57. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1053. Л. 222–223.
58. ЦДНИКК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Л. 186.
59. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция Кубанского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992. С. 114; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
60. Розумиенко Е. Д. Указ. соч. С. 197.
61. Робитничья просвита // Красное знамя. 1920. № 30. С. 3; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. С. 2.
62. Золотарёва И. Д. Чумаченко В. К. К истории кубанской «Провиты» // Культурная жизнь Юга России. 2006. № 2. С. 43–44.
63. ГАКК. Ф. Р – 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.
64. Екатеринодар – Краснодар. Два века в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 504.
65. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 309. Л. 3 об – 4.
66. Нырко А. Ф. Зот Диброва, рыцарь кубанского кобзарства // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 134.
67. Краснодарская филармония. Прошлое и настоящее. Краснодар, 1989. С. 48, 62; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
68. ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 4, 7.
69. Стругова М. Р. Украинский театр на Кубани начала и первой половины XX в. Краснодар, 1996. С. 4–5.
70. В. К-р. Коллектив артистов украинской труппы И. Н. Крахотина и С. А. Глазуненко // Красное знамя. 1927. № 153. С. 5.
71. М. М. «Весняна казка» (Коллектив артистов украинской труппы И. Н. Крахотина) // Красное знамя. 1927. № 161. С. 5.
72. М. М. «Маруся Богуславка» (Коллектив артистов украинской труппы И. Н. Крахотина) // Красное знамя. 1927. № 167. С. 5.
73. Стругова М. Р. Украинский театр на Кубани в первой половине XX в. (по материалам КГИАМЗ) // Первые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 1999. С. 84.
74. Стругова М. Р. Украинский театр на Кубани начала и первой половины XX в. Краснодар, 1996. С. 5; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

75. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 31–75.
76. Нежигай Э. Н. Советские праздники как социокультурное явление // Нэповская Кубань: сознание и культура населения. Краснодар, 1999. С. 37.
77. В. «Тарас Шевченко» // Красное знамя. 1927. № 228. С. 7.
78. Диомидов. Состояние и перспективы массовой работы в округе // Красное знамя. 1928. № 107. С. 3; Новости кино // Красное знамя. 1928. № 95. С. 7; Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 192.
79. Кино «Сорочинская ярмарка» // Красное знамя. 1928. № 59. С. 5.
80. В. К-р. Кино «Звенигора» // Красное знамя. 1928. № 101. С. 5.
81. В. К-р. Кино «Тарас Трясило» // Красное знамя. 1928. № 61. С. 6.
82. В. К-р. «Непобедимые» // Красное знамя. 1928. № 106. С. 5.
83. В. К-р. «Муть». Кино «Солей» // Красное знамя. 1928. № 102. С. 7.
84. Новости кино // Красное знамя. 1928. № 95. С. 7.
85. Кино «Сорочинская ярмарка» // Красное знамя. 1928. № 59. С. 5.
86. ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62. Л. 22.
87. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560. Л: 6.; ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л.6.
88. Нежигай Э. Н. Советские праздники как социокультурное явление // Нэповская Кубань: сознание и культура населения. Краснодар, 1999. С. 39.
89. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп.1. Д. 815. Л. 2, 4.
90. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 407. Л. 1.; ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 12–13.
91. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани. 1920–30-е гг. Краснодар, 1991. С. 32.
92. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 17.
93. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 4.
94. Ахтарец. Проводим украинизацию // Красное знамя. 1929. № 159. С. 1.
95. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 42.
96. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 187.

97. Шагай, «нацмен» // Красное знамя. 1927. № 27. С. 4.
99. Из писем рабочих // Красное знамя. 1928. № 114. С. 3.
100. Хроника // Красное знамя. 1929. № 151. С. 4.
101. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д.685. Л. 14.; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html .
102. Там же. С. 66.
103. Нырко А. Ф. Указ. соч. С. 134.
104. Фотоархив Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ «Кубанский казачий хор».
105. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 14.
106. Степная Л. Наш конкурс гармонистов // Красное знамя. 1927. № 147. С. 4.

8. УКРАИНИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Нами упоминается (раздел 4), что отношение к украинской школе в период Гражданской войны было далеко не однозначным. Она насаждалась усилиями активистов и Краевой Рады, но далеко не всегда встречала поддержку населения. Кубанские власти того периода учитывали сложившуюся ситуацию и предпочитали не вступать в конфликт с большинством населения и сторонниками русскоязычной школы. Так, в соответствии с циркуляром по ведомству народного просвещения Кубанского края на украинских отделениях школ предполагалось изучение русского языка. Против русскоязычной школы не предполагалось принятие запретительных мер. Считалось необходимым обеспечить каждой группе населения отдельно взятого населенного пункта тот язык преподавания, в котором она нуждалась.

При этом поощрялось изучение украинского литературного языка, который в сознании составителей документа как бы подменял кубанский диалект. Рекомендовалось изучение украинской истории и географии, истории Кубанского казачества в контексте его связей с Украиной. Приветствовалось пополнение школьных библиотек книгами на украинском языке (1). В программу школ включался такой предмет, как украиноведение, которое преподавалось как составная часть родиноведения (2).

Результатом этого противоречивого, оборванного приходом к власти большевиков процесса, стало наличие на апрель 1920 г. на Кубани 130 украинских школ (3).

В момент своего установления советская власть опиралась на постановление от 31 октября 1918 г. о том, что представители каждого народа на территории советской республики могут получать образование на родном языке. Декларировалось, что только образование на родном языке может обеспечить полноценное усвоение знаний и нравственных идеалов (4). Это был один из самых распространенных постулатов идеологии дореволюционного либерального учительства (5).

К тому же движение за украинскую школу на Кубани получило своего приверженца в лице такого известного большевистского деятеля, как Я. В. Полуян (6).

Уже 22 апреля 1920 г. было принято решение о создании национальных школ для этнических меньшинств (7). В начале 1921 г. была возобновлена работа украинизированного еще во время Гражданской войны Полтавского педагогического техникума, который был реорганизован из учительской семинарии. Украинская секция при отделе просвещения Полтавского станичного совета была открыта еще в 1920 г. (8). По сведениям Д. Д. Белого, летом того же года были вновь открыты украинские педагогические курсы. Это было связано с указанием Нарпроса об открытии на Кубани украинских школ (9). На деле о создании таких курсов был только лишь поставлен вопрос. В 1920-х гг. их решили не создавать. Было разрешено чтение лекций по преподаванию на украинском языке в рамках общих педагогических курсов (10).

Одновременно сошли с исторической сцены дореволюционные украинские объединения. Общество «Просвита» перестало действовать 16 мая 1920 г. (11).

В 1923–1924 гг. в Краснодаре были открыты две украинские школы (12). Все ученики 1-й украинской школы № 12 были записаны в школьных документах как украинцы, хотя среди них были русские и армяне. Внеклассная работа в школе, а также преподавание самых разных предметов, в том числе естествознания, в соответствии с указаниями партийных органов должны были быть ориентированы на привитие школьникам коммунистической идеологии (13).

В 1924 г. в Краснодаре был создан кружок украинских учителей. В том же году предмет «Украиноведение» преподавался в 19 школах Кубани (14).

В тот же период в Кубанском округе было создано девять армянских школ (15), притом что создание отдельных украинских школ вызывало меньше энтузиазма, украинские педагоги считались более подготовленными и профессиональными (16).

Принимались директивы о создании украинских школ повышенного типа, об организации профессионального образования на украинском языке (17). Уже в 1925 г. в станице Староминской было 5 украинских школ (18). Были украинизированы школы в станице Гривенской (19). В марте 1926 г. в Черноморском округе партийным руководством было принято решение об украинизации школ со значительным числом учащихся-украинцев. Для пропаганды этого

мероприятия предполагалось провести кампанию в прессе и специальные родительские собрания (20). 19 апреля 1926 г. минимальное количество учащихся старших классов, необходимое для открытия национальной школы, было снижено до 15 человек. Закрытие и перепрофилирование украинских школ было признано недопустимым (21). В этом году преимущественно в Кубанском округе проводилась системная плановая украинизация сферы образования (22). Но при этом украинизация школ в 1926 г. отчасти планировалась еще по до-советской матрице: предусматривалось согласие родителей, обязательное наличие учебных пособий и подготовленных педагогов (23).

В 1924/1925 учебном году начальных украинских школ насчитывалось 147, 1925/1926 – 150, 1926/1927 – 219. К 1927 г. были открыты две украинские семилетние школы и четыре пятилетние (24). С 1924 г. Полтавский педтехникум регулярно выпускал учителей украинских школ (22). Его сотрудники занимались разработкой украинского букваря, адаптированного для условий Кубани (25). В июне 1929 г. было подготовлено 13 новых учителей для украинских национальных школ (26). В 1926 г. действовало уже 150 украинских начальных школ. Был открыт украинский техникум в станице Уманской (27).

«Украинский язык бул. як раз в это время. Занятия по ем были. И уси занятия на ем взыся. А вьвесок украинских нэ було. Були кньжки на украинской мове. Читалы. В начальных классах. Ще помню учительница, Варвара Тарасовна», – вспоминала жительница станицы Старолеушковской Е. В. Ткач (28).

С объявлением сплошной украинизации в 1928 г. был взят курс на почти полный перевод на украинский язык школ в районах, подлежащих украинизации. Предполагалось открыть школы второй ступени в количестве, соответствующем количеству школ первой ступени. Таким образом, планировалось сделать общее среднее образование в полном объеме украиноязычным. В школах должен был активно внедряться предмет «Украиноведение». Украинский язык и украиноведение на украинском языке должны были вводиться и в тех случаях, когда все остальные предметы продолжали преподаваться на русском. (Таких школ было большинство.) (29).

Принимались меры по «приближению» учебных заведений нацменьшинств к местам из компактного расселения. Так, украинская школа-девятилетка г. Краснодара была переведена в 1928 г. на Ду-

бинку (30). К осени 1929 г. в Приморско-Ахтарском районе планировалось украинизировать 12 начальных школ. А в 1930/1931 учебном году – уже все школы (31). Всего к концу кампании украинизации на Кубани, по официальным данным, было 746 украинских школ (32). Если школы были русские и не было возможности открыть отдельные украинские школы, то в них набирались украинские группы. Такая практика существовала в Краснодарском районе (г. Краснодар, станицы Елизаветинская, Пашковская, Село Калинино и т. д.) (33). Необходимо отметить, что в 1927 г. в школах г. Краснодара обучалось 16 516 учеников, из них – 12 394 русских, украинцев – 1471 ученик (34).

Украинская школа в станице Вышестеблиевской укрепилась только к 1931/1932 учебному году. К ее открытию и переводу на русский язык в 1933 г. население отнеслось достаточно равнодушно. При этом бывший ученик школы утверждает (35), что украинский язык отличался от «балачки» и был не вполне понятен.

Украинизация школы проводилась и в рамках программы первоочередного развития школ нацменьшинств вообще. В 1931 г. Совнаркомом РСФСР было предложено провести дополнительный набор в школы детей в возрасте от восьми до десяти лет. Особенно это касалось национальных школ (36).

В конце 20-х гг. XX в. на Кубани имело место обучение детей кубанской литературе на варианте кубанского диалекта, приближенном к украинскому литературному языку. Программа обучения включала в себя таких классиков, как Я. Кухаренко и В. Мова. Дети знакомились с творчеством и более современных авторов, таких как В. Потапенко (37). При этом постепенно набирало силу инспирированная властями кампания по вытеснению из обихода дореволюционной украинской литературы (38).

Во второй половине 1920-х гг. уже был издан и введен в обращение украинский кубанский букварь под названием «До науки» (39).

С 1927 г. в Краснодаре под редакцией М. И. Лолы выходил украиноязычный педагогический журнал «Ленинским Шляхом» (40). При нем в 1932 г. выпускался литературный раздел (41).

Однако усилия по укреплению украинской школы зачастую не приносили должного результата.

Уже в 1925 г. из 1-й украинской школы II ступени № 12 г. Крас-

нодара в течение года выбыло 25 учеников, когда поступило только 12. Имело место непосещение учениками школы (42). По желанию населения в 1926 г. в части украинских школ было восстановлено преподавание на русском языке (43). Из некоторых украинских школ, таких как школа № 29 стали уходить ученики (44). На хуторе Прикубанском местное население выступило за закрытие украинской школы еще в 1925 г. (45). Учителя и ученики Южной школы станицы Славянской, чувствуя недостаточную решимость властного нажима, дружно отказывались украинизировать свое учебное заведение (46). Жители хутора Лебеди заявили, что они русские, и отказались украинизировать свою школу в 1926 г. (47). По причине сопротивления населения в 1926 г. было отложено открытие в Черномории 25 украинских школ (48).

В тот момент власти еще пытались учитывать мнение населения и, по крайней мере, на словах порой шли ему навстречу. Нарком образования РСФСР Анатолий Луначарский заявил на собрании работников местной школы в Краснодаре: «Украинизация пугает некоторых учителей тем, что русская школа будет украинизирована, и, таким образом, русский язык займет положение языка, который исчезает на Кубани. Эти опасения совсем безосновательны. Если на Украине проведена основательная украинизация, то это там согласовывается целиком с местным бытом. Здесь же, на Кубани, этого делать нельзя».

В 1927 г. было принято решение: «...учитывая категорические требования родителей учащихся Калниболотской украинской школы считать, как исключение, необходимым удовлетворить их просьбу и преподавание в украинской школе перевести на русский язык» (49). В том же году по настоянию жителей была организована русская группа в давно украинизированной школе станицы Варениковской (50). В 1927 г. только 20 % школьников, числящихся украинцами, посещали украинские школы (51). В 1927 г. в станицах Кисляковской и Новосергиевской по настоянию жителей закрылись украинские школы. Первая успела проработать четыре года, вторая – три. В 1928 г. украинские чекисты подготовили справку по украинизации школ в Кубанском и Донском округах. «Украинизация школы не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения. В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает

явное недовольство, как среди иногородних, так и среди казачества», – говорилось в справке. (52). В станице Пашковской в 1927/1928 учебном г. в украинскую школу поступило 14, а в русскую – 144 ребенка; в станице Корсунской в украинскую школу записалось 10 человек, в русскую – 120. То же самое наблюдалось в станицах Гривенской, Поповичевской, Северской, Холмской и других. В станице Марьянской украинская школа существовала уже с дореволюционных времен. К 1928 г. в ней состоялся только один выпуск. В 1927 г. уже все школы станицы в приказном порядке были украинизированы. Станичники пытались добиться, чтобы при них были открыты русские группы. «Наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти», ... советская власть навязывает нам украинизацию помимо нашей воли», – говорили кубанцы (53). Имели место и такие высказывания: «Такой украинизации нэ трэба, нащо ломать дытыну, хай им бис, хай учат по-русски»; «В украинской школе детей портят, готовят из них украинских китайцев»; «Где по-украински говорят? Не наш это язык!»; «На русском языке лучше заниматься, он более нужен» (ст. Каневская); «Украинизация – это ненужная для нас роскошь» (ст. Спокойная) (54). В целом в 1927 г. наблюдался значительный отток учащихся из украинских школ и групп (55).

Украинизация школы вызывала протесты наряду с различными новациями и педагогическими экспериментами, характерными для 1920 гг. (56).

В 1928 г. в станице Пашковской под влиянием зажиточных казаков были закрыты украинские отделения в местных школах. В том же году в станице Тимашевской родители школьников говорили, что они русские и желают учить детей русскому языку. Закрытие украинских отделений в школах по требованию родителей имело место и в Северском районе (57).

Во второй половине 1927 – первой половине 1928 г. были предприняты попытки русифицировать украинскую школу-девятилетку в г. Краснодаре, краснодарский педтехникум и пединститут (58). Эти действия отчасти поддерживались местными властями. Так, например, во второй половине 1927 г. не действовала украинская секция крайоно (59). Начавшаяся проявляться тенденция была следствием противодействия населения украинизации (60). Ее дальнейшее развитие было остановлено в том же году решением о сплошной украинизации.

В 1930 г., чтобы на бумаге улучшить ситуацию, одних и тех же детей одновременно записывали наряду с русскими и в украинские школы, не считаясь с желанием родителей (61). Но еще раньше, в 1928 г., власти пришли к выводу, что пока не будет украинизировано делопроизводство и официальная пропаганда, украинская школа не будет пользоваться должной популярностью (62).

В 1931 г. на заседании краснодарского горкома ВКП(б) говорилось, что существует опасность того, что вновь создаваемые украинские отделения школ могут оказаться действующими только на бумаге.

По всему краю упрямо не выполнялись распоряжения соответствующей власти о том, что по школам, где украиноговорящих не меньше 30 %, должно преподаваться украинское образование. Еще год спустя наркомоб сделал распоряжение, чтобы на всех отделениях Кубанского пединститута учили украинский язык, но местная власть так этого и не выполнила (63).

Уже в 1932 г. украинизацию школы продолжала сдерживать нехватка учителей, знающих украинский язык, и украиноязычных учебников. Такая проблема, к примеру, существовала в Приморско-Ахтарском районе. По поручению парткома профессор Краснодарского педагогического института Шаль и доцент Гребенюк заключили с Краснодарским книжным издательством договор о выпуске украинских учебников (для 4–7-х годов обучения в школе). Для более быстрого написания этих учебников в помощь перечисленным лицам была назначена еще бригада из шести преподавателей пединститута. Крайним сроком написания учебников был назначен июнь – июль 1932 г. Кампания получила освещение в прессе (64).

Однако несмотря на значительную полиграфическую базу, выпуск учебников на украинском языке зачастую срывался. Например, издательство «Северный Кавказ» запланировало к началу 1931/1932 учебного года выпустить учебник математики для 5-х классов школ крестьянской молодежи, авторов Шаповалова и Головичевой. От переводчика он поступил в издательство 28 августа 1931 г. Перевод был скверный. В издательстве он пролежал четыре месяца, абсолютно не пользуясь спросом. Ответственные лица в издательстве, корректор и переводчик, были наказаны, но школы остались без учебника.

В Павловском районе, исходя из данных по школам, не хватало

учебников на украинском языке для 3–7-х классов: математики – 1000 экз., украинского языка – 1040 экз., физики – 340 экз., естествознания – 300 экз., сельского хозяйства – 240 экземпляров (65).

Продолжал ощущаться недостаток школ повышенного типа (66). Например, в станице Старолеушковской действовала только начальная четырёхклассная украинская школа (67). Уже с середины 1920-х гг. недостаток таких учебных заведений назывался в числе основных причин, тормозящих проведение украинизации (68).

Необходимо отметить, что эта проблема столь же остро стояла не только перед украиноязычной школой, но и перед русскоязычной в масштабах всего СССР. По подсчётам экспертов-эмигрантов, в школах второй ступени училось не более 4 % выпускников начальных школ (69).

Украинизация также затронула сферу высшего и специального образования.

При этом уже в 1931 г. официально говорилось о перегибах в сфере политики украинизации школьного образования. Указывалось на необходимость украинизировать лишь школы с достаточным количеством учеников-украинцев. Северокавказским крайисполкомом было принято решение о запрете украинизации школ с большинством русских учеников или учеников-нацмен. Было решено в обязательном порядке создавать в украинских школах специальные группы с русским и другими языками преподавания (70).

Для украинцев Кубани стали выделять особые места в кубанских и украинских учебных заведениях. Например, в 1927 г. для кубанцев украинской национальности Киевский художественный институт выделил 2 места, Одесский художественный институт – 1, Одесский сельскохозяйственный институт – 1, Днепропетровский горный институт – 1, Одесский институт народного хозяйства – 1, Одесский химико-фармацевтический институт – 1, Харьковский медицинский институт – 1, Кубанский педагогический институт – 18 (71). В том же году для украинцев Кубани были выделены дополнительные места: Харьковский институт народного образования – 2, Киевский институт народного образования – 1, Днепропетровский институт народного образования – 1, Харьковский технологический институт – 2, Харьковский сельскохозяйственный институт – 1, Харьковский медицинский институт – 1, Киевский кооперативный институт и Ки-

евский музыкально-драматический институт – 1, Киевский мелиоративный техникум – 1, Уманский институт садоводства – 1. На одно место можно было посылать двух человек (72). Тогда же украинцам была предоставлена квота в 24 места на Краснодарском рабфаке (73).

С осени 1927 г. открылось украинское отделение при Краснодарском педтехникуме. Его организация была заранее обеспечена педагогическими кадрами. На первый курс было принято 40 человек. Второй курс был заполнен учащимися, перешедшими с русского отделения. Вакантными остались только 10 мест (74). В 1929 г. в связи с началом сплошной украинизации украинское отделение педтехникума было укреплено и реорганизовано заново. Тогда же было принято решение существенно укрепить украинский педтехникум в станице Полтавской (75).

Однако в целом, по мнению И. Г. Иванцова, перед украинскими учебными заведениями и специализированными отделениями стояла проблема нехватки абитуриентов. Поэтому практиковался специальный набор посредством обещания высоких стипендий. Иногда выпускников 8-х классов общеобразовательных школ записывали в украинские техникумы без их согласия.

Что касается Краснодарского педагогического института, то в его рамках тоже действовало украинское отделение. На нём обучалось более сотни студентов-филологов. К концу 20-х гг. власти рассматривали его как основной центр подготовки высококвалифицированных кадров для проведения украинизации на всём Северном Кавказе, особенно в деле организации украинских школ повышенного типа. Вынашивались планы создания специального вечернего института с украинским отделением (76). В 1929 г. было подготовлено и выпущено 19 специалистов в области украинского языка и культуры (77). В том же году по решению Наркомпроса была увеличена норма приёма украинцев в институт. Например, на отделении украинского языка и литературы эта норма была повышена до 40 человек. На физико-техническом, естественном и общественно-экономическом отделениях для украинцев с этого времени бронируется определённое число мест. Во всех случаях приёмная комиссия планировала отдавать предпочтение украинцам (78). В 1929 г. в связи с официальным началом сплошной украинизации ряда районов Кубани число учащихся на украинском отделении было решено довести до 130 че-

ловек (79). В 1930 г. украинские группы планировалось организовать на всех факультетах и отделениях пединститута (80). В 1931 г. стал разрабатываться план по превращению Краснодарского педагогического института в Украинский педагогический институт (81).

Педагогический техникум в городе Ейске подлежал укомплектованию украинскими кадрами и украинизации к 1 октября 1932 г. (82).

Особую роль на Кубани отводили и подготовке украиноязычных специалистов в области сельского хозяйства. В июле 1926 г. Окрисполком принял решение ходатайствовать об открытии в станице Славянской украинского сельскохозяйственного техникума. Он был открыт (83). К 1930 г. все 160 учащихся Славянского сельскохозяйственного техникума были «украинизированы». При этом многие из них не являлись украинцами (84).

Кузницей надёжных большевистских кадров из среды кубанских украинцев должно было стать украинское отделение кубанского рабфака. В связи с проведением сплошной украинизации в 1930 г. набор на украинское отделение был расширен на две новые группы (85).

Огромное значение на украинском отделении рабфака имело коммунистическое воспитание: изучение официальных партийных документов, особенно речей и статей И. В. Сталина. В курсе литературы основное внимание уделялось объяснению классовой природы литературного творчества с марксистской точки зрения, разбору произведений «пролетарских и пролетарско-колхозных писателей» (86), таких как «Цемент» Ф. И. Гладкова, «Марья-большевичка» Неверова (87). Изучались произведения революционных писателей народов СССР, еврейского литератора-идишиста И. Фефера, (88) зарубежных писателей-революционеров (Мате Залка) (89). Произведения украинской литературы второй половины XIX – первой четверти XX в. рассматривались в социально-политическом ключе. Примечательно, что в учебную программу было включено творчество В. Винниченко, литератора и политика-националиста петлюровской ориентации (90).

Для студентов украинского отделения рабфака считались значимыми навыки пропаганды: мастерство устного выступления, доклада (91). В целях формирования навыков пропагандистов им преподавали некоторые аспекты традиционной культуры, например народную песню. В целях выработки коммунистического мировоззрения на

украинском отделении рабфака активно практиковали коллективные методы работы (92).

Активная украинизация Кубани отразилась и на жизни местного научного сообщества. В первой половине 1931 г. было решено создать Северо-Кавказский украинский научно-исследовательский институт (СКУНИИ). (До этого украинские исследования на Кубани велись краснодарским отделением Научно-исследовательского института местной экономики и культуры. В конце 1920-х гг. отделение сыграло большую роль в научном обосновании начала сплошной украинизации) (93). В качестве причины организации этого научного учреждения была названа интеллектуальная поддержка украинизации. На его нужды было первоначально выделено 10 тысяч рублей. К 1 июня институт был создан (94). В его подчинении находились Краснодарский исторический музей, краеведческие музеи Темрюка и Тамани. Институту была передана бывшая библиотека ОЛИКО, включавшая в себя 8 тыс. томов. СКУНИИ подразделялся на 4 сектора: экономики, истории и этнографии, литературы и искусства, культурно-языкового строительства. План работы института предусматривал самые разные направления. Это и обобщение опыта колхозного строительства, и комплексное изучение историографии истории Кубани, и определение границ распространения украинского языка в регионе. Специалисты СКУНИИ занимались подготовкой учебников для местной украинской школы. Институт действовал в теснейшем контакте с партийными органами. Так, среди фамилий авторов учебно-методических пособий обращают на себя фамилии активистов украинской секции окружкома ВКП(б) (Лысогор, Лола). Последний пришёл в науку из профессиональных партийцев. Первоначально М. И. Лола был секретарём Славянского райкома ВКП(б). Потом, как автор книги «О кубанском казачестве», был назначен заведующим рабфаком. Впоследствии занимал пост директора Краснодарского педагогического института (95).

Во второй половине декабря 1932 г. СКУНИИ был ликвидирован в связи со свёртыванием украинизации (96).

Политика украинизации оказывала влияние и на конкретные результаты научных исследований. Это ярче всего проявилось в работах филолога М. А. Садиленко. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, до революции он

преподавал русский и латинский языки в различных средних учебных заведениях Юга России. Накануне революции – директор Грубашевской мужской гимназии. После окончания Гражданской войны – преподаватель украинского языка в Кубанском государственном университете, после преобразования его в пединститут – преподаватель украиноведения. Возглавлял украинское лингвистическое отделение института. В 1927 г. работал заведующим Первой украинской школы II ступени № 12 (97). В 1927 же году, в преддверии резкого усиления украинизации, исследователь выдвинул гипотезу об особой устойчивости кубанского диалекта. В соответствии с ней кубанский диалект есть вариант украинского языка, максимально полно сохранивший свою первоначальную сущность (98). Показательно, что идея о близости кубанского диалекта украинскому литературному языку была выдвинута партийным руководством Северо-Кавказского края ещё в 1925 г. (99). Достижением М. А. Садиленко как литературоведа является выявление автора поэмы «Харько, запорожский кошевой», которым оказался харьковчанин Я. Мишковский (100).

Партийное руководство уделяло особое внимание изучению истории. Наиболее приоритетными направлениями в ходе украинизации были выбраны история революционной борьбы на Украине и на Кубани. Украинцы объявлялись революционным народом, борющимся в годы царизма против национального и социального гнёта. Особое внимание уделялось конфликтам населения Кубани с царским правительством (101). Жизнь этносов и этнических групп региона изучалась в контексте поиска возможностей активизации в их среде классовой борьбы и особенно борьбы с религией (102).

Таким образом, украинизация в сфере образования прошла определённую эволюцию. В период Гражданской войны она носила во многом рекомендательный характер, развивалась или блокировалась по желанию населения. При советской власти ситуация быстро изменилась.

Можно сказать, что украинизация образования в 1920–1932 гг. была одним из важнейших проявлений украинизации как таковой. И в её ходе ярко проявились основные особенности украинизации, такие как директивность, принуждение, бюрократизм, наделение людей привилегиями по национальному и классовому признакам. Украинизация системы образования, особенно школьного, отлича-

лась несоответствием вложенных средств и усилий и полученным результатом: он был незначительный.

Она встретила открытое сопротивление населения и саботаж.

Украинизация в науке способствовала возникновению на Кубани научного украиноведения. Однако его развитие осложнялось чрезмерной национальной и партийно-идеологической ангажированностью.

Примечания

1. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 19–20.

2. Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 564.

3. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 10, 19–20.

4. Там же. С. 28, 8–9.

5. Мирук М. В. Советская школа 1920-х гг.: взгляд современников из-за рубежа // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 107.

6. Тернавский Н. А. Станица Елизаветинская: имя на карте и в истории // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. С. 250.

7. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 92. Л. 14.

8. Александрова В. П. История станицы Полтавской (Красноармейской). Новороссийск, 2002. С. 65.

9. Белый Д. Д. Указ. соч. С. 112.

10. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани 1920–30-х гг. Краснодар, 1991. С. 26.

11. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. С. 2 об.

12. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 29.

13. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 21, 25, 33-34.; ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 – 90.

14. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 30–31.

15. ЦДНИКК. Ф. 652. Оп. 1. Д. 150. Л. 19.; ЦДНИКК. Ф. 652. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–2.

16. Иванцов И. Г. Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссии внутрипартийного контроля ВКП(б) . 1920-е – начало 1930-х годов. Краснодар, 2009. С. 86.
17. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 17, 29.
18. Белый Д. Д. Указ. соч. С. 92.
19. КФЭЭ – 1995. А/к – 687. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. – Калугин С.И. иссл. – Самовтор С. В.
20. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 734. Л. 3.
21. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.
22. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 19.
23. ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.
24. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 5.; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
25. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 9, 13.
26. Екатеринодар – Краснодар. Два века в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 529.
27. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 187.
28. КФЭЭ – 1992. А/к. – 280. Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Старолеушковская, инф. – Ткач Е. В., 1914 г. р., иссл. – Горбань А. Е., Чмырева И. Ю.
29. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 4, 76.
30. Школа – на Дубинку // Красное знамя. 1928. № 56. С. 5.
31. Ахтарец. Проводим украинизацию // Красное знамя. 1929. № 159. С. 1.
32. Белый Д. Д. Указ. соч. С. 92–93.
33. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 188.
34. Национальная статистика учащихся // Красное знамя. 1927. № 172. С. 7.
35. КФЭЭ – 2004. А/к. – 3124. Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Вышестеблиевская, инф. – Черненко М. Я., иссл. – Матвеев О. В.
36. Дополнительный прием в школу // Пролетарий Черноморья. 1931. № 80. С. 4.
37. Чумаченко В. К. «Сердце тихо плачет...» // Родная Кубань. 2006. № 1. С. 136.
38. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

39. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 13.
40. Белый Д. Д. Указ. соч. С. 93.
41. Розумиенко Е. Д. Указ. соч. С. 224.
42. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 25.
43. Там же. Л. 23.
44. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 405. Л. 1.
45. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
46. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 6.
47. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 4.
48. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 17.
49. Цит. по: Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3; Украинский язык и украинизация на Кубани 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
50. Учитель Бардин. В начале учебного года // Красное знамя. 1927. № 228. С. 6.
41. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 5.
52. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 16.
53. Цит. по: Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 143–145.
54. Цит. по: Миронин С. С. «Голодомор» на Руси. М., 2008. С. 51; Украинский язык и украинизация на Кубани. 1920–30-е годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html
55. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 9.
56. Мирук М. В. Советская школа 1920-х гг.: взгляд современников из-за рубежа // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 107.
57. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 10–12.
58. Там же. Л. 18–20.
59. Там же. Л. 20.
60. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 17–19.
61. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 188.
62. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 19.
63. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 72. Л. 231.
64. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 188.
65. Он же. Мероприятия Северо-Кавказского райкома ВКП (б) по украинизации кубанских районов в 1922–1932 гг. (по материалам районных контрольных комиссий) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. С. 293.

66. На краевом совещании по вопросам работы среди наименьшинств // Молот. 1932. № 3164. С. 4.
67. КФЭЭ – 1992. А/к. – 280. Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Старолеушковская, инф. – Ткач Е. В., 1914 г. р., иссл. – Горбань А. Е., Чмырева И. Ю.
68. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 19.
69. Мирук М. В. Советская школа 1920-х гг.: взгляд современников из-за рубежа // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 104.
70. Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. С. 179–185.
71. Места в украинских вузах для Кубани // Красное знамя. 1927. № 156. С. 6.
72. Дополнительные места в вузах для украинцев // Красное знамя. 1927. № 160. С. 7.
73. Школа // Красное знамя. 1927. № 148. С. 7.
74. Украинское отделение педтехникума // Красное знамя. 1927. № 154. С. 7.
75. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560. Л. 6.
76. Р. П-к. Украинизация ждёт кадры. В пединституте с подготовкой не благополучно // Красное знамя. 1929. № 226. С. 4.
77. Ан. Голин. 164 красных педагога // Красное знамя. 1929. № 147. С. 2.
78. Ручка. О приёме украинцев в Краснодарский педагогический институт // Красное знамя. 1929. № 151. С. 3.
79. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560. Л. 6.
80. Дацко Г. За новые кадры педагогов // Армавирская коммуна. 1930. № 157. С. 4.
81. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 72. Л. 230.
82. ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62. Л. 20.
83. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 7.
84. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 41.
85. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
86. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–5.
87. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 46. Л. 60б, 9 об.

88. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 262. Л. 6.
89. Там же. Л. 7.
90. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 173. Л. 1, 3, 5.
91. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.
92. Там же. С. 5 об.
93. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 10.
94. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 40.
95. Розумиенко Е. Д. Указ. соч. С. 224.
96. Чумаченко В. К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар, 2007. С. 87–89.
97. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.
98. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М. 1967. С. 51–52.
99. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 80.
100. Чумаченко В. К. «Загадка» Якова Мишковского // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1997. № 2. С. 12.
101. Там же. С. 2, 75, 94.
102. Там же. С. 40.

Приложение 1 к разделу 8

К вопросу о начале украинизации на Кубани в советский период на примере педтехникума в станице Полтавской

Касаясь вопроса украинизации на Кубани, необходимо определиться с её верхними и нижними временными границами. Со свёртыванием украинизации в конце 1932 г. особых вопросов не возникает. Там всё ясно и документировано. Не всё просто с начальной датой украинизации на Кубани. Большинство исследователей связывают начало украинизации с общим началом коренизации в 1923 г., украинизацию собственно на Кубани – с кампанией по оживлению местных советов 1925–1926 гг. Некоторые другие исследователи датируют начало украинизации 1922 г. При этом выдающийся зарубежный исследователь Т. Мартин утверждает, что результаты досоветской украинофильской деятельности были полностью уничтожены в первые годы советской власти (1). А так ли это?

Открытие КУС (Кубанской учительской семинарии) состоялось 14 января 1871 г. в станице Полтавской в здании окружного училища. Но из-за плохой материальной базы и географического местонахождения по инициативе её директора Д. Д. Семёнова семинария в том же году была переведена в станицу Ладожскую Кавказского отдела, начавшую «приготавливать учителей, специалистов своего дела» (2).

Снова учительская семинария в станице Полтавской была создана в 1909 г. во многом благодаря многолетним хлопотам атамана станицы, сотника В. В. Крыжановского, открывшего в станице также несколько школ (3).

7 мая 1919 г. местный сход принял решение об украинизации учительской семинарии в станице Полтавской. Она была вызвана настоятельным желанием станичной интеллигенции готовить учителей для преподавания на украинском языке (4). «Кабинет родного языка» работал в семинарии уже начиная с февраля 1917 г. (5). Хотя среди учащихся семинарии преобладали украинцы, особого интереса с их стороны ко всему украинскому в период «белой» власти не наблюдалось (6).

И к августу 1919 г. украинизация Полтавской учительской семинарии так и не была проведена. По представлению Министерства

просвещения Кубанского края только ставился вопрос об открытии при семинарии украинского отделения. В связи с этим семинария потребовала у министерства пояснений по ряду вопросов: должно ли быть введено отделение для всех классов или только для последнего; какие предметы должны преподаваться и по каким образцам; должно ли быть преподавание украинского языка в образцовой школе-семинарии и в скольких отделениях; кто возглавит отделение – специалист семинарии или со стороны; будут ли отпущены средства на организацию отделения и в каком размере (7). До падения власти Кубанской Рады оставалось полгода. Вряд ли за это время состоялось реальная организация отделения. Реальная украинизация во многом началась уже в советский период.

В момент своего установления советская власть опиралась на постановление от 31 октября 1918 г. о том, что представители каждого народа на территории советской республики могут получать образование на родном языке. Декларировалось, что только образование на родном языке может обеспечить полноценное усвоение знаний и нравственных идеалов (8). Это был один из самых распространённых постулатов идеологии дореволюционного либерального учительства (9).

К тому же движение за украинскую школу на Кубани получило своего приверженца в таком известном большевистском деятеле, как Я. В. Полуян (10).

Уже 22 апреля 1920 г. было принято решение о создании национальных школ для этнических меньшинств (11).

В начале 1921 г. была возобновлена работа Полтавского педагогического техникума, который был реорганизован из учительской семинарии. Украинская секция при отделе просвещения Полтавского станичного совета была открыта ещё в 1920 г. (12). По сведениям Д. Д. Белого, летом того же года были вновь открыты украинские педагогические курсы. Это было связано с указанием Нарпроса об открытии на Кубани украинских школ (13). На деле о создании таких курсов был только лишь поставлен вопрос. В 1920-е гг. их решили не создавать. Было разрешено чтение лекций по преподаванию на украинском языке в рамках общих педагогических курсов (14).

В 1921 г. в станице Полтавской уже действовали педагогические курсы для подготовки учителей для нацмен. На них обучалось по

500–600 слушателей. Курсы действовали реально, потому что постоянно возникали проблемы с питанием многочисленных слушателей (15). 17 августа 1921 г. было принято решение о создании Всероссийского украинского педтехникума в станице Полтавской (16).

А с первого сентября 1922 г. в нем начались занятия. Педтехникум первоначально включал три отделения: педагогическое, сельскохозяйственное, топографическое. Последнее так и не начало работать, но занятия в двух других стали активно проводиться (17). Техникум должен был находиться под патронажем Центрального украинского бюро и украинского бюро Главнацмена наркомата просвещения. Желающий поступить в техникум должен был иметь образование не менее пяти классов семилетней школы. Преподавание велось на украинском языке. Лица, не владевшие украинским, принимались только с разрешения Главнацмена. В учебном плане значились «украинские научные дисциплины». Срок обучения в техникуме составлял четыре года: два года – общеобразовательные дисциплины и два года – специальные. Выпускникам присваивались звания: квалифицированного работника просвещения, техника и сельскохозяйственного инструктора. При наличии положительных оценок, зачётных работ и двух лет стажа – звания педагога и агронома. Оценки выставлялись по пятибалльной системе (18).

В стенах техникума велась активная работа по повышению культурного уровня слушателей. Действовала библиотека, проходили всевозможные научные экскурсии. Активно действовало самоуправление учащихся, различные кружки (литературный, музыкальный, физико-химический, политический, антирелигиозный), проводились кинопоказы. Издавался журнал «Хвыля Кубани», каждую субботу проходили музыкальные вечера с концертами, разбирались литературные произведения. Большое внимание уделялось организации интеллектуального досуга слушателей, превращению их в образованную и культурную национальную интеллигенцию (19).

По ещё дореволюционной традиции учащиеся техникума принимали активное участие в жизни станицы. Особенно это касалось комсомольской организации. Её представители распространяли среди станичников различные займы, боролись с самогоноварением и пр. (20).

Случались и конфликты с местными властями. Председатель

волисполкома Жадьков и член волисполкома Гири́н протестовали против украинской составляющей работы техникума. Они считали утверждение украинского языка насильственным. Поэтому образцовая школа при техникуме не получала содержания, волисполком расторг ранее заключенный с техникумом договор на аренду урочища Попеливщина.

Вышестоящие власти стали на сторону техникума. Их не подвергли уголовной ответственности, но критиковали и рекомендовали перевести на другую работу (21).

Уже в 1921 г. проводилась украинизация кубанских школ. Существовал повышенный спрос на педагогов, знающих украинский язык. Например, в Дьяковской украинской школе имелось три вакантных места. Всех педагогов-нацмен ставили на особый учёт. На педагогические курсы нацмен специально посылались комсомольские работники. Учителей-украинцев централизованно распределяли на рабочие места. Так, в украинскую школу станицы Ново-николаевской были направлены Н. Чернявский, А. Лузан, Н. Финько. По словам учительницы Е. Шестерниной, она уже в 1916–1917 гг. (!) служила в украинской школе станицы Марьянской (22).

Украинская школа открывалась в селе Малинино. Школа второй ступени с преподаванием на украинском языке действовала в станице Каневской, на Хуторе Волошенки. В 1920 г. было принято решение об украинизации школы в станице Медвёдовской, хотя впоследствии украинизация школы встретила ряд трудностей (23).

Определённое движение против небольшевистских украинофильских организаций всё же наблюдалось. Уже 16 мая 1920 г. перестал существовать объединяющий центр украинофилов Кубани – общество «Просвита» (24). Почти сразу у старых организаций принимали эстафету новые. В рамках украинской культурной организации «Робитничя просвита» с 1921 г. развивалась украинская музыка и любительский театр. Проводились работы по созданию более профессиональной театральной труппы (25). Однако имело место и продолжение даже дореволюционных традиций. Например, ещё в 1912 г. в Екатеринодаре был создан магазин украинской книги, который просуществовал вплоть до 1932 г. (26).

Ещё до начала процесса коренизации развивалась и украинская советская литература. В 1921–1923 гг. в станице Старокорсунской

украиноязычные литераторы группировались вокруг машинописного журнала «Зоря». В эту группу входили такие писатели, как И. Луценко и Ю. Литовченко (27).

Можно с уверенностью сказать, что украинофильская деятельность с элементами украинизации на Кубани не прерывалась в раннесоветское время. Продолжались процессы, начавшиеся еще до прихода к власти большевиков. Поэтому целесообразно выделить временной отрезок с 1917 по 1932 год в единый период.

Другое дело, что они резко активизировались и стали заметными с началом масштабных украинизационных кампаний.

Примечания

1. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 393.

2. Игнатова И. Была в станице Ладожской учительская семинария // <http://www.gipanis.ru> (дата обращения 26. 01 14).

3. Беляев И. Станица Полтавская // Новая зоря. 1908. № 528. 13 июля. С. 3.

4. ГАКК. Ф.1 Оп. 1. Д. 546. Л. 6.

5. ГАКК. Ф. Р – 1259. Оп. 1. Д. 85. Л. 75.

6. ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 85. Л. 71–110.

7. ГАКК. Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 346. Л. 6.

8. Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920 –1930-е годы. Краснодар, 1991. С. 28, 8–9.

9. Мирук М. В. Советская школа 1920-х гг.: взгляд современников из-за рубежа // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 107.

10. Тернавский Н. А. Станица Елизаветинская: имя на карте и в истории // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. С. 250.

11. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 92. Л. 14.

12. Александрова В. П. История станицы Полтавской (Красноармейской). Новороссийск, 2002. С. 65.

13. Белый Д. Д. Малиновый клин. Киев, 1994. С. 112.

14. Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани. 1920 –30-е гг. Краснодар, 1991. С. 26.

15. ГАКК. Ф. Р – 696. Оп. 1. Д. 73. Л. 45 – 79.
16. ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 574. Л. 2.
17. ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 1091. Л. 68.
18. ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 1091. Л. 16–18.
19. ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 1091. Л. 68–75.
20. ЦДНИКК. Ф. – 1774. Оп. 2. Д. 1123. Л. 2.
21. ГАКК. Ф. Р – 696. Оп. 1. Д. 177. Л. 385–395.
22. ГАКК. Ф. Р – 108. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–28.
23. ГАКК. Ф. Р – 108. Оп. 1. Д. 66. Л. 35–61.
24. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 2 об.
25. Робитничья просвита // Красное знамя. 1920. № 30. С. 3;
ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.
26. Чумаченко В. К. К истории первого украинского книжного магазина на Кубани // Историческая мысль Кубани на пороге тысячелетия. Краснодар, 2000. С. 113, 115.
27. Розумиенко Е. Д. Из литературного наследия // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 221–222.

Приложение 2 к разделу 8

Из истории Первой украинской советской школы № 12

Первая украинская советская школа № 12 города Краснодара занимает совершенно особое место и в истории кубанского украинофильства, и в истории кубанского образования. И не только украиноязычного.

Открытие этой школы связано с одним из самых заметных педагогов Кубани начала XX века, пионером женского образования Анной Васильевной Ротарь. Она преподавала во 2-й екатеринодарской женской гимназии, частной прогимназии Робинсон. Прослушала полный курс естественных наук Лохвицкой-Скалон в Санкт-Петербурге. Потом преподавала естествознание и географию в родной женской гимназии.

Свою частную украинскую гимназию она открыла в 1919 году (1). Но полноценно учебная работа вошла в колею уже после победы большевиков, так же как и другие украинофильские образовательные проекты.

В школе чувствовалась сильная национальная специфика, отличия от «обычной» кубанской школы, особенно – в языковой сфере. «В 1924 году я закончил станичную семилетку и поступил в предпоследний класс украинской девятилетней школы в Краснодаре. Это была единственная на Кубани подобная школа... Если в пашковской семилетке на уроках говорили по-русски, а во время перемены – на местном диалекте украинского языка, то в краснодарской школе единственным языком был литературно-украинский. Им пользовались все на уроках и переменах», – вспоминает видный кавказовед Л. И. Лавров (2), учившийся в этой школе.

Современникам прежде всего бросался в глаза сильный преподавательский состав школы. «Состав учителей здесь был сильнее, чем в пашковской школе. Заведовала школой А. В. Ротар, вдова видного культурного деятеля на Кубани, очень опытная учительница естествознания. Обществоведение преподавал участник революционного движения, весьма образованный педагог Г. Ф. Пилипенко. Математику вел старый профессор Крамаренко. Учителем украинской литературы был М. А. Садиленко, имевший печатные работы по

своей специальности. С открытием в 1925 г. украинского отделения в Кубанском педагогическом институте, он стал доцентом и заведующим в этом отделении», – пишет Л. И. Лавров (3).

В архивных документах сообщается о ведении уроков обществознания Г. М. Пелипенко (4). В 1923–1924 гг. в школе работал А. Г. Коблянский, видный деятель украинского просвещения на Кубани периода украинизации (5).

22 августа 1924 г. в школу устраивался И. Г. Чередниченко, будущий выдающийся филолог-русист и украинист, профессор Кубанского государственного университета. О себе он пишет, что окончил три класса Кубанской учительской семинарии. Сдал экзамен на право преподавать в двухклассной школе. С 1 сентября 1918 г. по 1 сентября 1919-го заведовал Шкуринской хуторской школой с украинским отделением. Работал в школе в родной станице Калужской. В 1920–1921 гг. заведовал ею. С 1922 г. работал в 27-й украинской школе. Одновременно работал в Дубинском детском клубе. Преподавал украиноведение в 3-й Краснодарской школе второй ступени. Прослушал в Москве экскурсионно-библиотечно-клубные курсы (6). И. Г. Чередниченко в 1925 г. не вернулся из отпуска (7).

При этом преподавательский состав был интернациональным. В конце 1920-х гг. русский язык преподавал Е. А. Пюжоль, математику – А. В. Дроздин, физику – В. В. Ложкин. Учителем рисования был А. Абрамович (8).

Отчасти нормальному учебному процессу мешали раннесоветские эксперименты в области образования. «Несмотря на хороший подбор педагогов, мы не могли пользоваться этим преимуществом из-за введенного тогда в школах Дальтон-плана, который требовал, чтобы ученики самостоятельно читали пособия, а учитель только отвечал на вопросы учеников», – вспоминает Л. И. Лавров (9). В 1928–1929 гг. был введен бригадный метод обучения. Учащихся, с учетом их пожеланий, разделили на бригады. На подготовку к занятиям отводились специальные часы. Один человек из бригады вслух читал учебник. Остальные слушали. На уроке учитель мог спросить любого человека из бригады. Оценка за ответ («отл», «уд» и «неуд») ставилась сразу всей бригаде (10).

Были и другие трудности педагогического характера. В конце 1920-х гг. директором школы уже был известный казачий драматург,

участник революционного и украинского национального движения Г. В. Доброскок, который был уволен с поста директора по просьбе учеников за непоследовательность и мягкотелость. На посту его сменил М. А. Садиленко, известный украинофил и филолог, который был строг и пользовался авторитетом у учеников (11).

Своими особенностями отличался и состав учащихся. В 1922 г. вёлся учёт социального положения родителей учеников по профессиональным союзам: 15 – из семей совработников, 4 – союза химиков, 7 – союза рабпрос, 2 – союза рабис, 4 – союза всерабземлес, 7 – хлеборобов, 5 – медиков, 2 – железнодорожников, 2 – горнорабочих, 6 – пищевиков, 2 – лесной промышленности, 1 – статработников (Олекса Кирий), 1 – краснолит, 1 – пожарников, 2 – инвалидов, 12 – безработных (12).

В середине 1920-х гг. социальное происхождение учащихся уже указывали несколько по-другому. 44 – из семей крестьян, 32 – совслужащих, 15 – сирот, 12 детей военных, 26 детей кустарей, 13 детей торговцев (13). Или с указанием половой принадлежности: в школе обучались 93 девочки и 57 мальчиков, из них детей крестьян – 65, 21 – рабочих, 1 – ремесленников, 53 – служащих, 2 – свободных профессий, 8 – торговцев (14).

В целом эти данные говорят о большом количестве выходцев из двух социальных групп – совработников и крестьян, многие из которых были казаками. Первые очень часто имели образовательные традиции уже не в первом поколении. Наличие вторых говорит об активизации интереса кубанских хлеборобов к получению образования. В казачьей среде этот процесс наметился ещё в предреволюционный период.

Большая часть учащихся школы были украинцами. При этом русские учащиеся были в каждой группе, иногда составляя до одной четверти списочного состава (15). На национальный состав, конечно же, наложил отпечаток язык преподавания. Наличие русских учеников говорит о популярности среди краснодарцев педагогического коллектива.

Некоторые ученики школы, особенно общественно активные, испытали на себе влияние украинофильски настроенного педагогического коллектива. Некоторые даже пытались по мере сил проводить в жизнь кампанию по украинизации Кубани, даже не являясь

этническими украинцами. «До выезда в Ленинград я участвовал в кампании по переводу на украинский язык кубанских школ и учреждений. Помещал об этом статьи в станичной стенгазете, выступал перед студентами Кубанского пединститута и большой доклад «Почему нужна украинизация Кубани» прочёл на вечере Северо-Кавказского кооперативного техникума в станице Пашковской», – вспоминает Л. И. Лавров (16).

Некоторые ученики школы стали известными личностями, оставили свой след в истории и культуре. «Из учеников, которые при мне учились в украинской школе, упомяну И. Литовченко, автора нескольких позже изданных лирических стихотворений; О. Кирия, ставшего писателем, и А. Садиленко, сына нашего учителя литературы. Почти через 20 лет, в годы Великой Отечественной войны, А. Садиленко под именем «черного генерала» стал прославленным командиром партизанского соединения в Чехословакии», – писал Л. И. Лавров (17). Можно отметить и самого мемуариста, виднейшего кавказоведа.

Веяния времени повлияли и на послешкольную судьбу учеников. Иногда у них попросту не было права выбора профессии. В 1930 г., перейдя в восьмую группу, ученики узнали, что их переводят во Всесоюзный техникум мясной промышленности. Зачисление сразу шло на второй курс. Некоторые ученики этого выпуска так всю жизнь и проработали в мясной промышленности (18).

Школа заслуженно славилась отлично организованной и активной внеклассной работой.

Экскурсионная деятельность в школе была поставлена на регулярную основу, имелся экскурсионный кружок (19). 20 июня 1925 г. была организована экскурсия в лесничество Курго. На 20–24 июня была намечена новая экскурсия. В ней должны были принять участие 20–25 учеников и четыре шкраба. В качестве цели экскурсии обозначена смычка города с деревней, знакомство со станицей Старокорсунской, аулом Эдепсукай, местной флорой и фауной (20).

В рамках учебного процесса проявлялся интерес к сельскому хозяйству. Школа отправляла запрос о предоставлении экспонатов в сельскохозяйственный кабинет пашковской избы-читальни (21).

Кружки-факультативы действовали практически по всем предметам. Очень активно преподавалась в школе украинская песня (22).

Под патронажем украинской театральной труппы действовал драмкружок (23), который был достаточно профессиональным и поэтому упоминался в прессе. Л. И. Лавров вспоминает: «С раннего детства я увлекался игрой на сцене. Особенно запомнился один спектакль драматического кружка украинской школы. Я играл роль кулака в пьесе «На перелазі». Кубанская окружная газета посвятила этому спектаклю хвалебную статью, в которой особо отмечалось, что роль селянина-кулака исполнена воспитанником школы замечательно, с большим пониманием социального типа» (24).

В школе имелась собственная газета под названием «Наша газета», действовал особый «клубный день», когда работали всевозможные кружки, такие как гимнастический, кружок ручного труда и др. (25). Школьные педагоги также были активно задействованы в различных добровольных образовательных учреждениях при вузах, особенно при медицинском институте (26). В 1920 г. преподаватели тогда ещё украинской гимназии Гречникова и Езерницкая преподавали в украинской школе грамотности при организации «Робітнича просвіта» (27).

Действовал школьный совет. В его повестке дня находилось празднование годовщины Т. Г. Шевченко, революционных праздников, изучение событий немецкой революции. Родители учеников были объединены в комсод (комитет содействия). Он имел собственную кассу. Комсод, однако, периодически обвинялся в устройстве в школе вечеринок и пьянок (28).

«В украинской школе меня считали самым активным общественником. На мне лежала обязанность председателя разных кружков, старосты класса, председателя школьного кооператива, представителя учащихся в школьном совете и председателя совета старост. В кружках и на школьных вечерах я часто выступал с докладами на политические, литературные и антирелигиозные темы», – вспоминает Л. И. Лавров (29).

Школа изо всех сил стремилась быть «политически благонадежной», возможно, чтобы оправдать звание советской и загладить гимназическое прошлое. Да и некоторые ее сотрудники, как сама директриса А. В. Ротарь, были социалистами с дореволюционным стажем, хоть и не абсолютно правоверными большевиками.

Проводились специальные мероприятия по привитию комму-

нистических идеалов родителям учеников. Они по возможности присутствовали на всех школьных мероприятиях (30). Действовал запрет пропускать школу по причинам религиозного характера (31). Школа самым активным образом участвовала во всех мероприятиях памяти В. И. Ленина (32). Учащиеся и сотрудники школы принимали участие в Шевченковских годовщинах (33), в то время уже не столько украинофильском, сколько просоветском мероприятии.

В школе имела место военная подготовка и регулярные медкомиссии (34).

Школа, как и другие учебные заведения того времени, сталкивалась с немалыми материальными трудностями. 8 августа 1925 г. А. В. Ротарь пишет, что её украинская школа № 2 не имеет своего помещения. Занятия проходили в школе № 71 по ул. Красной, 62 в две смены, что было очень неудобно. Периодически высказывались жалобы на слабое материальное обеспечение школы (35), велась борьба за своевременную оплату обучения (36).

При этом украинская школа могла пользоваться оборудованием и помещениями, оставшимися от 2-й женской гимназии. Они были прекрасно оснащены. В кабинете естествознания имелся скелет человека, а также 30 микроскопов (по числу учеников в группе). В кабинете географии были красочные карты шириной пять метров (37).

1-я советская украинская школа № 12 основное время своего существования действовала в период украинизации, но отнюдь не была детищем этой правительственной кампании, не слишком удачной и непопулярной. В рамках кампании школа просто могла достаточно эффективно работать. Школа и её активные ученики сами придавали хоть какое-то реальное содержание программе украинизации, которая во многом проводилась только на бумаге.

Школа стала следствием общественно-просветительской деятельности группы кубанских украинофилов, весьма немногочисленной, но активной и образованной. Кубанские украинофилы опирались на традиции дореволюционного гимназического образования, которые очень ценились в раннесоветское время. При этом школа принимала самое активное участие в коммунистическом культурном строительстве, что также ценилось.

Этим и объясняется успех школы, а именно – спросом на востребованное в то время качественное образование, хорошим подбором

педагогов, их активностью, равнодушным отношением к профессии, но отнюдь не языком преподавания, который не был родным, в том числе для выросших в станицах учеников. Он, скорее, приводил к оттоку учеников из школы, что имело место в середине 1920-х гг.

Точно так же украинских деятелей на Кубани до революции ценили не за их украинофильские взгляды, а за ту же просветительскую, литературную, кооперативную, «общедемократическую» деятельность.

Примечания

1. Чумаченко В. К. «Истинный друг учащейся молодежи...» // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2000. № 2. С. 20.

2. Лавров Л. И. Канун революции и Гражданской войны на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 154.

3. Лавров Л. И. Канун революции и Гражданской войны на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 154.

4. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

5. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

6. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 13. Л. 30

7. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

8. Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2. С. 6.

9. Лавров Л. И. Канун революции и Гражданской войны на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 155.

10. Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2. С. 6.

11. Чумаченко В. К. Кубанский драматург // Родная Кубань. 2002. № 1. С. 110.

12. ГАКК. Ф.Р – 861. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 – 1 об

13. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.

14. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 31 об.

15. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–24.

16. Лавров Л. И. Биографические заметки // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 166.

17. Лавров Л. И. Канун революции и Гражданской войны на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 155.
18. Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2. С. 6.
19. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–20.
20. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 15–16.
21. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.
22. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
23. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
24. Лавров Л. И. Биографические заметки // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 158.
25. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.
26. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 23–24.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.
28. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 34–35.
29. Лавров Л. И. Канун революции и Гражданской войны на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 154–155.
30. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
31. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.
32. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
33. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.
34. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 7.
35. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9. Л. 13, 23.
36. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.
37. Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2. С. 6.

Приложение 3 к разделу 8

Васильев И. Ю., Наделяева И. В.

Украиноязычный учебник периода украинизации государственной политики и педагогических традиций

В 1920-х – начале 1930-х гг. советской властью проводилась так называемая «коренизация». Под этим термином понималась политика, направленная на расширение прав и возможностей нерусских народов, привлечение их в советское строительство, создание национальных партийных кадров. Одним из проявлений коренизации была украинизация – проведение политики коренизации по отношению к украинцам. Последняя отличалась особым размахом: проводилась не только на территории Украины и затрагивала далеко не только украинцев. Она имела место и в ряде регионов РСФСР, особенно на Кубани. Украинизация здесь была массовой, активно проводившейся кампанией.

Одной из важнейших составляющих украинизации были украинизация школьного образования и, соответственно, выпуск украиноязычных учебников.

Во второй половине 1920-х гг. уже был издан и введен в обращение украинский кубанский букварь под названием «До науки»(1).

По поручению парткома профессор Краснодарского педагогического института Шаля и доцент Гребенюк заключили с краснодарским книжным издательством договор о выпуске украинских учебников (для 4–7-х годов обучения в школе). Для более быстрого написания этих учебников в помощь перечисленным лицам была назначена бригада ещё из шести преподавателей пединститута. Крайним сроком написания учебников был назначен июнь – июль 1932 г. Компания получила освещение в прессе (2).

Однако, несмотря на значительную полиграфическую базу, выпуск учебников на украинском языке зачастую срывался. Например, издательство «Северный Кавказ» запланировало к началу 1931/1932 учебного года выпустить учебник математики для 5-х классов школ крестьянской молодежи, авторов Шаповалова и Головичевой. От переводчика он поступил в издательство 28 августа 1931 г. Перевод был скверный. В издательстве он пролежал четыре месяца, абсолютно не

пользуясь спросом. Ответственные лица в издательстве, корректор и переводчик, были наказаны, школы остались без учебника (3).

Тем не менее система образования в целом успешно развивалась, активно проводилась ликвидация неграмотности. Престиж книги и образования был весьма велик среди представителей самых разных слоёв населения.

Украинизация в значительной степени проводилась с целью повышения эффективности культурно-политической работы со станичниками Кубани. Она использовалась как повод для внедрения советской власти и идеологии в повседневную жизнь сельских кубанцев. Недаром украинизация совпала с организацией в станицах сети хат-читален, появлением радиоточек, проведением кинопоказов (4). Во многом эту же цель преследовало развитие сети школьного образования на украинском языке.

Недаром в рассматриваемом нами учебнике «Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю» большое внимание уделяется пропаганде коммунистических идеалов. Они показаны с учётом детского восприятия, на конкретных фактах и примерах, таких как разъяснение смысла советских праздников, деятельности октябрятских дружин, таких событий революционной борьбы пролетариата, как Ленский расстрел. Акцент сделан на борьбу между бедными и богатыми, где бедные отстаивают свои права и в конце концов побеждают. Изображены активисты, участвующие в движении бедняков, женском движении, посещающие избы-читальни (5).

Показаны такие значимые фигуры, как В. И. Ленин и Тарас Шевченко. И тот и другой показаны во многом сходно, как непримиримые участники классовой борьбы, защитники обездоленных и угнетённых. Никакой особой «украинскости» в фигуре Тараса Шевченко не подчёркивается. В рассказе о нём даже не сказано, что он был украинцем. Образы В. И. Ленина и Т. Г. Шевченко даны максимально кратко и схематично. В их разработке использованы народные представления о героях и заступниках (6).

О Ленине говорилось: «Вин навчив робитників и селян, як треба боротись проти панів та царів. Під його керівництвом трудящі здобули собі волю, землю й лиси, фабрики та заводи, ридну школу та освіту». Перевод текста: «Он научил рабочих и крестьян, как бороть-

ся против помещиков и царизма. Под его властью трудящиеся добыли себе свободу, землю и леса, фабрики и заводы, родную школу». Весь текст рассказа пронизан великой скорбью, почитанием вождя, неизмеримой любовью.

Учебник предлагает ученикам дома развесить траурные флаги. Необходимо также было рассказать своим родителям о смерти Ленина, так как многие взрослые кубанских станиц были неграмотными. Таким образом, велась идеологическая пропаганда и среди родителей (7).

В контексте воспевания вождя даётся и обращение к его верным последователям – представителям детских организаций, которые должны были превращать учащихся в полностью советских людей. В тексте упоминается момент агитации вожакого Андрейки среди детей за вступление в пионеры и октябрята: «...вступити всим до жовтенят, навчитись робити по-ленинськи»(8).

Уделяется внимание и общим постулатам социальной модернизации, таким как необходимость учиться, соблюдать правила гигиены, например о необходимости создания «санитарных кутков» в школе и дома. «В кожній хаті утворили санітарні куточки. В санкуточках прибивали плякати про охорону здоров'я: 1) Щодня провітрюй кімнату, 2) Щодня треба топити в хаті, 3) Чисть від грязі одяг та взуття, 4) Щотижня в хаті обмітай пиляку, 5) Лікуйся тільки в лікаря, 6) Провітряй одягу, 7) Щодня мийся й чисть зуби, 8) Щотижня мий своє тіло». Перевод текста: «В каждой хате сделали санитарные уголки. В уголках прибили плакаты с правилами охраны здоровья: 1) каждый день проветривай комнату, 2) каждый день необходимо протапливать помещение, 3) очищай от грязи одежду и обувь, 4) Ежедневно в помещении вытирай пыль, 5) лечись только у врача, 6) проветривай одежду, 7) каждый день мойся и чисть зубы, 8) ежедневно мой свое тело». На страницах учебника поднимается проблема безопасности детей. Рассказ «Неосторожность» в жёсткой форме повествует детям о том, чем может закончиться хождение по льду на реке, когда один из героев рассказа утонул, а другой перенёс тяжелейшую форму воспаления лёгких (9).

Большое значение придаётся воспитанию в учащихся столь важного качества, как коллективизм. Идея коллективизма муссируется на страницах учебника постоянно. Так, в рассказе «Работа коллек-

тивом» предлагается детям коллективно сделать санки для катания зимой по снегу: «На загальних зборах вирішили гуртом зробити двоє санчат». В рассказе «У колективному хозяйстві» показана похвала тому, как в данном хозяйстве лучше всех содержится крупный рогатый скот (10). Коллективизм пропагандируется наиболее эффективным способом – через совместный труд. Много в учебнике помещено рассказов о школьном огороде. Показана подготовка к весеннему севу на огороде, перечислены трудовые обязанности на школьном участке. Домашние задания предлагают школьникам обратить внимание на проблемы пришкольных огородов, которые необходимо «гуртом» решить (11).

Большое место в учебнике уделяется пропаганде создаваемой колхозной системы. Получающие образование дети должны были пропагандировать достижения колхозного строя среди малограмотных и скептически настроенных родителей. Например, этому посвящён рассказ «Як бідному бути?». В тексте лозунг «Біднякам тильки в колективах робити!» выделен специальной рамочкой как основная мысль рассказа (12).

Как и в рассказах о вождях, так и в колхозной пропаганде особое место уделяется созданию комплекса превосходства бедняков и батраков над всеми остальными селянами. Используется мифологема истинных владельцев земли и всех её богатств, которые были долгое время несправедливо унижены. Показаны и их враги – кулаки-богатеи (13).

Уделяется внимание и традиционным ценностям, не отрицаемым в открытую властями, таким как согласие и сотрудничество в семье, почитание родителей, совместная работа с ними (14). В учебнике чувствуется традиция написания учебных пособий для народных школ. Учебник как бы встраивается в быт сельского ребенка: например показан цикл земледельческих работ, уделяется большое внимание домашним животным и вообще специфике жизни на селе (15).

Учебник содержит и региональный компонент. Описаны характерные южнороссийские наводнения и засухи, грязь на станичных улицах. На иллюстрациях изображены дети и взрослые в шапках-кубанках. (Местный компонент вообще в большей степени прослеживается в визуальном ряду). Характерно, что нет ни одного упоминания о казаках (16).

В контексте всего вышесказанного, уместно предположить, что украинский язык учебника – такой же элемент местной специфики, введённый для упрощения восприятия главных идей, таких как коммунистические идеалы, образование, модернизация. Украинский язык для авторов и издателей учебника не имел самостоятельной значимости и символического значения, а был компонентом служебным, упрощающим восприятие главного.

На этом примере можно видеть наглядное воплощение одного из идейных направлений организаторов украинизации, а шире – коренизации в целом, приближение советской власти к народам СССР через использование их национальных языков и культуры. Это направление фактически было официальным, кремлёвским. Ведь в условиях бурного роста системы образования, её высокой эффективности и престижности учебник считался мощнейшим средством пропаганды, в том числе и среди взрослого населения, традиционно склонного сакрализировать печатное слово.

Вместе с тем учебник нёс в массы и укреплял и традиционные ценности: коллективизм, взаимопонимание в семье, трудолюбие.

Примечания

1. (Центр документации новейшей истории Ростовской области) ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 13.

2. Иванцов И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008. С. 188.

3. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 9.

4. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.

5. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для сільських та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Північний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 15, 45, 47, 76, 80–81, 85, 109. 116–117

6. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для сільських та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Північний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 11–13; 83–84, 115.

7. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 13.

8. Там же.

9. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 20–21.

10. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 25, 54.

11. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 79, 110.

12. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 77.

13. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 13, 77.

14. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 41, 121.

15. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 64–65, 95.

16. Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю. Видавництво «Півничний Кавказ». Ростов – н/Д, 1929. С. 120, 122–123.

9. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД УКРАИНИЗАЦИИ

Власти принимали различные меры, чтобы ускорить и углубить украинизацию. Поэтому чем дальше, тем актуальнее для них становился кадровый вопрос. Были необходимы украинцы, лояльные режиму, а также знатоки украинского языка и культуры. Существовал спрос на украиноязычных партийных и советских работников, учителей, избачей и клубных работников, литераторов, журналистов и сотрудников издательств.

После 1925 г. активность проведения кампании особенно возрастает. При райкомах партии вводятся должности инструкторов по украинизации партийной работы и школьного образования (1). В тот же период появляются первые директивы о ведении пионерской и комсомольской работы на украинском языке (2). По-украински начинает вестись и партийная работа и агитация. Было решено создавать украиноязычные школы политграмоты и политпросвета (3). Власти также посчитали необходимым усилить работу среди самых широких масс украинцев. Началось проведение украинских беспартийных конференций и хлеборобских съездов (4).

Партийных работников и учителей, владеющих украинским языком, ставили на особый учет в местных партийных органах. Они стали первоочередниками на получение образования по партийной разрядке. Армавирский партиец-украинизатор И. Прохорский был направлен на уманский рабфак, а С. Токаренко – на краснодарский (5). Проводилось организованное выдвижение украинцев на ответственные должности. Особенно это касалось сферы национальной политики. В марте 1926 г. было решено назначить на должность заведующего подотделом АПО нацмен Черноморского окрком ВКП(б) представителя именно украинской национальности (6).

Процесс целенаправленного выдвижения и учёта работников-украинцев особенно активизировался после объявления в 1929 г. на Кубани сплошной украинизации (7). Упор делался на выходцев из беднейших и малограмотных слоёв населения: «...приступить к выдвижению новых сил, организовав для них специальные курсы по ликвидации неграмотности на украинском языке», – говорилось в ре-

золюции по вопросу украинизации Кубанского округа (8). Поэтому в 1929 г. при украинском отделении кубанского рабфака были организованы одногодичные курсы для взрослых (9). 17 февраля 1932 г. президиум ейской районной КК – РКИ ВКП(б) обязал Полтавский педагогический техникум, чтобы число вновь набранных студентов-украинцев составляло не менее 75 % (10). К концу 1931 г. предполагалось украинизировать окружную партийную школу (11).

В марте 1926 г. в Черноморском округе партийным руководством планировалось с согласия учащихся украинизировать ликпункты и снабдить украинской литературой избы-читальни. Для более эффективной реализации этих мероприятий было приказано реорганизовать украинскую секцию при АПО нацмен окркома ВКП(б); сменить её секретаря и направить на работу в секцию зарекомендовавших себя активных работников. Считалось своевременным выяснение целесообразности создания в г. Новороссийске украинского сельскохозяйственного товарищества (12).

Съезд украинских учителей, прошедший 1 апреля 1926 г. в Краснодаре, показал небывалую до этого поддержку активистов украинской школы со стороны власти. До этого они очень часто сталкивались с сопротивлением местных руководителей (13).

С началом проведения сплошной украинизации с 1929 г. украинизация местных советских и партийных учреждений стала напрямую увязываться с наличием в них подготовленных работников-украинцев (14).

Впоследствии большое внимание уделялось украиноязычным работникам в сфере издательского дела, особенно, когда дело касалось массовых кампаний. Так, 22 ноября 1930 г. для перевода массовой колхозной литературы на украинский язык в издательстве «Северный Кавказ» северокавказским крайисполкомом было указано специально выделить «украинского работника» (15).

Подготовка и расстановка на ключевые позиции большевиков-украинизаторов была тем более необходима, что зачастую украинские активисты могли доставить хлопоты властям, либо своими действиями затруднить проведение программы в жизнь.

Зачастую проводить украинизацию ехали украинские националисты, которым советская власть уже не давала работать на территории Украины (16). Одним из них был, к примеру, известный писатель

В. Чапленко. В 1929 г. он проходил по громкому политическому делу. Но тогда же ему удалось уехать на Кубань (17).

Также для участия в украинизации были приглашены украинские интеллигенты из польской Галиции (18).

Эти люди нередко были яркими энтузиастами, воспитанные, однако, в рамках совершенно иного, более или менее западного варианта украинской культуры. Поэтому та культура, которую они несли кубанцам, зачастую была чужда последним. Подобная ситуация имела место и на рубеже XIX–XX вв., когда наиболее активными деятелями украинского культурного движения на Кубани были выходцы с Украины (19). Появлению украинских учителей на Кубани способствовало и решение руководства Северо-Кавказского края просить присылать преподавателей по линии компартии Украины (20).

Отдельно необходимо отметить местных кубанских украинофилов, таких как учителя Макаренко и Деревянко. Они настаивали на необходимости украинизации кубанского образования и культурной жизни. Эти активисты недооценивали силу русской составляющей всех сторон жизни кубанской станицы, утверждали неорганичность русской культуры для региона (21). «Украинская народная песня, старинные мелодии, исторические думы и песни дошли до нашего времени, целиком нетронутыми. Этнографические записи дают очень много материала, который подтверждает это явление», – утверждал М. А. Садиленко. Власти отмечали распространение среди местного украинского актива националистических идей. Например, «несоветские» украинофилы провели украинизацию преподавания Закона Божия в новодеревянковской церкви. (22).

Неудивительно, что в «хронических недоразумениях по политической линии» проявлялись особенности украинофильской идеологии преподавателей и студентов педагогического техникума в станице Полтавской (23).

Это заставляло партийные органы принимать решения, направленные на недопущение бесконтрольного роста украинских просветительских организаций (24). Также специально контролировалось выдвижение украинских активистов с учётом их «идеологической выдержанности». Так, при подготовке к первому съезду работников просвещения – украинцев в сентябре 1928 г. особое внимание обращалось на наличие или отсутствие у кандидатов в делегаты членства в ВКП(б) (25).

Несмотря на активность партийных и государственных органов, украинизация «кадров ответственных работников» на Кубани порой шла очень медленно. Сказывалось незнание значительной частью местных партийных функционеров украинского языка (большая их часть была выходцами из городов и других регионов) (26). Даже коммунисты-украинцы первоначально получали идеологическое образование в русских парткружках и партшколах (27). К тому же в составе работников советского аппарата по Северо-Кавказскому краю украинцы составляли всего 5 %, в составе же ответственных партийных и советских работников – 30 % (28). В 1927 г. подавляющее большинство депутатов Краснодарского городского совета составляли русские. Количество украинцев не превышало 10 % (29). Руководство Северо-Кавказского края в конце 1929 г. специально отмечало, что количество украинцев, избранных на Кубани в советы всех уровней, недостаточно. Было приказано приступить к увеличению их числа (30). О необходимости первоочередного выдвижения на все значимые должности в украинизируемых районах людей, знающих украинский язык, говорилось ещё в краевом постановлении о сплошной украинизации ряда районов от 1928 г. Но на практике оно очень часто не выполнялось (31).

Поэтому люди, представлявшие какую-либо ценность, нередко «украинизировались» независимо от своего желания.

Студент Краснодарского педагогического института А. И. Шершнева отказался учить украинский язык. Более того, он говорил, что «в институте большинство русских, украинизация из нас педагогов не выработает, только средства зря тратят». В ноябре 1931 г. Шершнева поддержал выступавшего против украинизации члена ВКП(б) Тютерева. Первоначально Шершнева исключили из партии. Краснодарская городская контрольная комиссия отменила исключение, заменив его на выговор. Ему было предложено немедленно приступить к изучению украинского языка (32).

Проведение украинизации нередко наталкивалось на саботаж «ответственных работников» и «культурработников». И это несмотря на то, что руководители организаций несли персональную ответственность за проведение украинизационных мероприятий. Людей заставляли давать расписку с обещанием украинизироваться. Иначе им, по крайней мере формально, грозило увольнение (33).

Нелояльность к украинизации была одним из поводов для доносов, в том числе – через прессу. Например: «Завшколой станицы Березанской агитирует против украинизации школ. Сам он – русский»; «Избач станицы Ново-Корсунской не дает репетировать украинскому драматическому кружку, а поддерживает русский»; «Завполитпросветом станицы Ново-Корсунской Кубанского округа Севастьянов, несмотря на распоряжения партии и советской власти, плохо относится к украинизации» (34).

Управленцев-саботажников нередко наказывали. Весной 1932 г. за отсылку отношений и деловой переписки на русском языке в украинские учреждения, а также за саботаж проводимых мероприятий среди колхозных масс председатели сельсоветов Кущёвского района: Шкуринского – Виткалов, Полтавчихинского – Мишин, Глебовского – Кравцов получили предупреждения и выговоры. Их обязали перевести работу техаппаратов на украинский, немецкий и латышский языки соответственно (35). Председателю Райсовпрофа за необеспечение пропаганды украинизации в среде членов профсоюзов был объявлен выговор. За полную бездеятельность в деле украинизации и коренизации Райсоюза и Сельпо, за проявление «великодержавного шовинизма» председателю Райсоюза Енгенльгарду был объявлен выговор. Его обязали немедленно приступить к украинизации и коренизации техаппарата кооперативной системы района. Заведующие Райнарсвязи Мелихов и заведующий Райзаготзерно Коняев выступали с требованием выслать всех украинцев из района. За это они, а также секретарь фракции РКС Ефимов и секретарь фракции Райсберкасы Коржов были категорически предупреждены и их обязали немедленно приступить к украинизации и коренизации техаппаратов возглавляемых ими учреждений (36).

Одной из проблем, возникавших у советской власти в процессе украинизации, был явный недостаток среди кубанских украинцев лиц пролетарского происхождения, в том числе среди активистов и работников культуры. По этой причине в 1931 г. украинскую секцию Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей временно передали под управление секции колхозных писателей (37).

Среди сколько-нибудь социально активных кубанских украинцев ощущался недостаток также и в батраках, и крестьянах-бедняках. Например, среди поступающих на украинское отделение кубанского

рабфака преобладали селяне-середняки. Власть такая ситуация явно не устраивала. Крестьяне находились под подозрением как носители мелкособственных настроений и «буржуазного национализма». Поэтому была высказана идея организовать при украинском отделении кубанского рабфака подготовительные курсы, для этого организовать обучение представителей беднейших слоёв украинцев (38).

После стремительного свёртывания украинизации в конце 1932–1933 гг. многие активные участники украинизации подверглись репрессиям. В станице Новодеревянковской были арестованы учителя украинских школ Е. Н. Фоменко, С. Р. Бреславец, М. М. Полтавец (39). В январе 1933 г. в Краснодаре были арестованы представители украинской профессуры: Шаля, Геробенюк и многие преподаватели Украинского пединститута имени Скрыпника (40). Был разгромлен педагогический состав Полтавского педтехникума.

В течение 1933 г. на Кубани разворачивается партийная чистка, затронувшая, прежде всего, партийцев-украинизаторов. (Первые репрессивные меры против управленцев в районах, где проводилась украинизация, были проведены ещё в 1931 г. Так, в станице Полтавской был распущен колхоз «Червоный прапор», его председатель арестован (41). Правление колхоза было обвинено в том, что в его составе было много кулаков, которые вели антисоветскую агитацию (42).)

Официально она объяснялась необходимостью обновить и укрепить партийный аппарат для повышения эффективности хлебоготовок. Многие партийные кадры, проводившие украинизацию, были сняты со своих постов и арестованы. Некоторым из них даже были предъявлены обвинения в сепаратизме и кубано-украинском национализме (43). Отрывочные сведения об этой партийной чистке сохранились в народной памяти. Вот какое объяснение давалось голоду 1933 г.: «Неправильное руководство было. Шеболдаев. В Ростове. Вроде хотели от России отделиться» (44).

В целом кадровая политика периода украинизации подразделялась на два основных направления. Прежде всего, это выдвижение на ответственные должности представителей пролетариата и крестьянства, к тому же «народности, угнетаемой царизмом». Второе направление – выдвижение лиц, необходимых для проведения собственно украинизации.

Первое направление, несмотря на все сложности (недостаток партийцев-украинцев, пролетариев украинской национальности), принесло свои плоды и способствовало формированию на Кубани среди бюрократии и интеллигенции слоя сталинских выдвиженцев. «Специалисты по украинизации» были либо репрессированы, либо по большей части переключились после свёртывания украинизации на другие виды деятельности.

К тому же украинизация зачастую была весьма неудобной, как для массы населения, так и для руководителей и интеллигенции. Поэтому она могла служить «лакмусовой бумагой» лояльности и исполнительности, помогала формировать досье на «ответственных работников».

В то же время, по мнению И. Г. Иванцова, за проведением украинизации не всегда строго следили. Власть всё же не хотела слишком осложнять отношения с населением региона и местными чиновниками.

Примечания

1. Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. 1917. № 3. С. 3.
2. В станице Кисляковской. Создание общества «Просвита» // Листок войны. 1917. № 975. С. 3.
3. Там же. Л. 22.
4. Там же. Л. 6, 7, 13, 14, 31.
5. Там же. Л. 24, 29.
6. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 136. Л. 53.
7. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 249. Л. 5, 10, 16.
8. Там же. Л. 19.
9. Там же. Л. 22–23.
10. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2, 20.
11. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2, 20.
12. Там же. Л. 31 об – 32об.
13. Там же. С. 30, 33.
14. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 301. Л. 1.
15. Щербинин С. А. Влияние Гражданской войны на сословное

самосознание донских и кубанских казаков // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. Славянск-на-Кубани, 2008. Ч. 2. С. 62–63.

16. Чёрный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 121.

17. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76. Л. 2.

18. Цит. по: Там же. С. 143; Козлов А. И. Антон Иванович Деникин. М., 2004. С. 368–369; Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 530.

19. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.

20. Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 502–520.

21. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 301. Л. 1.

22. ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 64. Л. 6.

23. КФЭЭ – 2001, А/к. – 2327. Краснодарский край, ст. Челбаская, инф. – Беда П. И., иссл. – Матвеев О. В.

24. ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 96. Л. 6.

25. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.

26. Якаев С. Н. Фёдор Андреевич Щербина. Краснодар, 2004. С. 185–187.

27. ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 96. Л. 4–5 об.

28. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Краснодар, 2008. Кн. 3. С. 25.

29. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 4.

30. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 1.

31. ГАКК. Ф. Р – 883. Оп. 1. Д. 28. Л. 1об.

32. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 139, 191.

33. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 15.

34. Борисёнок Е. Ю. Там же. С. 21.

35. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 4.

36. Хмурый. Учись, чему заставляют // Красное знамя. 1928. № 33. С. 3.

37. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 938. Л. 51.

38. ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.

39. Там же. Л. 20.

40. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 194.

41. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 193.

42. Там же. С. 192–193.
43. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 41–43.
44. Там же. С. 40–41.
45. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 189.
46. Там же. С. 189.
47. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 190.
48. Волюняк П. Кубань – земля казачья // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 77–78.
49. Цит. по: Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 123.
50. Там же. С. 123.
51. Там же. С. 123.
52. Там же. С. 124.
53. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 11.
54. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 44.
55. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 85. Л. 245.
56. Кропачев С. Хроника коммунистического террора. Краснодар, 1995. С. 36.
57. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 199.
58. Миронин С. С. «Голодомор» на Руси. М., 2008. С. 51.
59. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. Краснодар, 2007. С. 35.
60. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 254–268. Заверенная копия.
61. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 215.
62. Там же. С. 124, 211–212.
63. Там же. С. 179, 240.
64. Там же. С. 18.
65. Там же. С. 152.
66. Там же. С. 192.

67. Там же. С. 211.

68. Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.).

69. КФЭЭ – 2008. А/к. – 3904. Краснодарский край, Горяче-ключевской район, ст. Бакинская, инф – Петько А. Д., иссл. – Матвеев О. В.

70. Цит. по: Дейневич А. В. Станица Новодеревянковская // Кубанский сборник. Краснодар, 2007. Вып. 2 (23). С. 123.; ГАКК. Ф. Р – 15 94. Оп. 1. Д. 50. Л. 614.

71. Голод 1932–1933 годов: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? // Круглый стол в Центре украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ. 10 декабря 2007 года.

71. Волыняк П. Указ. соч. С. 92.

72. КФЭЭ – 2002 А/к 2719. Ставропольский край, Андроповский район, Станица Воровсколеская, инф. – Хорольская В. Ю, иссл. – Волкострел Т. М.

73. КФЭЭ – 2001, А/к. – 2328. Краснодарский край, ст. Челбаская, инф. – Кабан Н. Е., 1925 г. р., Кабан Т. Н., 1921 г. р., Шинкаренко Г. Ф., 1913 г.р., иссл. – Матвеев О. В.

74. Коржевская В. Вместе с веком // Родная Кубань. 2005. № 2. С. 129.

75. Иванцов И. Г. Указ соч. С. 199.

76. Грушевский Д. В. Кубано-украинские книжные связи на имперском, советском и постсоветском пространстве // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев, 2011. Вып. 5. С. 85.

77. Барка В. Кубанский холокост // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 62–64.

10. ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ УКРАИНИЗАЦИИ, ЕГО ПРИЧИНЫ

Как уже было написано в главе, посвящённой идентичности кубанских украинцев, кубанским малороссам не было присуще украинское национальное самосознание, а также отсутствовало представление о наличии у них особых интересов как этнических украинцев. Именно с этим столкнулись самостийники и украинофилы, когда в период Гражданской войны 1917–1920 гг. у них появилась возможность насаждать в регионе украинскую культуру и образование. С отсутствием социальной базы у украинофильства пришлось иметь дело и советским украинизаторам.

В линейных и закубанских станицах (таких как Холмская, Ильская, Абинская) украинское национально-культурное движение развивалось не слишком активно (1). Оно сталкивалось с существенными трудностями и в ряде черноморских станиц. В станице Кисляковской местное отделение общества «Просвита» развернуло активную работу при поддержке атамана Сердюкова. Однако оно не нашло поддержки своих начинаний в среде местного казачества. Особенное сопротивление встретила инициатива по введению украиноязычного школьного образования (2).

В целом украинское национальное движение представляло из себя различные группы интеллигентов (учителей, кооперативных организаторов), которые старались вести пропаганду в народных массах и добиваться влияния во властных структурах. Последнее удавалось им в гораздо большей степени.

9 августа 1919 г. был издан циркуляр министерства, который предлагал ввести преподавание украинского языка в первых отделениях начальных училищ везде, где будет получено согласие родителей учащихся (3). Но эта инициатива встретила множество затруднений даже в черноморских станицах. Во многих населённых пунктах в условиях Гражданской войны не хватало средств на реформы образования: не на что было покупать новые учебники, не хватало учителей, знающих украинский язык. Такая ситуация складывалась в станицах Новопашковской, Новоминской, Старотитаровской, Черноерковской, Новотитаровской. Во всех этих станицах, кроме Ново-

титаровской, преподавание украинского языка всё же планировалось ввести в 1920/21 учебном году (4). Жители станиц Бородинской и Хмельницкой по причине недостатка средств и кадров вовсе отказались от введения обучения украинскому языку (5). При этом в учебных заведениях более высокого уровня, чем начальные училища, преподавание украинского языка не было развито: например, украинского языка не было в программе гимназии общества «Просвещение», находившейся в станице Старотитаровской (6).

Надо отметить, что население ряда черноморских станиц выступало принципиально против преподавания украинского языка. Так поступило население станиц Старощербиновской, Новороговской, Старолеушковской (7). Сход станицы Голубицкой отверг предложение депутата Рады Костенко о введении преподавания украинского языка в местном начальном училище. Представители станицы заявили, что «украинского языка не знают и говорят на общерусском языке» (8). В станице Кисляковской из числа родителей 918 учащихся только 53 пожелали обучать своих детей украинскому языку. Тем не менее министерство просвещения внесло предложение о его преподавании на первом и втором отделениях находившегося в станице шевченковского училища. При этом только 28 из 78 родителей учащихся поддерживали это предложение. Поэтому союз учителей станицы Кисляковской отверг идею о преподавании украинского языка в училище. Он, включая украинскую активистку М. А. Сердюк, предложил создать для желающих изучать украинский язык отдельную школу (9).

Практически на 17 ноября 1919 года преподавание украинского языка на Кубани не велось. За исключением двух-трех «экспериментов». А вся украинофильская деятельность ограничивалась разговорами, планами и частными культурными инициативами, которых стало несколько больше с дореволюционного периода. Но не более того (10).

Необходимо отметить, что кубанские казаки организованно присягнули временному правительству, защитили его от леворадикальных выступлений летом 1917 г. и попытки генерала Корнилова и его сторонников взять власть в свои руки. 16 марта 1917 г. в станице Ирклиевской был проведён торжественный молебен «по поводу перехода к новому строю» и панихида по павшим борцам за свободу. Об этом

ирклиевский атаман послал телефонограмму премьер-министру князю Львову (11).

В то же время заявлялось о стремлении к войсковой автономии, ограничении бремени службы. В обращении сходов станиц Приморско-Ахтарской и Новокорсунской к делегатам общеказачьего съезда, принятом весной 1917 г., заявлялось о необходимости предоставить кубанцам самоуправление на войсковом уровне, передать под контроль войска все государственные земли, находящиеся на его территории, и полезные ископаемые. Одновременно казаки заявили о желании служить за государственный счёт (12).

При этом во время революционных событий в казачьей среде не прослеживались антирусские настроения. Напротив, казаки старались не конфликтовать с народным большинством (13). Нежелание отрываться от России было одной из причин признания на Кубани власти большевиков в 1918 г. (14).

У казаков не было выражено осознание своей этнической обособленности от основного массива восточнославянского населения России и Кубани. Принадлежность к казачеству и казачьи привилегии не считались неотъемлемым наследственным правом. В августе 1917 г. казак станицы Пашковской А. М. Лысенко подал заявление председателю Кубанского войскового правительства с предложением включить в число казаков всех граждан, постоянно проживающих на Кубани. Не желающих быть казаками он рекомендовал из войска исключить. В 1919 г. в станице Вознесенской по решению сбора семьям мобилизованных иногородних выдавались семейная ссуда и три десятины полевого надела. Все остальные виды пособий выдавались им наравне с казаками. Таким образом, казачий статус зависел от выполнения сословно-служебных обязанностей (15).

Самостийничество в массе станичников было не осмысленным стремлением к национальной независимости, а желанием отгородиться от неуспешной власти, контакт с которой может быть вреден. И только до тех пор, пока он не стал полезным. Конфликты с большевиками и добровольцами воспринимались казаками так же, как в свое время конфликты с имперской властью, такие как противостояние 1861 г. по вопросу о переселении на Кубань (16). Саму идею кубанской независимости казачья масса воспринимала с недоумением. «Как же это так выходит, Москва будет за границей?» (17).

Антидобровольческие настроения стали характерны для черноморцев только после репрессий против авторитетных казаков, таких как убийство Н. С. Рябовола 27 июня 1919 г. и повешение А. И. Кулабухова в ноябре 1919 г. (18). (Примечательно, что в обращении к гражданам, выпущенном Законодательной Радой, власть не решилась призвать кубанцев к защите независимости. Она ограничилась апелляцией к отстаиванию неопределённых «гражданских прав») (19). Ведь уже в первой половине 1918 г. казаки не хотели сражаться с большевиками плечом к плечу со своей элитой, которой не доверяли. Отношение к ней со стороны рядовых казаков всегда оставалось прагматичным. Это зачастую не учитывали лидеры «самостийников» в Войсковой Раде. Этот властный институт отнюдь не пользовался всеобщей поддержкой казаков (20). Примечательно, что многие самостийнические деятели Рады на практике были абсолютно оторваны от казачьей массы. Попасть в законодательный орган Кубани им позволили связи в областных верхах, наработанные ещё в дореволюционный период (21).

В 1919 г. сход станицы Кавказской раскритиковал Раду за неспособность эффективно содействовать снабжению населения необходимыми товарами (22). «В огороде – бузина, / Редька молодая. / Надоела нам свобода. / Дайте Николая!» – пелось в популярной кубанской частушке времен Гражданской войны. Таким образом, казаки в случае с деникинцами выступили опять-таки не за свою государственную самостоятельность, а против власти, покусившейся на их права (23).

«Самостийники», вместо трезвого анализа своих ошибок, занялись поисками мифического заговора монархистов, которые якобы подстрекают казаков (24). Именно «монархистов» они обвинили в убийстве Н. С. Рябовола (25).

Вот один примечательный факт. В начале 1919 г. Ф. А. Щербина, тогда председатель финансово-бюджетной комиссии Законодательной Рады, не мог организовать свёрстку кубанского бюджета на 1919 г. Не были составлены и официально утверждены штаты государственных учреждений, которые к тому же были непомерно раздуты. На запросы финансово-бюджетной комиссии никто не реагировал. Бюджет так и не был принят. Примечательно, что председатель правительства П. И. Курганский ничем не помог Ф. А. Щербине. Денежным обращением премьер попросту не интересовался (26).

В целом казачья интеллигенция, заседавшая в Раде, была преисполнена благих намерений и старалась способствовать развитию региона. Особенно пристальное внимание она уделяла системе образования, которая продолжала быстро совершенствоваться даже в условиях Гражданской войны (27). Однако деятели Рады не смогли или не захотели способствовать установлению жёсткого порядка, централизованного контроля над распределением ресурсов на территории войска. Это оказалось губительным для их начинаний.

Можно сказать, что украинское национальное движение периода революции и Гражданской войны преимущественно действовало в сфере образования, культуры и политики. Украиноязычное образование имело место в основном на территории бывшей Черномории. В некоторых населённых пунктах оно вызывало энтузиазм, в других – резкое неприятие. Однако в целом в Черномории к украиноязычному образованию масса населения относилась в тот период равнодушно. Его развитие в значительной степени происходило за счёт поддержки краевых кубанских властей. Кубанское политическое украинофильство и самостийничество в основном опирались на одну из групп казачьей интеллигенции. Её влияние, оказываемое на часть черноморских казаков, объясняется чувством казачьей солидарности и стремлением развивать местное хозяйство и образование. К лозунгам национальной независимости и солидарности с Украиной население было в целом безразлично. Многих кубанцев раздражала политическая конфликтность «самостийников».

Партизанское движение, разгоревшееся после занятия большевиками Кубани в 1921 г., в основном велось под общероссийскими, а не «самостийническими» лозунгами, такими как «Да здравствует советская власть! Долой коммунистов!» или «Власть царю, земля народу» (28).

Все эти особенности мировоззрения кубанцев наглядно особенно ярко проявились в конце 1920-х – начале 30-х гг. Этот период истории, отмеченный насильственно-бюрократической украинизацией, уже весьма ярко выявил предпочтения и антипатии жителей Кубани.

Украиноязычное делопроизводство казалось населению крайне неудобным (29). Тот же комплекс причин вызывал недостаток спроса в кубанских станицах на украинскую книгу (30). Например, ученики 6-й краснодарской школы хорошо понимали, что на украинском язы-

ке можно петь, рассказывать сказки, разыгрывать сценки. Однако они не воспринимали украинский как язык письменной культуры (31). Тем более что он до 1928 г. не имел чётко закреплённых правилами грамматики (32).

Уже в середине 1920-х гг. в станице Неберджаевской руководством школы и местного совета оказывалось сопротивление украинизации (33).

В станице Новомышастовской в 1926 г. украинский кружок при избе-читальне объединили с русским кружком и закрыли украинскую стенгазету (34).

Например, в 1927 г. в Брюховецком районе даже было принято решение о ликвидации украинской секции при райкоме ВКП(б) (35). В районе только Шкуринский сельский совет перешёл на украиноязычное делопроизводство.

В 1928 г. молодёжь станицы Ново-Дмитриевской связывала получение образования именно со знанием русского языка (36).

К концу 1929 г. местные власти на Кубани проявляли вопиющее равнодушие к реализации плана сплошной украинизации. Такая ситуация во многом сохранялась и в дальнейшем (37). Представители партийного и советского аппарата назывались в числе сил, активно тормозящих проведение украинизации (38). Ко всему прочему местные власти препятствовали включению украинизации в число программ, на выполнение которых распространялся принцип ударничества (39).

Медленно шла украинизация в Ейском и Краснодарском районе. В Ейском районе органы управления не раз фиксировали всевозможные «извращения» украинского литературного языка. Они имели место в районной газете, на украинских вывесках, в штампах и бланках (40).

К концу 1931 г. делопроизводство на украинском языке было введено только в пяти населённых пунктах Краснодарского района. В станицах Нововеличковской, Пашковской, Марьянской, Васюринской, Динской, Новотитаровской работа по украинизации неприкрыто и откровенно саботировалась. Эти районы не удалось сделать центрами украинской культуры, как планировалось ранее (41). Делопроизводство, ведение бухгалтерии и изучение литературной украинской речи массово игнорировались (42). Такая же ситуация сохранялась и в следующем году (43).

Делегаты краевого совещания уполномоченных по нацменделам, прошедшего в июне 1930 г. в Ростове-на-Дону, пришли к выводу, что план украинизации на 1929–1930 гг. практически сорван. Впоследствии ситуация менялась незначительно (44).

11 ноября 1931 г. Абинский райком ВКП(б) признал наличие трудностей в проведении украинизации. А председатель Абинского райисполкома Фоменко прямо заявил, что дела с украинизацией обстоят «погано» и ничего не сделано (45). Был назначен срок её завершения – 1 октября 1932 г. В начале 1932 г. силами Абинской районной КК – РКИ был расследован ряд персональных дел коммунистов. Все они обвинялись в проведении политики «русского великодержавного шовинизма» в возглавляемых ими организациях и учреждениях (46). Однако план украинизации так и не был выполнен на практике (47).

В станице Тихорецкой руководство не интересовалось украинизацией, проводя её как вынужденную повинность. «По-украински в учреждениях никто не разговаривал», – вспоминал П. Вольняк. Равнодушно к украинизации относилось и население в целом (48).

«Нам сейчас некогда. Мы откладываем и более важные работы, а не то, что бы проводить украинизацию», – говорил секретарь комсомольской ячейки станицы Новомышастовской (49). На хуторе Упорном Павловского района председатель сельского совета заявил: «Лучше убейте меня, а на украинский язык не повернете» (50). В станице Старомышастовской председатель правления колхоза всю переписку на украинском языке клал под сукно и не отвечал ни на один запрос, присланный ему на украинском (51).

Управленческий аппарат абинского Райплодоовощтабасоюза не торопился приступать к украинизации. Его глава Бурдович открыто заявлял: «Ничего мы не делали с украинизацией, и не делаем, пока не закончим заготовки, и вообще она нам не нужна». «Абинский Райпотребсоюз также не спешил с украинизацией. Кроме украинской вывески больше ничего не было сделано. Глава потребительского союза, Николай Косолапов говорил: «Это еще спорный вопрос, есть ли украинцы основная масса района». Уполномоченная абинского райкома по Варнавинскому станичному совету Райхлина на заседании станичного совета заявляла, что торопиться с украинизацией не требуется, так как это вовсе не важная кампания. «Это все пустяки, какая-то украинизация, и разговоры о ней голословные. И то, что пи-

шут о ней, это потому, что есть бумага. Бумага все стерпит», – сказал один из функционеров (52).

Общее отношение кубанцев к украинизации выразил опытный педагог, скрывшийся за инициалами Н. К.: «Я десять лет живу на Кубани, бывал сотни раз на собраниях граждан и никогда не слышал, чтоб масса населения, за исключением единиц хлебобобов и украинофильствующих интеллигентов, стояла за украинизацию» (53).

Примечательно, что в автономиях Северного Кавказа украинцы не получили статуса национального меньшинства, а были приравнены к великорусскому населению, хотя украинизационные мероприятия имели место и там. В основном она выразилась во внедрении среди восточнославянского населения автономий украино-язычного школьного образования. Украинизация органов власти и прессы практически не проводилась. Здесь во главу угла ставилось выдвижение на ведущие позиции представителей коренных этносов автономных областей (54). Причём последние зачастую негативно относились к украинизации, так как при проведении этой кампании слишком много внимания и ресурсов сосредоточивалось на украинцах (55).

Постепенно и для руководства страны становились всё более очевидными издержки украинизации.

10 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) обсуждал вопрос о хлебозаготовках в УССР, на Северном Кавказе и в Западной области. Присутствовали и руководители перечисленных регионов. Сталин предал суровой критике главного вдохновителя украинизации в российских регионах Николая Скрыпника. Принятое по итогам заседания постановление ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» (от 14 декабря 1932 г.) явило собой важный поворот в национальной политике. Ответственность за срыв хлебозаготовок была возложена на национально ориентированные украинские партийные кадры. В постановлении говорилось о том, что назрела необходимость очистить местные парторганизации и правления колхозов от украинских и кубанских самостийников (56). Не остался незамеченным и интерес, который проявляли к украинизации эмигрантские антисоветские круги. Они пытались представить эту правительственную кампанию как вынужденную уступку под давлением кубанцев (57).

Как уже отмечалось, имели место и попытки националистов ис-

пользовать украинизацию в своих целях. Существует мнение, что в тех районах Кубани, где работали сотрудники Наркомата народного просвещения УССР и активисты национального возрождения, в начале 1930 г. имели место очаги антисоветского сопротивления (58). Так, «самая украинская» кубанская станица Полтавская характеризовалась ОГПУ как наиболее контрреволюционно активная. На территории станицы действовали крупные банды и контрреволюционные организации (украинская националистическая, «Запорожцы», «Шесть верден») (59).

«В 1926 г. в станице ликвидирована казачья к/р молодежная организация «Вызволенцы» украинско-шовинистического направления. Программа организации – свержение соввласти и замена ее правительством петлюровского толка. В 1928 г. ликвидированы остатки организации «Вызволенцы», снова развернувшие активную работу...

В настоящее время в станице и юрте ее оперируют 3–4 бандгруппировки численностью 10–11 чел., занимающиеся вооруженными ограблениями и хищениями колхозного скота и хлеба.

К настоящему моменту в станице коллективизирован 41 % хозяйств.

На политической арене 1918–1919 гг. быстро выдвигается Омельченко Григорий Васильевич. Он был выбран атаманом станицы, затем членом Кубанской Краевой и Законодательной Рады, где являлся одним из лидеров группы «самостийников» (сторонников «вольной Кубани, без иногородних», в союзе с Украиной). Омельченко Г. В. – крупный авторитет, хороший оратор, призывавший к борьбе с «единонеделимцами», к изгнанию иногородних, становится общепризнанным вождём казачества станицы. Под его руководством идёт собрание сил казачье-реакционной части станицы для борьбы с соввластью. В 1919 г. Омельченко Г. В. и ряд других видных кубанских самостийников высылаются за границу Деникиным.

По сообщению 00 ОГПУ от 11 ноября с. г.: Омельченко – активный деятель украинских эсеров (группа Шаповала), стоит во главе «Товарищества украинцев Кубани», являющегося разведгруппой Шаповала. По данным от сентября, Омельченко – участник съезда украинцев в Праге (Чехословакия), на котором выбран руководителем организационного комитета по созданию украинского центра с задачей объединения всех украинских эмигрантов, исключая пет-

люровцев. Перед отъездом за границу Омельченко, сплачивая своих сторонников и давая им директивы, говорил: «Бели Кубанская Рада будет большевиками разогнана и казаки сомневаются в успехе их вооруженной борьбы с большевиками, то пусть казаки на время прекратят эту вооруженную борьбу и сохраняют себя, ибо большевики в России будут недолго» (показ[ания] Ковтуна).

Омельченко, находясь в эмиграции в Чехословакии, до самого последнего времени имел письменную связь с участниками к/р организации: «Находясь за границей, Омельченко не прерывал связи с этими людьми (обвиняемыми) и в переписке направлял их работу, укреплял к/р активность, убеждая, что падение соввласти, возвращение его и его приспешников близко. Имя Омельченко, его указания эта группа широко использовала для к/р агитации, большей спайки своих сторонников. Письма от Омельченко фактически предназначались для к/р элемента станицы. В этих письмах Омельченко давал указания, которые в основном сводились к следующему: укреплять население в духе казачьей самостоятельности, сохранять казачьи самобытности и традиции в целях сохранения ведущей роли за оставшимися в станице старыми казачьими авторитетами, последним всеми способами сохранять себя, проникать в советские и хозяйственные организации станицы», – говорилось в аналитической записке ОГПУ (60).

В ожидании всплеска недовольства, который мог последовать за коллективизацией и началом голода, власти решили обезвредить украинофилов как «идейно вооружённую» силу, которая могла возглавить крестьянство наиболее проблемных территорий (61). К тому же в случае дальнейшего укрепления своего влияния украинофилы, особенно из числа коммунистов, могли стать самостоятельными от центральной власти и потому опасными. Накачанное агитационным анаболиком украинское национальное самосознание могло быть ориентировано в сторону, опасную для существования централизованного государства, тем более что украинцы выделялись среди советских нацменьшинств того периода высоким уровнем образованности и самосознания, широкой территорией расселения и мощной партийной организацией. Украинские коммунисты уже проявили свою самостоятельность во время хлебозаготовительных кампаний рубежа 20–30-х гг. Тогда украинские коммунисты самостоятельно пересма-

тривали планы заготовок в сторону их уменьшения, не спрашивая мнения центра (62). В ходе украинизации укрепилась национальная интеллигенция, уже ставшая частично неподконтрольной власти. Это наглядно показывают украинские учебники конца 20-х – начала 30-х гг. Некоторые из них имели слабую коммунистическую идейную составляющую, зато отличались сильным «национальным акцентом» (63).

К 1932 г. политика украинизации уже привела к росту среди украинцев шовинизма, который зачастую проявлялся в виде оголтелой русофобии и антисемитизма (64). Таким образом, она не привела к изживанию национальных конфликтов, а, наоборот, обострила их (65). Проведение «коренизации», т. е. выдвижение на руководящие должности не по заслугам, а по национальному признаку являлось сильнейшим раздражителем, вызывавшим бурную реакцию у очень многих людей (66). Это было особенно опасным в связи со стремлением антикоммунистических сил Запада использовать национальные конфликты в СССР с целью его уничтожения (67).

Политика «коренизации» теперь подлежала свертыванию (68).

26 декабря 1932 г. постановлением Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета украинизация была остановлена. Выпуск периодических изданий на украинском языке и всякая издательская деятельность были прекращены. Оставшиеся газеты должны были в трёхдневный срок перейти на русский язык. Радиовещание подлежало немедленной русификации. Всё официальное делопроизводство переводилось на русский язык в четырёхдневный срок (к 1 января 1933 г.). Все школы планировалось русифицировать к осени 1933 г. «В тридцать третьем в школу пошел. Украинский язык был кругом на Кубани. Занимались в школе на украинском языке. С полгода. А с полгода на русский перевели», – вспоминает житель станицы Бакинской А. Д. Петько (69).

В постановлении отмечалось, что «украинизация ряда районов и станиц, проводившаяся на Северном Кавказе, не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классово-врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций» (70). В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 января 1933 г. говорилось, что «в период успешной ликвидации капиталистических элементов в городе и кулачества в деревне разные

украинизаторы на территории украинских районов РСФСР... оживили все националистические элементы, переходя на путь вредительства, ... контрреволюционного саботажа... Все это заставляет партию и правительство перевести все украинизированные учреждения и школы на территории РСФСР на русский язык» (71).

Украинизацию на местах зачастую сворачивали самовольно, как только прекратился активный нажим в пользу её проведения (72). Жителям ряда населённых пунктов со смешанной культурой и населением было попросту безразлично, на каком языке говорить (73). «Язык отменили украинский, стали русски», – вспоминает старожил станицы Челбасской Г. Ф. Шинкаренко (74).

В то же время имели место и насильственные запретительные меры. Например, была закрыта украиноязычная газета «Червоный стяг» (75). По специальному указанию были сожжены все украинские библиотеки (76). По воспоминаниям кубанского писателя В. Барки (Василя Очерета), украинский отдел краевой библиотеки был погружён на два грузовика и вывезен за город (77).

Началась чистка руководящих работников.

В целом можно заключить, что кубанцы осознанно и добровольно сделали выбор в пользу русской культуры и русской идентичности. Более того, даже несмотря на «проукраинское» давление советской государственной машины, люди продолжали отстаивать свой выбор в пользу русской культуры и самосознания. Украинизация на Кубани, начатая отнюдь не по инициативе местных жителей, не смогла по-настоящему помешать этому процессу. После свёртывания украинизации их выбор получил все возможности для резкого ускорения, в том числе и административные.

Примечания

1. Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. 1917. № 3. С. 3.

2. В станице Кисляковской. Создание общества «Просвита» // Листок войны. 1917. № 975. С. 3.

3. Там же. Л. 22.

4. Там же. Л. 6, 7, 13, 14, 31.

5. Там же. Л. 24, 29.

6. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 136. Л. 53.
7. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 249. Л. 5, 10, 16.
8. Там же. Л. 19.
9. Там же. Л. 22–23.
10. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2, 20.
11. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 2, 20.
12. Там же. Л. 31об–32об.
13. Там же. С. 30, 33.
14. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 301. Л. 1.
15. Щербинин С. А. Влияние Гражданской войны на сословное самосознание донских и кубанских казаков // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. Славянск-на-Кубани, 2008. Ч. 2. С. 62–63.
16. Чёрный А. История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4. С. 121.
17. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76. Л. 2.
18. Цит. по: Там же. С. 143.; Козлов А. И. Антон Иванович Деникин. М., 2004. С. 368 – 369.; Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 530.
19. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.
20. Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996. С. 502–520.
21. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 301. Л. 1.
22. ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 64. Л. 6.
23. КФЭЭ – 2001, А/к. – 2327. Краснодарский край, ст. Челбаская, инф. – Беда П.И., иссл. – Матвеев О. В.
24. ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 96. Л. 6.
25. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.
26. Якаев С.Н. Фёдор Андреевич Щербина. Краснодар, 2004. С. 185–187.
27. ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 96. Л. 4 – 5 об.
28. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Краснодар, 2008. Кн. 3. С. 25.
29. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 4.
30. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 1.
31. ГАКК. Ф. Р – 883. Оп. 1. Д. 28. Л. 1об.
32. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 139, 191.
33. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 15.

34. Борисёнок Е.Ю. Там же. С. 21.
35. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 4.
36. Хмурый. Учись, чему заставляют // Красное знамя. 1928. № 33. С. 3.
37. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 938. Л. 51.
38. ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.
39. Там же. Л. 20.
40. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 194.
41. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 193.
42. Там же. С. 192–193.
43. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 41–43.
44. Там же. С. 40–41.
45. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 189.
46. Там же. С. 189.
47. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 190.
48. Вольняк П. Кубань – земля казачья // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 77–78.
49. Цит. по: Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 123.
50. Там же. С. 123.
51. Там же. С. 123.
52. Там же. С. 124.
53. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 11.
54. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 44.
55. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 85. Л. 245.
56. Кропачев С. Хроника коммунистического террора. Краснодар, 1995. С. 36.
57. Иванцов И. Г. Указ. соч. С. 199.
58. Миронин С. С. «Голодомор» на Руси. М., 2008. С. 51.
59. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. Краснодар, 2007. С. 35.

60. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 254–268. Заверенная копия.

Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 215.

61. Там же. С. 124, 211–212.

62. Там же. С. 179, 240.

63. Там же. С. 18.

64. Там же. С. 152.

65. Там же. С. 192.

66. Там же. С. 211.

67. Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.).

68. КФЭЭ – 2008. А/к. – 3904. Краснодарский край, Горяче-ключевской район, ст. Бакинская, инф. – Петько А. Д., иссл. – Матвеев О. В.

69. Цит. по: Дейневич А. В. Станица Новодеревянковская // Кубанский сборник. Краснодар, 2007. Вып. 2 (23). С. 123.; ГАКК. Ф. Р – 15 94. Оп. 1. Д. 50. Л. 614.

70. Голод 1932–1933 годов: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? // Круглый стол в Центре украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ. 10 декабря 2007 года.

71. Волюняк П. Указ. соч. С. 92.

72. КФЭЭ – 2002 А/к 2719. Ставропольский край, Андроповский район, Станица Воровсколеская, информатор – Хорольская В. Ю., исследователь – Волкострел Т. М.

73. КФЭЭ – 2001, А/к. – 2328. Краснодарский край, ст. Челбаская, инф. – Кабан Н. Е., 1925 г. р., Кабан Т. Н., 1921 г. р., Шинкаренко Г. Ф., 1913 г. р., иссл. – Матвеев О. В.

74. Коржевская В. Вместе с веком // Родная Кубань. 2005. № 2. С. 129.

75. Иванцов И. Г. Указ соч. С. 199.

76. Грушевский Д. В. Кубано-украинские книжные связи на имперском, советском и постсоветском пространстве // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев. 2011. Вып. 5. С. 85.

77. Барка В. Кубанский холокост // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 62–64.

11. УКРАИНЦЫ КУБАНИ ПОСЛЕ УКРАИНИЗАЦИИ: ДЕМОГРАФИЯ, КУЛЬТУРА, НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Украинцы Кубани весьма быстро и добровольно ассимилировались. Этот процесс постепенно «набирал обороты» в последней четверти XIX – первой четверти XX столетия и резко усилился после свёртывания украинизации в конце 1932 г. и вследствие миграционных процессов. Кубанский диалект сохранил некоторые элементы украинского языка, но стал неотъемлемой частью русского. Подавляющее большинство коренных жителей Кубани в 1939 г. во время Всесоюзной переписи населения заявило об устойчивом русском самосознании (1). Большую роль в быстрой трансформации этничности многих кубанских украинцев сыграл давний и высокий уровень обрусения, например восприятие русского языка как родного. Украинцы, сохранившие идентичность, вступили в «диаспорный» период своего этнического бытования (2).

В настоящее время украинцы – третья по численности этническая группа региона. (В советский период была второй.) Продолжала своё развитие украинская культура, создавались украинские национальные организации.

Литература этого периода исторической жизни украинцев Кубани немногочисленна. Однако уже выполнен ряд весьма профессиональных исследований. Особого внимания заслуживают работы по этнодемографии украинцев этого периода, написанные В. Н. Ракачевым (3). Также демографические аспекты истории украинцев Кубани в контексте этнополитики рассматривал в своей монографии С. Я. Суций (4). Литературная деятельность кубанских украинцев второй половины XX столетия, её связь с более ранним периодом отражена в работах В. К. Чумаченко (5). Особого внимания заслуживают статьи о жизни современных украинских диаспор Юга России, написанные Т. П. Хлыниной (6).

В период после свёртывания украинизации на Кубани и до падения СССР культурно-демографические позиции украинцев на Кубани, несмотря на колебания, оставались в целом стабильными, но очень ослабленными по сравнению с предыдущим периодом. С 1939

по 1959 г. численность украинцев сокращалась. В 1939 г. количество украинцев на Кубани равнялось 143 774 чел. (4,9 % от всего населения Кубани). Количество украинцев в 1959 г. составило 137 604 человека (3,96 % от всего населения), падение численности равнялось 4,3 % (7).

Имел место низкий естественный прирост, высокая доля женщин среди украинского населения (8). В поликультурной среде быстро усваивается доминирующий язык. Особенно быстро это происходит в городе (9).

В 1959 г. украинцев на Кубани было 137 604 человека; в 1970-м – 158 497; прирост составил – 15,2 %. В 1979 г. украинцев насчитывалось 156 500; прирост – 1,3 (10). Происходил рост городского населения у украинцев: в 1959-м – 49,08 %; в 1970-м – 57, 61 %, в 1979-м – 59,22 % (11).

Среди украинцев росло число женщин: в 1959-м – 51,22 %; в 1979-м – 53,11 % (12). В 1989 г. украинцы составляли 3,94 % от всего населения, из них 60,26 % были горожанами (13). Некоторое повышение доли украинцев в составе населения края наметилось только с конца 1980-х гг. Большинство украинцев жили теперь в городах и на территориях, входящих в городские советы. В краснодарском – 14,25 %; в сочинском – 12,03 % (14).

Общая численность украинцев на Северном Кавказе сократилась с 3111 тыс. (1926) до 487 тыс. (1989). Лишь 44,2 % украинцев региона указали украинский язык как родной. Вместо 45,3 % всех украинцев России в 1926 г. кубанские украинцы в 1989 г. составляли 11,2 % (15).

Национально-культурного движения украинцев Кубани в период после свёртывания украинизации и распадом СССР не наблюдалось. Даже когда не было какого-либо «давления советской власти». Во время недолгой гитлеровской оккупации региона всё «украинофильство» было представлено деятельностью В. Очерета (Барки), который вёл украинскую колонку в местной газете «Кубань» (16). В газете был напечатан на украинском языке обличительный антисоветский очерк А. Кубанского «За что?», в фельетонах П. Нича содержались различные сплетни об И. В. Сталине. Печатались и коллаборационистские стихи, такие как «Над степом широким» П. Полтавченко, в котором говорилось о напрасной гибели советских солдат, а также

лирические стихи И. Вершины. и О. Олеся (17). А также существовала театральная украинская труппа (18), созданная городской управой Краснодара при содействии немецкого командования, прежде всего, для обслуживания культурных нужд немецкого гарнизона. Труппа играла классический украинский репертуар с развлекательным уклоном: «Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка», «Мать-наймычка» (19). Отмечены сообщения об участии в деятельности оккупационной администрации националистов с Западной Украины, которые осуществляли полицейские функции и занимались антисоветской пропагандой. Местное население воспринимало их как чужаков: немцев, румын и пр. (20). Размах украинофильской деятельности в период оккупации совершенно несопоставим, например, с размахом роста влияния религиозных конфессий, деятельность которых была по-настоящему востребована населением (21).

Однако сказывалась вполне реальная популярность на Кубани украинской песни и украинского театра (22). Существовали очаги их развития. После свёртывания украинизации украинский театр был воссоздан в 1938 году под названием Краснодарского украинского музыкального драматического театра. С 14 октября 1941 года театр стал передвижным, работал на фронтовых подмостках. С апреля 1944 года был воссоздан в Краснодаре и просуществовал до начала 1950-х при клубе УВД. Театр ставил пьесы как на украинском, так и на русском языках (23).

Самодельный украинский театр действовал ещё в 1950–1960-е гг. на территории речного порта Краснодара. Прекратил существовать в связи со старением кружка любителей и отсутствием притока новых сил. Любительский театальный кружок был создан в станице Крыловской в конце XIX столетия по инициативе А. Я. Кухаренко. Он существует и по сей день. В его репертуаре всегда было немало как русских, так и украинских пьес (24).

Украинская песня нашла своё достойное место в репертуаре воссозданного в 1936 г. Г. М. Концевичем Кубанского казачьего хора. В его концертной программе она успешно сочеталась с русской, кубанской, песнями разных народов СССР (25). Хор в 1939 г. переименован в Ансамбль песни и пляски кубанских казаков и в этом качестве просуществовал до 1961 г. Тогда он был расформирован и вновь воссоздан в 1968 г. (26).

С 1974 г. активную деятельность по возрождению традиционной культуры Кубани, в том числе и её украинской составляющей, начал В. Г. Захарченко и возглавляемый им Кубанский казачий хор, который с блеском представлял широкой публике как украинские, так и русские песни. Этот проект показал себя наиболее успешным и востребованным (27). Успешной работе В. Г. Захарченко с местными фольклорными и самодеятельными коллективами способствовала популярность творческого коллектива. Помимо всего прочего она способствовала росту популярности украинской песни за пределами территории бывшей Черномории (28).

Несмотря на отсутствие широкой популярности, продолжал существовать и литературный сегмент кубанского украинизма. Видным деятелем украинской культуры Кубани был известный литературовед и краевед В. Н. Орёл. Сфера его интересов была многогранна, например жизнь и творчество казачьего атамана и малороссийского писателя Я. Г. Кухаренко (29). В. Н. Орел в 1960-е гг. пытался открыть на Кубани украинский книжный магазин. Но этому плану не суждено было осуществиться (30).

Разнообразием культурных и научных интересов отличался профессор Кубанского педагогического института (университета) И. Г. Чередниченко. Это был педагог и филолог, активно публиковавшийся ещё в период украинизации. Он много занимался вопросами русского и украинского языкознания, немало лет проработал в украинских вузах. В состав оставшегося после И. Г. Чередниченко наследия входят и методические рекомендации по изучению кубанских говоров с украинкой основой, и работы по специфике украинского литературного языка, и украиноязычные стихи, которые печатались в Киеве, а также многое другое. «Украинистический» сегмент творчества профессора был востребован исключительно на Украине (31).

В постсоветский период в среде украинцев Кубани продолжают ассимиляционные процессы. Численность украинцев в 2002 г. составляла 131 774 – 2,57 % от всего населения. Хотя высказывалось мнение, что в действительности в 2002 г. численность украинцев на Кубани достигала 300 тысяч (32).

С 1989 по 2002 г. относительная численность украинцев снова сократилась и достигла 2,57 %, сократившись на 27 % (33). Количество украинцев-горожан несколько снизилось по сравнению с 1989 г.

и составило 57,7 % (34). Нарастает преобладание женщин. В 2002 г. среди украинцев их стало 57,1 %, тогда как мужчин осталось только 42,9 % (35). В 2010 г. украинцев было 83 746 – 1,60 % от всего населения (36). Численность украинцев продолжает падать.

В последней четверти XX в. доля кубанских украинцев, владеющих украинским языком, не превышала половины, когда как доля владеющих русским составляет 99,89 % процента. Всего, по данным на 2002 г., доля владеющих украинским языком составляет 1,55 % (37). Украинцы составляют 5,8 % от числа мигрантов, приехавших на Кубань в 1996–1999-е гг. Более 60 % украинцев приехали с Украины (38).

Для украинцев характерна низкая степень сплочённости, русифицированность молодого поколения. Многие люди с украинскими корнями на Кубани идентифицируют себя либо с русскими, либо с казачеством. Принадлежность к казачеству гораздо важнее. Также важнее место рождения и район проживания (39).

Старейшая общественная организация украинцев Кубани – «Общество украинской культуры Кубани», позднее – «Общество украинцев Кубани» (40). Его основателем стал уроженец Украины Н. Г. Сергиенко (приезжий с Украины). Много лет по его инициативе в Краснодаре проходит конкурс на лучшее чтение стихов Т. Г. Шевченко, возрождалось искусство игры на бандуре, организовывалось обучение школьников Кубани в образовательных учреждениях Украины. В 2007 г. была проведена реставрация памятника Т. Г. Шевченко (41).

«Украинская диаспора «Содружество» действовала на территории края с ноября 2006 г. Она в основном декларировала оказание помощи украинским трудовым мигрантам – юридической и медицинской. Диаспора в середине 2000-х активно сотрудничала с содружеством «Кубань – Украина» в проведении научно-культурных мероприятий. У неё в своё время были обширные планы практического характера, например строительство отдельных домов, школы и церкви (!) для приезжающих с Украины украинцев. Организация была создана приезжими с Украины и состояла преимущественно из них (42).

Содружество «Кубань – Украина» организовано в 2006 г. Основное направление деятельности – наука и культура. В тесном взаимодействии с нею действовали в 2000-е годы Российско-Украинский

научно-исследовательский центр и Кубанский филиал Донецкого отделения «Наукового Товариства им. Т. Г. Шевченко». По отношению к нему содружество выполняет функцию реализации совместно разрабатываемых проектов. Так, например, вышло несколько выпусков сборника «Кубани – Украина». Большую роль в деятельности этого общества играет педагог И. М. Скибицкая, которая ранее была активисткой польского общества.

В связи с научной составляющей кубанского украинофильства особого внимания заслуживают работы В. К. Чумаченко по истории украинской литературы Кубани, основанные на мощной источниковой базе, включающие документы не только украинских и российских архивов, но и архивов дальнего зарубежья. В них исследователь затронул не только литературоведческие проблемы, но и многие аспекты этнополитического контекста культурной жизни (43).

Значительная часть украинской деятельности осуществлялась исключительно в интернет-пространстве. Так, А. М. Авраменко (историк, приезжий с Украины) пытался педалировать якобы имевшее место ущемление прав украинцев на Кубани. Но подобные высказывания историка никого не заинтересовали (44).

В самом начале 1990-х гг. в краснодарском Доме книги открылся отдел национальной литературы (украинской, адыгейской и армянской). Просуществовал он до гайдаровских реформ и финансово прогорел, как и вся книгоиздательская и книготорговая отрасли того времени: бешеная инфляция сделала их нерентабельными (45).

Что касается украиноязычной прессы, то с начала 1996 до 2007 г. выходила газета «Висник» самиздатовского типа (до 2005 г. вышло 44 номера). В газете печатались сообщения о мероприятиях, проводимых украинофилами, анонсы и отчёты (46), а также интересные исторические и литературоведческие заметки, такие как статьи к юбилеям украинских писателей конца XIX – начала XX в., преимущественно авторства В. К. Чумаченко (47). Помещались и сообщения об украинских учёных, таких общественных деятелях, как С. В. Петлюра. Публиковались архивные документы о жизни и деятельности кубанских украинофилов конца XIX – начала XX в. (48), а также архивные материалы по украинизации Кубани, например системы образования (49). В первой половине 1990-х гг. выпускалось украиноязычное приложение к газете «Вольная Кубань». В тот же период

издавалась газета «Казачье слово» (50). Она была самиздатовской, выпускалась крайне небрежно и на очень плохой бумаге. Её редакция исходила из идей одновременно казачьего и украинского национализма, резко высказывалась по поводу «Российской империи» разных периодов, призывала ориентироваться на получившую независимость Украину (51). Газетой издавались некоторые исторические документы, например «Положение об управлении Кубанским краем» (52).

Украинская музыкальная культура широко представлена в Кубанском казачьем хоре под руководством В. Г. Захарченко. Под эгидой Кубанского казачьего хора организовано преподавание украинского языка в школе имени В. Г. Захарченко. Эта школа – крупнейший на Кубани центр обучения игре на бандуре. Кубанский казачий хор проводит наиболее серьёзные и значимые мероприятия, на которых звучат украинские песни и музыка (53), такие как фестиваль «Кубанский казачок». Например, на XXI фестивале «Кубанский казачок» в составе коллектива «Мрия» выступали бандуристы из станицы Северская (54). Наряду с собственно украинскими элементами традиционной и профессиональной культуры изучаются и воспроизводятся элементы украинской народной культуры как составная часть общекубанской восточнославянской народной культуры. Этим, например, занимается этнокультурное общество «Скрыня саратовской казачки» из станицы Саратовской (55).

По мнению известного этномузыковеда С. А. Жигановой, коренные украинские элементы кубанской музыкальной культуры очень часто неотделимы от великорусских и сугубо местных вариантов, с которыми они сливаются в единую местную кубанскую традицию, нередко трансформируясь. Сугубо украинские проявления в кубанской музыкальной культуре чаще всего привнесены с Украины профессиональными специалистами.

Украинские национальные организации гораздо менее активны на Кубани, чем в соседней Ростовской области, которая имеет протяжённую границу с Украиной, активные экономические и культурные контакты (56).

Основной профиль деятельности украинских организаций Кубани – проведение культурных и отчасти научных мероприятий «для своих»: членов обществ и интересующихся украинской тематикой.

Масштабные планы практических мероприятий «Украинской диаспоры «Содружество» в жизнь не воплотились. Приезжие украинцы не проявили особого желания жить отдельно от местных жителей. Некоторые из них вернулись на Украину. Пережив пик в середине нулевых, стала менее активной деятельность «Общества украинцев Кубани». «Содружество «Кубань – Украина» остаётся наиболее активной организацией. Она имеет при себе одноимённое акционерное общество, целью деятельности которого объявлена книжная торговля. Научно-практическая конференция «Кубань – Украина» – наиболее регулярное и заметное мероприятие кубанских украинофилов (57). Имеют место и межрегиональные связи между украински ориентированными интеллектуалами. Например, с кубанцами активно контактирует учёный и украинский активист из Уфы Д. А. Черниенко.

Как уже было сказано, украинские организации имеют большой потенциал для деятельности на пространстве интернета, чем в реальном мире. На сайте содружества «Кубань – Украина» можно найти перечень работ нескольких дореволюционных исследователей, календарь памятных дат истории и культуры Украины, объявления о продаже книг, информационное письмо о проведении конференции «Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия». Объявлений о каких-либо других мероприятиях и вообще серьёзной активности на сайте не наблюдается (58).

Гораздо более развитый и занимательный – сайт «Просвіта». На нём можно найти как материалы по истории украинцев Кубани, так и статьи о злободневных событиях на Украине, по истории русско-украинских отношений. Зачастую эти статьи весьма тенденциозны и радикальны. Наиболее интересный раздел сайта – «Бібліотека», в котором находятся разнообразные научные, художественные, публицистические произведения, имеющие отношение к украинцам Кубани. Некоторые из них – весьма ценные источники для изучения вопроса (59).

Материалы содружества «Кубань – Украина» и других украинских организаций Кубани иногда публикуются на таких украинофильских ресурсах, как сайт «Кобза» (60).

В настоящее время отдельной зарегистрированной организации «Наукового Товариства ім. Т. Г. Шевченка» или филиала донецкой организации на Кубани нет. Несколько учёных состоят в НТШ в индивидуальном порядке.

Украинцы Кубани в целом переживают общий процесс добровольной интеграции с русским народом представителей других восточнославянских народов, который характерен в целом для всей территории Юга России. Быстро сокращается число представителей «культурного ядра» украинской диаспоры, т. е. носителей украинского языка и традиций (61). При этом представители украинских организаций на Кубани в большей степени близки к интеллектуально-художественной субкультуре, чем к этнической диаспоре (62). В данном случае под диаспорой подразумевается не просто некоторое количество представителей некоего этноса на данной территории, а система этнической самоорганизации данного этноса, направленная на его сохранение на данной территории (63). У украинцев Кубани она отсутствует. Это проявляется и в отрыве «активистов» от основной массы кубанских украинцев, и в узости перечня видов деятельности, которыми занимаются первые.

Прямой преемственности между кубанским украинофильством конца XIX – начала XX в. и украинофильством второй половины XX – начала XXI в. не прослеживается. Единственный украинофил, активно действовавший в оба периода, И. Г. Чередниченко, во второй период своей деятельности был преимущественно ориентирован на интеллектуальную среду УССР. Каких-либо последователей-украинистов на Кубани он не оставил. Преемственность украинской культуры на Кубани обеспечивают культурные организаторы и деятели: Кубанский казачий хор под управлением В. Г. Захарченко и др. В определённом смысле роль временного посредничества выполняют научные труды В. К. Чумаченко, А. И. Фединой, Т. Ю. Фединой (64).

Кубанское национальное движение на Кубани, как это сложилось исторически, представлено достаточно узким кругом представителей интеллигенции, преимущественно выходцев с Украины. Украинские активисты практически не связаны с основной массой кубанских украинцев. Они гораздо сильнее интегрированы с национально ориентированной интеллигенцией в самой Украине, украинскими национальными организациями других регионов Российской Федерации.

Примечания

1. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. 1930–1950-е годы. Краснодар, 2007. Т. 2. С. 226–227.

2. Суций С. Я. Украинцы Юга России. Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013. С. 72–73.

3. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002; Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. 1930–1950-е годы. Краснодар, 2007. Т. 2.

4. Суций С. Я. Украинцы Юга России. Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013.

5. Чумаченко В. К. Неизданный поэтический сборник И. Чередниченко «Пісня з-над Кубані» // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003.

6. Хлынина Т. П. Поймут ли славяне славян: о некоторых моментах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области // Проблемы новистики и исторического славяноведения (памяти Сергея Вадимовича Павловского). Краснодар, 2010; Хлынина Т. П., Курбат Т. Г. «В этой истории я чуть имею, как говорят, корни»: практика институционализации украинской диаспоры Ростовской области и ее особенности // Украинцы Юга России. Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013.

7. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. 1930–1950-е годы. Краснодар, 2007. Т. 2. С. 226–227.

8. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. 1930–1950-е годы. Краснодар, 2007. Т. 2. С. 228.

9. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. 1930–1950-е годы. Краснодар, 2007. Т. 2. С. 231.

10. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 58.

11. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 70.

12. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 72.

13. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 74, 76.

14. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 53.

15. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 162.

16. Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000. С. 74.

17. Болдырев Ю. А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996. С. 97–99.

18. Еремеева А. Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар, 2013. С. 64.

19. Болдырев Ю. А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996. С. 100, 103–104.

20. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. (ПМ КФЭЭ-2007-1), АК № 3754. Левченко Наталия Яковлевна, 1927 г. р., ст. Раздольная, Кореновский район, Краснодарский край. зап. – Н. Ф. Дианова.

21. Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000. С. 80.

22. Слепов А. А., Ерёменко С. И. Музыка и музыканты Екатеринодара. Краснодар, 2005.; Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация в 1917–1933 годах. Краснодар, 2010. С. 53; Ктиторов С. Н. Украинские страницы первого зимнего театра на Кубани // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2007. Вып. 2. С. 123–126.

24. Стругова М. Р. Украинский театр на Кубани в первой половине XX века (по материалам КГИАМЗ) // Первые кубанские литературно-исторические чтения. Памяти Ф. А. Щербины. Краснодар, 1999. С. 84.

25. Тер В. В. Крыловской станичный театр: разрозненные страницы истории // Культурная жизнь Юга России. 2013. С. 43–45.

26. Фольклорист, композитор Г. М. Концевич. М., 2013; Ерёменко С. И. Творческий путь хорового дирижера Я. М. Тараненко в со-

ветский период // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 158–161.

27. История // www.kkx.ru (дата обращения – 27. 12. 2013).

28. Ерёменко С. И. Хоровое искусство Кубани. Краснодар, 1977. С. 125–133.

29. Захарченко В. Г. Энергия песни // Комсомолец Кубани. 1982. № 96. 18 мая. С. 4; Пугина Н. Искусство казаков – на благо России // Вольная Кубань. 2010. № 44. 31 марта. С. 2.

30. Орёл В. Атаман Кухаренко и его друзья. Краснодар, 1994; Орёл В. Н. В поисках истины. Краснодар, 2006.

31. Грушевский Д. В. Кубано-украинские книжные связи на имперском, советском и постсоветском пространстве // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев. 2011. Вып. 5. С. 85.

32. Чумаченко В. К. Неизданный поэтический сборник И. Чердниченко «Пісня з-над Кубані» // Четвёртые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 67–83.

33. Данные переписи населения // www.gks.ru (12. 05. 2013).

34. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 54.

35. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 54.

36. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 55.

37. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 54.

38. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 56.

39. Ракачев В. Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002. С. 84, 86.

40. Ракачев В. Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. С. 55.

41. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 161.

42. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 162.

43. Попов Э. Украинские НПО Юга России: преодолеть оранжевый синдром // URL: <http://oko-planet.su> (дата обращения – 06. 12. 2013).

44. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция Кубанского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992; Он же. К истории первого украинского книжного магазина на Кубани // Историческая мысль Кубани на пороге тысячелетия. Краснодар, 2000; В. Ч. Памяти Дмитра Нитченко // Родная Кубань. 1999. № 4.

45. Хлынина Т. П. Поймут ли славяне славян: о некоторых моментах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области // Проблемы новистики и исторического славяноведения (памяти Сергея Вадимовича Павловского). Краснодар, 2010. С. 14–141.

46. Грушевский Д. В. Кубано-украинские книжные связи на имперском, советском и постсоветском пространстве // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – Киев. 2011. Вып. 5. С. 86.

47. Телелейко Т. Живі струни України // Вісник, 2001. № 3. С. 3.

48. Чумаченко В. В Мова (Лиманський) – шевченкознавець // Вісник. 1998. № 1. С. 1; Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2. С. 6.

49. Чумаченко В. К. Вісник товариства української культури Кубані // Енциклопедія сучасної України в 25 томах. Т. 4. С. 610.

50. Біла Е. Рідна школа // Вісник. 1998. № 3. С. 3.

51. Хлынина Т. П. Поймут ли славяне славян: о некоторых моментах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области // Проблемы новистики и исторического славяноведения (памяти Сергея Вадимовича Павловского). Краснодар, 2010. С. 143–144.

52. К читателю // Козацьке слово. 1991. Жовтень. № 1. С. 1.

53. Тимчасове положення про управління Кубаньським краєм // Козацьке слово. 1991. Жовтень. № 1. С. 3.

54. Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 161; Творчий вечір Віктора Захарченка // Вісник. 2000. № 3. С. 1.

55. В Краснодарском крае закончился XXI краевой фестиваль детских фольклорных коллективов «Кубанский казачок» // www.zema.su (дата обращения – 30. 12. 2013).

56. Полна скрынюшка добра // <http://crazybelka.2x2tv.tv> (дата обращения – 30. 12. 2013).

57. Хлынина Т. П., Курбат Т. Г. «В этой истории я чуть имею, как говорят, корни»: практика институционализации украинской диаспоры Ростовской области и ее особенности // Украинцы Юга России. Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013. С. 144–146.

58. ОО «Содружество «Кубань – Украина»» // URL: www.exacom.ru (дата обращения – 06. 12. 2013).

59. Главная страница // <http://www.kuban-ukraine.org> (дата обращения – 01. 02. 14); Главная // www.prosvita.ucoz.ru (дата обращения – 05. 02. 2014)

60. Скибицкая И. Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. О VI научно-практической конференции в Краснодаре.// URL: <http://kobza.com.ua> (дата обращения – 26. 12. 2013).

61. Суций С. Я. Украинцы Юга России. Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов – н/Д, 2013. С. 74–77.

62. Кравченко А. И. Субкультура и контркультура // URL: <http://www.countries.ru/library/> (дата обращения – 10. 12. 2013).

63. Сандул Я. Диаспора как научная дефиниция: универсальность и неопределённость // URL.: <http://www.hs-pr.ru> (дата обращения – 31. 12. 2013).

64. Чумаченко В. К. Кубанский драматург // Родная Кубань. 2002. № 1; Федина А. И. Александр Кухаренко и его письма // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998; Федина Т. Ю. Русско-украинские связи в художественной жизни Юга России. Краснодар, 2009.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Украинофильское движение на Кубани в дореволюционный период представлено двумя волнами, во многом как в политическом, так и в культурном плане. Это кружок Я. Г. Кухаренко, существовавший в 1840–1860-е гг, лояльный и скорее ориентированный малороссийски, и украинофилы, настроенные революционно, чья деятельность пришлась на конец XIX – начало XX в. Эти волны достаточно чётко укладываются в традиционную схему национального движения: сначала изучение народной культуры, просвещение; следующий этап – национально-политическая борьба.

Украинофилы были представлены на Кубани активными и яркими личностями, такими как Я. Г. Кухаренко и даже будущий лидер самостийной Украины времён Гражданской войны С. В. Петлюра. Украинофилы, особенно вторая волна, действовали достаточно активно и пытались извлечь из сложившейся политической ситуации максимум возможностей, сотрудничать со всеми силами, с какими только было для них возможно.

Однако их подвели заведомо неверные стратегические планы и установки. Все украинофилы не учли этнокультурных изменений, произошедших с бывшими черноморскими казаками, складывание их самобытной кубанско-казачьей идентичности, добровольное сближение с русским народом, восприятие общерусской идентичности.

Во время Гражданской войны кубанские казаки-самостийники рассматривали Украину как желанного союзника, но даже предпочитали собственно казачью идентичность украинской.

Большинство кубанских украинофилов были выходцами из других регионов, но эта группа населения структурировалась в рамках восточного славянства по сословному и социальному признакам, а отнюдь не по этническому.

Таким образом, у кубанских украинофилов попросту не было реальной социальной базы, например такой, которую в лице части украинского крестьянства нашли петлюровцы. Кубанские украинофилы чрезмерно зависели от своих союзников. Не удивительно, что многие из них постепенно примыкали к тем силам, которые обладали реальной поддержкой в рамках той или иной социальной группы, такой как большевики или кубанская казачья самоорганизация.

В этой связи не удивительно, что кубанские украинофилы представляли из себя сообщество, в самом лучшем случае достигавшее численности в пару сотен человек. Украинофилы добивались максимум личной значимости и влияния. Но не как украинофилы, а как представители неких сфер деятельности: кооперативные активисты, деятели культуры и пр.

Кубанское украинофильство в сущности нельзя назвать национальным движением. Оно было практически оторвано от основной массы населения Кубани, которое по переписи 1897 г. именовалось «малороссами». Украинофилы, с одной стороны, были тесно связаны с кубанской русскоязычной интеллигенцией. С другой – с такими же украинофилами, проживающими на других территориях.

В период Гражданской войны на Кубани в 1917–1920 гг. кубанский парламент – Рада – находился под определённым влиянием украинских активистов. Они проводили свою политику и на местах, пользуясь разветвленной сетью общества «Просвита». В ряде станций украинские активисты добились значительного влияния, в других их стремление к созданию украинских школ встретило резкий отпор местных жителей. Деятельность проукраинского крыла Рады была направлена на установление тесных контактов с Украиной и постоянных конфликтов с руководством белого движения. Вследствие шаткости власти на Украине попытки союза с её властями не имели серьёзных последствий. Конфликты с белым руководством только затрудняли политико-экономическое положение Кубани. Поэтому казаки в целом равнодушно относились к пропаганде украинофильво-самостийников, хотя и резко реагировали на покушения на права и привилегии казачества как сословия.

Но, как и в последующий период, влияние украинофилов зиждилось на «связях в верхах», а не на народной поддержке.

Что касается украинизации, то она была одним из важнейших мероприятий советской власти в области национальной политики на Северном Кавказе в ранний период её существования. Украинизация (наряду с выделением адыгейской автономии и коренизацией в ней) стала важнейшим проявлением национальной политики советской власти на территории Кубани.

Украинизация проводилась с целью завоевания ВКП(б) поддержки активных носителей украинского национального самосо-

знания (преимущественно партийцев и интеллигенции). Под флагом украинизации они рассчитывали наладить пропаганду среди сельского населения, которое было равнодушно или враждебно к большевистской идее.

В ходе украинизации и параллельно с ней отработывались методы пропаганды среди групп населения, не охваченных в достаточной мере идеологическим воздействием партии. По замыслу украинской части организаторов этой кампании на Кубани она должна была примирить казаков западных районов региона с властью, поддержавшей их этнокультурные интересы, и украиноязычными представителями других социальных групп, в основном – батрачества, способствовать размыванию казачьей сословной идеологии и заменить её на украинское этническое самосознание.

Московская часть «украинизаторов» в большей степени была заинтересована в лояльности украинской части «украинизаторов», а также украинской национальной интеллигенции.

Обе группы были заинтересованы в пропагандистском воздействии на украинцев зарубежных стран Восточной Европы.

В течение 1923–1932 гг. украинизация проводилась всё более активно, со всё большим задействованием административного ресурса и принудительных мер. В целом, однако, активная украинизация на Кубани стала проводиться позднее по сравнению с территорией собственно Украины (там она развернулась во всю мощь уже в 1923–1925 гг.) и проводилась не столь последовательно.

Политика украинизации реализовывалась на Кубани в несколько этапов. Первый – подготовительный (1920–1923). Характеризуется первыми шагами, направленными на поддержку украинского образования и культуры.

Второй этап (1923–1925). От начала политики коренизации до принятия III съездом Советов курса на создание этнического советского самоуправления. Начальная стадия придания украинскому вопросу на Кубани политической важности. Усиление поддержки украинского образования и культуры.

Третий этап (1925–1928). Начало практического осуществления курса на коренизацию. Начало украинизации партийной, комсомольской, агитационной работы, создание украинизированных местных советов, внедрение украинского делопроизводства. Резкое усиление

поддержки украинской культуры, особенно образования. Появление в этой сфере элементов принуждения. Во второй половине 1926 г. – принятие некоторых официальных решений, направленных на торможение украинизации. Сказывается неподготовленность и сопротивление населения.

Четвёртый этап (1928–1932). Очень активная, подчас насильственная украинизация всех сфер жизни на Кубани. (Во второй половине 1927 – начале 1928 г. предвлялась ослаблением украинизационных процессов, особенно в сфере образования, вследствие противодействия им населения и местных властей). Уклон в сторону украинизации делопроизводства, официальной и деловой переписки. Активность этого процесса специально подстёгивалась в 1930-м и осенью 1932 г.

Свёртывание украинизации (конец 1932 – начало 1933 г.). Полное замораживание процесса. Быстрая, насильственная ликвидация его результатов.

Для всех этапов, включая свёртывание, характерно неизменное усиление государственного контроля над всеми сферами общественной жизни.

Можно выделить и более обобщённую периодизацию. Первый период советской украинизации (1920–1925): украинизация проходила в рамках «общей работы» по укреплению статуса национальных меньшинств и привлечению их к коммунистическому строительству. При этом нередко украинцы оказывались неохваченными «нацменработой». Особенно на территориях, где проживали неславянские национальные меньшинства.

С 1925 по 1932 г. в дело вступает феномен И. В. Сталина, которому нужна поддержка сильнейшей украинской партийной организации в борьбе с политическими противниками. В связи с этим украинизация таких регионов РСФСР, как Кубань была выделена в особую программу, по форме и смыслу сходную с коренизацией, однако не вполне ей тождественную, более обширную по охвату. С учётом украинизации значительной части сферы образования, культурной работы, органов власти и пропаганды украинизация фактически затрагивала всё восточнославянское население отдельных территорий. Одновременно её реализовывали порой недостаточно последовательно и во многом декларативно.

Последний период украинизации отмечен как наиболее последовательными мерами по ее реализации, так и «деукраинизацией» украинизации, объявлением её служебной мерой для облегчения пропаганды коллективизации, предъявлением претензий к интеллигентам-украинофилам с партийно-советской точки зрения.

В ходе украинизации проводилось реформирование административно-территориального деления региона, призванного изменить его историческую специфику. Также имела место ротация управленческих кадров с выдвижением национального и пролетарско-батрацкого элемента. Последний активно привносился и в среду интеллигенции. В культуру и традиции широких народных масс внедрялись элементы официальной пропаганды и складывающейся массовой городской культуры.

Украинизация была резко свёрнута в конце 1932 – начало 1933 г. Причинами свёртывания стало опасение московских властей чрезмерного усиления украинских активистов (в том числе – в рядах партии) и радикализацией украинского национального сознания.

Украинизация вызвала и широкую волну недовольства со стороны самых разных слоёв населения региона. Возмущены были как рабочие и крестьяне, так и руководители местных органов власти и хозяйственных учреждений. Это было чревато весьма серьёзными последствиями.

Одновременно правящая партийная группа во главе с И. В. Сталиным уже достаточно усилилась и могла обходиться без самостоятельных союзников. К тому же расчёт на украинизацию как средство налаживания диалога с широкими массами сельского населения не оправдался. Они оказались в основном весьма далёкими от классической украинской культуры, в особенности от украинского языка и печатного слова. Нельзя полностью отрицать возможность организации высшим руководством страны долгоиграющей провокации, направленной на выявление возможных сепаратистов и их последующую нейтрализацию. Свёртывание украинизации сопровождалось репрессиями против украинизаторов-партийцев, учителей украинских школ и других активистов. За пределами этой достаточно узкой среды сторонников украинизации на Кубани не было. Она была далека от действительно насущных проблем, волновавших тогда кубанского селянина, таких как отношение к кулачеству, распределение земли, налогообложение и коллективизация.

Прежде всего украинизация проводилась в системе народного образования (украинизация школ, техникумов, вузов). За ней следовала украинизация официальной пропаганды, а с ней и партийной работы, деятельности государственных учреждений. Затем проводилась украинизация прочих учреждений, в том числе производственно-хозяйственных. Начиная с 1925 г. процессы украинизации образования, пропаганды, партийной работы и деятельности органов государственной власти шли параллельно (украинизация субъектов хозяйствования и массовая украинизация госучреждений начинаются несколько позже – в 1930 г.). Этот процесс сопровождался активным внедрением на Кубани украиноязычной прессы и другой печатной продукции.

В ходе проведения украинизация столкнулась со значительными трудностями. Прежде всего, это было незнание кубанцами литературного украинского языка, представление о русском языке как о языке культуры, власти, печати. Людей также раздражало выдвижение на руководящие посты по национальному признаку, неразбериха, которая возникала в хозяйственных и деловых вопросах вследствие плохого знания литературного украинского языка. Сказывался и недостаток украиноязычных учителей и партийных работников, необходимость присылать с Украины педагогов, мало знакомых с кубанской спецификой; нехватка учебников.

Несмотря на это, программа украинизации была отчасти реализована. В ряде населенных пунктов на украинский язык было полностью или частично переведено официальное делопроизводство. Были созданы сотни украинских школ. Выпускались украиноязычные газеты и журналы. В некоторых населённых пунктах, таких как станица Полтавская и хутор Батурицкий, украинизация нашла поддержку у населения.

Украинизация оказала влияние и на культурную жизнь Кубани. Стала быстро развиваться украинская литература. Её рост, правда, не был в достаточной степени обеспечен спросом на украинскую книгу. Большой популярностью в народе пользовался украинский театр, как профессиональный, так и любительский. На экраны кубанских кинотеатров стала более активно проникать продукция украинских кинофабрик. Наблюдалось оживление профессиональной и любительской украинской музыки. Украинизация повлияла и на науку.

Был организован Северо-Кавказский украинский научно-исследовательский институт (СКУНИИ), объединивший в себе значительные научные силы. Выдвигались теории об особой древности кубанского диалекта. На украиноязычную культуру Кубани 1920–1932 гг. огромное влияние оказывал политико-идеологический фактор. Деятели культуры вынуждены были действовать в рамках жёстких идеологических установок. Неудивительно, что после свёртывания украинизации украинская культура Кубани пережила резкий спад.

Специфика проведения и итоги украинизации на Кубани во многом определились этнодемографической спецификой региона. Украинская культура черноморских казаков изначально была предрасположена к слиянию с родственными культурами, особенно с русской. К началу XX столетия она во многом потеряла свою украинскую специфику. Кубанская «балачка» стала диалектом русского языка. После проведения коллективизации и, как следствие, более тесного соприкосновения селян с государственным русским языком, процесс обрусения Кубани практически завершился. Более 2 миллионов украинцев сменили этничность на русскую практически добровольно (многие переселенцы 1930-х гг. были также украинцами). События начала 30-х гг. XX в. только завершили давно наметившуюся тенденцию.

Во время свёртывания украинизации были ликвидированы практически все её последствия. Украинская школа, печать и литература были уничтожены. Украинские активисты были репрессированы. У них по вполне объективным причинам не нашлось продолжателей. Украинизация на Кубани была не нужна подавляющему большинству населения. В ходе её проведения неоднократно имели место случаи дискриминации представителей других национальностей, в особенности русских.

Украинцы Кубани в целом переживают общий процесс добровольной интеграции с русским народом представителей других восточнославянских народов, который характерен в целом для всей территории Юга России. Быстро сокращается число представителей культурного ядра украинской диаспоры, т. е. носителей украинского языка и традиций. При этом представители украинских организаций на Кубани в большей степени близки к интеллектуально-художественной субкультуре, чем к этнической диаспоре. В данном случае под диаспорой подразумевается не просто некоторое количе-

ство представителей некоего этноса на данной территории, а система этнической самоорганизации данного этноса, направленная на его сохранение на данной территории. У украинцев Кубани она отсутствует. Это проявляется и в отрыве «активистов» от основной массы кубанских украинцев, и в узости перечня видов деятельности, которыми занимаются первые.

Прямой преемственности между кубанским украинофильством конца XIX – начала XX в. и украинофильством второй половины XX – начала XXI в. не прослеживается. Единственный украинофил, активно действовавший в оба периода, И. Г. Чередниченко, во второй период своей деятельности был преимущественно ориентирован на интеллектуальную среду УССР. Каких-либо последователей-украинистов на Кубани он не оставил. Преемственность украинской культуры на Кубани обеспечивают культурные организаторы и деятели: Кубанский казачий хор под управлением В. Г. Захарченко и др.

Кубанское национальное движение на Кубани, как это сложилось исторически, представлено достаточно узким кругом представителей интеллигенции, преимущественно выходцев с Украины. Украинские активисты практически не связаны с основной массой кубанских украинцев. Они гораздо сильнее интегрированы с национально ориентированной интеллигенцией в самой Украине, украинскими национальными организациями других регионов Российской Федерации.

Там, где украинофильская деятельность имела тот или иной реальный успех (Надднепрянина, Западная Украина), имелось в наличии два необходимых компонента: украинофилы-активисты и украинский крестьянин, имеющий собственное хозяйство, но не обладающий особыми привилегиями и разветвлённым аппаратом политической организации и поддержки, которую ему в кризисных ситуациях могли дать украинофилы.

На Кубани интеллигенты-украинофилы действовали не хуже, чем в других регионах, но не было того самого украинского крестьянина. Были казаки, обладавшие особой идентичностью и мощной собственной военно-политической организацией. Были иногородние, батраки, ремесленники, рабочие, объединяющиеся по сословному, а не по этническому принципу, и поддерживающие большевиков.

Украинофилы попросту не нашли себе более или менее масштабной социальной базы, что и предопределило провал последующей украинизации, одно время активно поддерживаемой советской властью. Наряду с оставлением всех территорий Кубани в составе РСФСР украинизация на них была свёрнута быстро и последовательно.

В последующий период второй половины XX – начала XXI в. украинская национальная жизнь на Кубани была представлена немногочисленными, прежде всего, культурными организациями и обществами, отдельными яркими деятелями. На рубеже веков к ним прибавились малотиражные СМИ и сетевые ресурсы. Эта деятельность во многом держится на выходцах с Украины, контактах с украинскими общественными организациями.

Элементы украинской традиционной культуры в рамках единого кубанского культурного массива гораздо более известны и востребованы. Они сохраняются в репертуаре Кубанского казачьего хора и других культурных организаций и объединений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Дореволюционный период

Постановление жандармского управления Кубанской области о возбуждении уголовного дела на Г. Е. Ткаченко и С. В. Петлюру. Декабрь 1902 года.

В ночь с 10 на 11 октября сего года в некоторых заводах, мастерских и на улицах гор. Екатеринодара было подброшено неизвестными лицами значительное количество преступного содержания и одинакового им воззваний от имени «группы кубанских рабочих». Такие же прокламации раздавались рабочим при выходе их из мастерских и по улицам в тот же вечер несколькими лицами под видом разносчиков торговых объявлений. В последние дни по ночам продолжалось разбрасывание и расклейка тех же воззваний в разных частях города, преимущественно в тех местах, где ютятся мастеровые и рабочие. Затем в период времени между 10 октября и последними числами ноября мес. одновременно появлялись в гор. Екатеринодаре выпуски воззваний революционного содержания, и таких выпусков в течение означенного времени было пять; воззвания были изданы от имени «группы кубанских рабочих» (один выпуск), «группы борьбы за политическое освобождения народа» (три выпуска) и один выпуск без всякой подписи. Все воззвания писаны на гектографе и затем воспроизведены на гектографе.

2) 3-го декабря в гор. Екатеринодаре был задержан и арестован козак Полтавской губернии Григорий Ефимов Ткаченко, у которого оказалось сто восемнадцать закрытых писем с марками семикопеечного достоинства, наклеенными на конверты, очевидно, приготовленными для розсылки, так как на конвертах оказались адреса различных лиц, проживающих о негласно собранным сведениям было установлено, что упоминаемый Ткаченко, прибыв в Екатеринодар в августе месяце сего года, квартировал по Пospолитакинской улице в доме № 40 и что вместе с ним в той же квартире, состоящей с двух комнат, проживали: учитель городского училища Симон Петлюра, козак Иван Бородыня и бывший студент Николай Маслов (находящийся» под особым надзором полиции), а также, что квартиру эту посещала и даже несколько раз ночевала пока невыясненная личность

женского пола. Кроме того, было установлено, что Николай Маслов служил писцом у помощника присяжного поверенного Ширского, состоящего под негласным надзором полиции, а Ткаченко служил на городской бойне у ветеринарного врача Крутикова, состоящего под гласным надзором полиции.

Изложенные обстоятельства дали повод произвести у всех упоминаемых лиц обыски в порядке Положения об Государственной охране, каковы обыски для успеха дела были совершены одновременно.

4) Произведенными в ночь с 3 на 4 сего декабря обысками у Ширского, Бородыни и Маслова ничего преступного не найдено, у Крутикова обнаружено: книга издания Революционно-социалистической группы «Свобода», журнал для рабочих № 1 и книга Литературный, научный и политический журнал «Жизнь» № 1 за апрель 1902 г., в виду чего относительно хранения книг революционного содержания о Крутикове будет возбуждено отдельное дознание.

Что же касается учителя Симона Петлюры, то по обыску у него найдено и отобрано: пятьдесят восемь воззваний «До черноморских козакив» за подписью «Украинская Революционная Партия», воззвания эти тождественны тем, что отобраны у Ткаченко. Кроме того, свежая масса для гектографа, две пустые бутылки от глицерина, очевидно израсходованного на приготовление массы. Манифест Коммунистической партии с печатью Украинской партии социалистов два номера революционного журнала «Гасло», брошюра «Долой полицию!» и закрытое письмо с адресом:

Чернигов, присяжному поверенному Илье Людвиговичу Шрагу, в коем был вложен экземпляр воззвания «До черноморских козакив».

Все вышеизложенное приводит к заключению, что козак Григорий Ефимович Ткаченко и учитель 5-го Екатеринодарского городского начального училища Симон Васильевич Петлюра несомненно принадлежат к тем лицам, кои с октября мес. сего года, составив преступное сообщество, занимались составлением и распространением печатных воззваний с целью возбудить к бунту и неповиновению власти Верховной. А потому я, Отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Каминский, по согласованию с товарищем прокурора Екатеринодарского окружного суда Л. Б. Вислоцким на основании 396 и 1035 ст. Уст. Угол. Суд. постановил: козака Григория Ефимо-

вича Ткаченко и учителя Симона Васильевича Петлюру привлечь к настоящему дознанию и допросить их в качестве обвиняемых по признакам преступления, предусмотренных 250, 251 и 318 ст. Улож. о Гос. охране»¹.

Пісня.
Розислався барвиночокъ
По садку,
Де щебече соловейко
На бузку.
Тамъ дивчина доясыдає
Козака,
Молодого, вродливого
Юнака.
Дождьдає, виглядає...
Ни, нема!
Слезы ронить, вбывається –
Все дарма.
А барвинокъ зеленіє
По садку,
Соловейко выпивує
На бузку².

Антиправительственная листовка Революционной Украинской партии. 1905 год

Революційна Українська Партія.

Браты наши ридни!

Ось послушайте добре про що мы будемо вам казаты, тай помир-
куйте, чи же правду мы кажемо?

Уж другый рик тягнется ота проклятуща війна. Усе бьется Россія з Японією за непотрибну нам Манжурію, де не рикы, а море льется козацькой та салдатськой крови вид Японьских куль та шабель, де тысячи наших братив гынуть с голоду, вид голоду та усяких хвороб, як-то чумы, халеры та иньш. Браты наши козаки та салдаты кладуть

¹ ГАКК. Ф. 583. Д. 32. Л. 88- 91.

² Жарко Я. Писни. Екатеринодар, 1905. С. 2.

вот головы в далекой чужей Манжурii, дома те же не меньше гинет наших батькив, материв, братив, сестер, та бидолашних малых сырит вид слиз та вид голоду. За вицо же козаки кладут свои головы у Манжурii?

За вицо ж дома батьки матери, браты, сестры та бидолашни сыроты льют кривави слезы та пухнут с голоду....

За вицо ж так карают людей?

Хиба нам потрібна та делека Манжурія? Хиба у нас мало своєї землі, що ми ідемо класти свої голови за непотрібну нам землю?

Це ось що: компанія – наш царь, його маты, генерал Безобразов та ынши дармоеды завелы у Кореи та в Манжурii лисну комерцію, на яку сотни миллионив карбованцив потратылы народных грошей, а Японци просылы их, щоб вони покынулы ту комерцію, але кампанія не схотила и от цего почалася війна.

Уже сотни тысячив людей там полягло за чорта батька зна шо, тай поляже ще не меньше, бо замість того, щоб мырытысь з Японією, бо ii все одно не подужаты нам, вони коровопийци – А усе мобилизуют війско, так напрыклад недавно мобилизувалы Петербурській, Московській, Кі евській та Варшавській округы. А теперь и Кубаньску область.

И знову женуть наших братив козакив та солдатив на війну, як ту скотыну на смерть.

Настав уже час, колы треба сказаты нашим коровопийцам: Годи вже нас мурдуваты! Годи гнаты нас на вирну смерть!

Вже багацько салдатив та козакив видказується иты на війну. Так чо же вы, браты наши любви, пидете на ту проклятущу війну?! Не идить зовсим на вирну смерть! Скажите, що краще умерты дома, ниж питы у Манжурію те вмереты вид Японьской кули абј шабли! Дома вы не вмерете, аж покы не прыйдэ ваша смерть. Тилько вам усим трэба сказаты: Не пидемо на війну!

Геть війну! Геть царя!

Бо царь з своими прыхвостнямы затяв війну. Де хто каже шо царь нэ вынуватый. Брыхня! Колы б царь був гарный чоловік, так вин бы не гнав людей, як ту скотыну на смерть, а робыв бы им добро. Вин зверюка! Бо йому гарно дывытысь на те, як льется кров. Так на бисова ж батька нам здався зверюка-царь?

Геть війну! Геть звирюку-царя!

Нехай живе Демократична Республіка³!

Літній Театр Городського Саду.

Трупною українських артистів під орудою Миколи Садовського у п'ятницю 4 липня 1908 року виставлена буде «Бурлака», драма на п'ять дій Карпенко-Карого. Роль Панаса Бурлаки виконає М. Садовський. Початок вистави – 08 рок В антрак гратиме власний балетний оркестр. Відповідальний режиссер Микола Садовський. Капельмейстер Густав Елінек.

Анонс: У суботу 5 липня виставлено буде: 1 «Сто тисяч» ком на 4 д. Карпенко-Карого. 2. Вчорниці музики П. Ницинського⁴.

Летний театр Городського Сада.

В субботу 12 июля 1908 года трупною українських артистов под управлением Н. К. Садовского представлено будет «Запорожец за Дунаем». Украинская оперетта в трех действиях. Музыка Гулака – Артемовского. «По ревизии» – водевиль в одном действии Кропивницкого. Роль Ивана Карася исполнит М. Садовский. Начало в восемь часов вечера. Капельмейстер – Густав Еленек. Режиссер – М. Еленек⁵.

³ ГАКК. Ф. 583. Оп. 3. Д. 12. Л. 780–781.

⁴ Літній Театр Городського Саду // Новая зоря. 1908. № 520. 4 июля. С. 1.

⁵ Летний театр Городського Сада // Новая зоря. 1908. № 526. 11. Июля. С. 1.

Советский период

Советский строй и национальная свобода Стенографический отчет X съезда РКП(б) Материалы съезда

1. Если частная собственность и капитал неизбежно разъединяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет. Существование капитализма без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств.

2. Опыт советской революции целиком подтверждает это положение. Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы инациональный гнет и завоевали русским рабочим доверие их национальных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело. Образование советских республик в Азербайджане, в Армении привело к тем же результатам, уничтожив национальные столкновения и разрешив «вековую» вражду между турецкими и армянскими, между армянскими и азербайджанскими трудящимися массами....

3. Но существование советских республик, хотя бы самых незначительных по размерам, представляет смертельную угрозу империализму. Угроза эта заключается не только в том, что советские

республики, порвав с империализмом, превратились из колоний и полукolonий в действительно самостоятельные государства и тем самым лишили империалистов лишнего куска территории и лишних доходов, но прежде всего в том, что само существование советских республик, каждый шаг этих республик по пути к подавлению буржуазии и укреплению диктатуры пролетариата является величайшей агитацией против капитализма и империализма, агитацией за освобождение зависимых стран от империалистической кабалы, непреодолимым фактором разложения и дезорганизации капитализма во всех его видах. Отсюда неизбежность борьбы «великих» империалистических держав с советскими республиками, стремление «великих» держав уничтожить эти республики. Поэтому изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существования со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны – повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от «своей» и «чужой» буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма, лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.

4. Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность:

а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие, как отдельных республик, так и федерации в целом;

б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации;

в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбою федерации. Опыт России с применением различных видов феде-

рации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), — целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации как общей формы государственного союза Советских Республик.

6. Но федерация может быть прочной, а результаты федерации — действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее стран. Если РСФСР является единственной в мире страной, где удался опыт мирного сожительства и братского сотрудничества целого ряда наций и народностей, то это потому, что там нет ни господствующих, ни подчиненных, ни метрополии, ни колоний, ни империализма, ни национального гнета, — там федерация зиждется на взаимном доверии и добровольном стремлении трудящихся масс различных наций к союзу. Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранен и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится все более и более осязательной.

Очередные задачи Российской коммунистической партии.

Стенографический отчет X съезда РКП(б).

Материалы съезда.

1. РСФСР и связанные с ней советские республики представляют около 140 млн. населения. Из них невеликороссов — около 65 млн. (украинцы, белорусы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы*, калмыки, карелы, аварцы, даргинцы, казакмухцы, кюринцы, кумыки**, мари, чуваша, вотяки, немцы Поволжья, буряты, якуты и др.). Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить

их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, русифицировать их. Результаты такой политики – неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов;

б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя таким образом и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колониализма, великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты – туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма (на Востоке).

Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона, уклона в сторону великодержавности, колонизаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колонизаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами, действительно коммунистические организации, сплывающие в своих рядах пролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских штаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах.

Стенографический отчет X съезда РКП(б) Материалы съезда

6. В связи с успехами на военных фронтах, особенно же после ликвидации Врангеля, в некоторых отсталых окраинах, не имеющих или почти не имеющих промышленного пролетариата, усилилась тяга мелкобуржуазно-националистических элементов в партию ради карьеры. Эти элементы, учитывая положение партии, как фактически правящей силы, обычно перекрашиваются в цвет коммунизма и нередко целыми группами тянут в партию, внося в нее дух плохо прикрытого шовинизма и разложения, причем слабые вообще партийные организации на окраинах не всегда оказываются в состоянии устоять против соблазна «расширить» партию за счет новых членов.

Призывая к решительной борьбе со всякими лжекоммунистическими элементами, примазывающимися к партии пролетариата, съезд предостерегает партию от «расширения» за счет интеллигентских мелкобуржуазно-националистических элементов. Съезд считает, что пополнение партии на окраинах должно производиться главным образом за счет пролетариев, бедноты и трудовых крестьян этих окраин при одновременной работе по укреплению партийных организаций на окраинах путем улучшения их качественного состава.

Газета «Правда» № 29, Печатается по тексту газеты
10 февраля 1921 г.

Стенографический отчет X съезда РКП(б). Резолюции и постановления съезда

Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества – в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования.

4. Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию, в пределах РСФСР существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инонациональные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Политика царизма состояла в том, чтобы свести на нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма.

С другой стороны, коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма....

Оба эти вредных уклона от принципов коммунистического интернационализма черпают силу в неизбежной, на первых порах, засоренности коммунистических организаций на окраинах. С одной стороны, к партии примазываются кулацко-колонизаторские элементы, с другой стороны, в партию проникают представители туземных эксплуататорских групп.

Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона в сторону великодержавности, колонизаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колонизаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплачивающие в своих рядах пролетарские и полупролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских шатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах.

Призывая к решительной борьбе со всякими лжекоммунистическими элементами, примазывающимися к партии пролетариата, съезд предостерегает партию от «расширения» за счет мещански-националистических и кулацких элементов. Вместе с тем съезд подчеркивает необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов⁶.

⁶ Материалы X съезда ВКП(б). М., 1936. С. 598–607, 698–704.

И. В. Сталин. Очередные задачи партии в национальном вопросе. Доклад на X съезде ВКП(б) 10 марта 1921 г.⁷

«Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов.

Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы».

Обращение организаторов общества «Робітничя Просвіта» о создании общества и его целях

Наша сила в организации. Только тогда, когда мы организованы, можно надеяться на лучшую жизнь. Для защиты своих экономических интересов мы организовываемся в профессиональные союзы и через них боремся за свои права. Но, чтобы хорошо бороться, необходимо знать, как бороться, необходимо быть сознательными членами рабочей семьи. Наши украинские рабочие до сих пор были более темными, хуже организованными и шли в борьбе за свою долю позади рабочих русских и других национальностей. Причиной этого было то, что весь наш народ, вся Украина были в неволе. Более 260 лет, с самого того дня, когда Украина при Богдане Хмельницком

⁷ Цит. по: www.ukstor.com/ukstor/stalin-ukraine26.html

в 1654 году заключила союз с Россией, русское царское правительство старалось стереть с лица земли весь наш народ украинский, отбирало у нас нашу родную школу, а давало чужую, российскую, не позволяло выпускать наших книжек, газет, насаждало оно в Украине помещиков и отбирало у наших дедов землю. Уничтожало оно у нас наши вольные порядки и насаждало своих чиновников. Хотело русское царское правительство сделать так, чтобы мы забыли о своей стародавней воле, забыли о том, кто мы, какого народа, чтоб не знали, чего нам нужно добиться. Но нельзя было этого сделать. Целый народ не убьешь, и наш народ на Украине теперь проснулся от векового сна и борется за свою волю, волю Украины. Мы, рабочие, должны идти впереди своего народа. Мы первыми должны подумать о своей организации. Свои экономические интересы мы защищаем сообща со всеми рабочими через единые профессиональные союзы. Но нам нельзя забывать о своем культурном развитии, нельзя забывать про весь наш народ. Ибо пока он не добудет воли себе, не будут вольными и наши рабочие. “Робітнича Просвіта” ставит своей целью организацию украинских рабочих для развития его классового самосознания, для повышения его культуры.

Нам необходимо учиться, как защищать свои интересы, а это можно лучше сделать только сообща. Мы призываем наших земляков к себе, в единую организацию. Тогда мы будем сильнее, тогда мы сможем лучше бороться за свои интересы.

Товарищи! Не забывайте самих себя и свой родной народ. Записывайтесь в члены “Робітничої Просвіти”.

Рада “Робітничої Просвіти” помещается:

Штабная ул., 22. Записываться в члены Просвиты можно ежедневно по будням с 8 до 10 часов вечера, по воскресеньям и праздничным дням с 6 до 11 часов вечера (новое время).

Рада “Робітничої Просвіти”⁸.

Автобиография учителя Первой украинской советской школы №12 З.Ф. Макаренко⁹.

⁸ Цит. по: Золотарёва И. Д. Чумаченко В. К. К истории кубанской «Просвиты» // Культурная жизнь Юга России. 2006. № 2. С. 42–43.

⁹ ГАКК. Ф. Р - 861. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

Curriculum vitae.

Родом я з слободы Старощербинивкы Кубанського округу. Батько мий був простый силянин, рорбитник-хлиброб, котрый шанував ридну мову Украиньску й звычай, так як прадида його були выходцями з України, а ненька моя українсько-польской крови

Народився я 7-го лютого 1900 року. З малку рис в бездолном поле. В степу, де пас разну худобу и працював в господа. Таке життя було нэ зовсим до вподобы, алэ аоно мало свою цекависть в тим, що ласкало мени, малому хлопяти, очи и пидтрямувало мойи мрии.

Я мал цекависть до всього, що робилось в окрузт мени. Як пидрис я дужче, то батько виддав менидо горомаденської школы, де я був першим учнем.

Бильше всього, навдиво йому, мени вдавалось малювання в ции прици мени злы вси. А коли вже я був в вищій початковий школе, що тоди вчився, я мав свои ескызы жанрового сюжету з Украиньского життя. Як було мени рокив чэтырнайцять, я цікавивсь нэ тилько до того, що дэялось в окрузе мене, а мени хотилось побачить й закордонне життя.

В 1914 – 15 – 16 роках я мусив побувати на Украини, Польши, Галицийи, и в Немецчини. Ця екскурсия дала вельку освіту простьому хлопцеву, котрый до того був з малою освітою.

Сэрэдню школу я скинчив вже екстерном. В 1918 роци я выдержав экзамен на вчителя 2-клясных шкил при 2-ий Краснодарский гимназийи. В 1920 роци працював зпершу в пидоддили «ИЗО». Був члэном украиньской Робитничей Просвиты. В томц ж роци поступив в Куб. Госуд. Унивэрситэт, студэнтот естэственного факультету. В 1921 р., пэрэд лыквыдациею цього Вуза, я перевився по своей схоти, з дозволення политруков Вузив, т-кы М. Петренко, – в Вищи Госуд курсы мистетства, кори реорганизовани були в Кубанский Техникум мистетства, цейчасный, де я мусиму бути до цього часу.

Окрим всього я гарно розумию російську мову – Бував в Москви, Лэнингради. Оце й всэ те, котре освищае коротенько мое життя.

З. Ф. Макаренко. 28. 10. 1924 року.

Отрывок из стенограммы II Кубанской окружной партийной конференции. Утро 19 ноября 1925 г.¹⁰

Председатель: Слово для ответа на записки имеет товарищ Эйсмонт.

Эйсмонт: «Скажите, как смотрит Крайком на обязательное проведение украинизации, известно ли Крайкому, что население не желает обучаться украинскому языку, и почему этот вопрос нельзя выносить на суждение хлеборобов станицы».

Мне это записка совершенно не понятна, не понятна она и товарищам, работающим в Окружкоме. Дело в том, что обязательной украинизации на Кубани нет. Может быть, в этом отношении было ошибочное распоряжение, – но мне товарищи из Окружкома сообщают, что этого не было, запрещений обсуждать этот вопрос населению – тоже не было. Во всяком случае, если в этом направлении были вредные уклоны, – то они совершенно неправильны. Конечно, обучаются украинскому языку только те, которые хотят, и было бы преступно запрещать учиться тем, кто хочет учиться. Партийная организация здесь должна проявлять особую гибкость, и если, повторяю, имеют место извращения, неправильное руководство со стороны местных органов – то на это сейчас же нужно обращать внимание, дабы можно было принять немедленно соответствующие меры.

Резолюция «О положении дела среди просвещения украинцев и белорусов РСФСР», принятая на совещании по вопросам украинской и белорусской работы (29–30 апреля 1925 года)

1. Несмотря на наличие в пределах РСФСР значительного количества украинцев (до 6,5 млн) и белорусов (до 700 тыс.), которые живут, общаются и ведут работу на материнском языке, несмотря на то, что это население зачастую выражает желание, чтобы просветительная работа велась на их национальных языках, местные ОНО белорусской и украинской работы не развернули, исключая до некоторой степени удовлетворительное состояние украинской школьной работы в Кубанском округе.

2. Тяжелое положение украинской и белорусской работы объ-

ясняется целым рядом причин, из которых важнейшие сводятся к следующему: на местах не было понимания вопроса ни в массах населения, ни в органах наробразов; достаточно полных и четких директив специально по украинской и белорусской работе центр не давал; разъяснительной кампании не проводилось и у населения отсутствует понимание и ясные перспективы развития работы; невнимательное отношение к нацвопросу и еще не изжитые проявления великодержавного шовинизма и др.

3. Констатируя неудовлетворительное состояние украинской и белорусской работы и невнимательное отношение мест, доходящее иногда до полного отрицания существования самого вопроса, совещание постановляет просить центральные советские и партийные органы дать местам твердые директивы по украинскому и белорусскому вопросам.

4. Для постановки и руководства работой на местах, в губерниях и областях, населенных компактными массами украинского и белорусского населения, приспособить инспекторский аппарат к обслуживанию нужд и потребностей белорусских и украинских учреждений, путем укомплектования его работниками, знающими язык и бытовые особенности этих национальностей.

5. В целях перевода на материнский язык преподавания соответствующие губернии и области должны разработать план перехода школ на украинский и белорусский языки преподавания на ближайшие 2–3 года, а для этого необходимо:

а) в ближайшее время произвести учет учителей, могущих вести работу в школе на украинском и белорусском языках, выделив из них тех, которые сейчас же могут приступить к работе в школе и отдельно нуждающихся в предварительной подготовке. Эту работу закончить к 1 июля с. г. и о результатах сообщить Наркомпросу;

б) для учителей, нуждающихся в подготовке, организовать специальные курсы по изучению украиноведения и белоруссоведения;

в) вопросы украиноведения и белоруссоведения включить в программы всех конференций и курсов, организуемых для поднятия квалификации работников просвещения, где будут учителя украинских и белорусских школ;

г) Наркомпросу РСФСР договориться с Наркомпросами УССР и БССР о подготовке в их учебных заведениях работников для просветительных учреждений РСФСР.

6. В школах II ступени, где это позволяет состав учащихся (украинцы, белоруссы), необходимо введение преподавания украиноведения (белоруссоведения) как обязательного предмета.

7. Констатируя отсутствие дошкольных детских учреждений на белорусском и украинском языках, считать необходимым при дальнейшем развитии дошкольной сети строго проводить принцип родного языка детей. Одновременно реорганизовать на этих же принципах уже существующие дошкольные учреждения.

8. Органы ОНО при закупке учебников и учебных пособий для русских школ должны закупать учебники и учебные пособия, также и для украинских и белорусских школ. Кроме того, необходимо принять меры, чтобы местными книжными складами и магазинами выписывалась литература на украинском и белорусском языках.

9. Педагогическая работа в украинских и белорусских школах должна быть улучшена и усилена, причем главное внимание надо обратить на проведение программы ГУС'а. Необходимо проследить, чтобы во всех школах с преподаванием на материнском языке не позже как с третьего года обучения преподавался бы русский язык.

10. Для изучения специальных вопросов, связанных с просвещением украинцев и белоруссов, организовать особые кружки из учителей этих национальностей, увязав их работу с общей работой по поднятию квалификации просвещенцев и выделив для нее в общем плане работы достаточное количество времени.

11. Организация опорных районных учреждений в местностях с развернутой сетью украинских и белорусских школ даст возможность втянуть массовое учительство нацмен в педагогическую работу, путем конференций, кружков и т. д., что поможет поднять его квалификацию и улучшить внутреннюю работу школы.

12. Школы крестьянской молодежи, открываемые в местностях с компактными массами украинцев или белоруссов, должны работать на соответствующих языках, а школы, уже существующие, надлежит постепенно переводить на материнский язык учащихся.

13. Обратить внимание на общественно-политическое воспитание и развитие детского коммунистического движения среди украинцев и белоруссов, для чего озаботиться подготовкой необходимого кадра руководителей.

14. Для подготовки работников школ II ступени и педтехнику-

мов необходимо в пединститутах и педфаках со значительным количеством студентов украинцев и белорусов организовать кафедры украиноведения (белоруссоведения), а при наличии профессуры и преподавателей национальных отделений и при педвузах.

15. В целях подготовки культурных работников разных специальностей и квалификаций украинской и белорусской национальностей в РСФСР принять меры к командированию рабоче-крестьянской молодежи этих национальностей в вузы, рабфаки, техникумы как РСФСР, так Украины и Белоруссии по предварительному договору с НКП этих республик.

16. Ввиду того, что сельская крестьянская украинская и белорусская молодежь плохо владеет русским языком и ей трудно обучаться на общих рабфаках, считать необходимым организацию при рабфаках украинских отделений.

17. Для подготовки кадра квалифицированных работников в области сельского хозяйства, признать необходимым организовать с 25/26 уч. года по одному среднему и одному низшему с. х. учебному заведению как для украинцев, так и для белоруссов.

18. Довести сеть ликпунктов до размеров, намеченных планами ВЧКЛБ и утвержденных коллегией НКП РСФСР. Чтобы получить возможность приступить к этой работе с начала учебного года, необходимо сейчас же принять меры к подготовке необходимого кадра ликвидаторов и закупке учебников и учебных пособий на украинском и белорусском языках.

19. Для вовлечения широких масс в политико-просветительную работу в селах с украинским и белорусским населением необходимо во всех низовых политико-просветит. учреждениях: красных уголках, кружках, ликпунктах, избах-читальнях и т. д. вести работу на украинском и белорусском языках. С этой целью озаботиться снабжением этих учреждений за счет местных средств необходимой литературой и газетами на соответствующих языках.

20. В целях подготовки и переподготовки работников для украинской и белорусской деревни, признать необходимой организацию курсов, для чего Губоно должны изыскать потребные средства.

21. Для постоянного пополнения квалифицированного кадра политпросветработников для украинских и белорусских деревень необходимо организовать отделения при совпартшколах. Просить ЦК и

ГПП включить в сеть на 25/26 г. два украинских и одно белорусское отделение.

22. Признать необходимым организацию фонда инвентаризации изб-читален по образцу ГПП.

23. В целях пропаганды среди населения идеи просвещения на родном языке признать необходимым, чтобы Губоно широко использовало местные съезды, конференции и пр. для разъяснения национальной политики советской власти и выяснения населению педагогической необходимости ведения обучения на материнском языке.

24. Совнацмену НКП РСФСР поддерживать тесную связь с НКП Украины и Белоруссии в целях изучения опыта республик и использования его в практической работе Совнацмена¹⁰.

Резолюция по докладам члена коллегии Наркомпроса УССР тов. Кириченко, члена коллегии Наркомпроса БССР тов. Корневского и предсовнацмена Кубанского округа тов. Коблянско-го на тему «Опыт Украины, Белоруссии и Кубанского округа по переводу украинских и белорусских школ на родной язык преподавания», читанным на совещании по белорусской и украинской работе (29–30 апреля 1925 года)

Исходя из опыта перевода просветительной работы на материнский язык в УССР, БССР и Кубанском округе, совещание по просвещению среди украинцев и белоруссов в РСФСР считает:

1) Перевод на материнский язык просветительной работы среди украинцев и белоруссов в РСФСР является необходимым звеном в общей системе мероприятий по разрешению национального вопроса.

2) Это должно сводиться к оказанию белорусскому и украинскому населению со стороны пролетарского государства помощи в деле приобщения к государственному, экономическому и культурному строительству.

3) В интересах развития культурной работы среди украинского и белорусского населения необходимо установление (для каждой губернии отдельно) сроков перевода просветительных учреждений на материнский язык населения, обслуживаемого этими учреждениями.

¹⁰ Цит. по.: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. С. 38–41.

4) Первой необходимой работой, которая должна предшествовать реализации принципа ведения просветительной работы на материнском языке среди украинцев и белоруссов, – должна быть широкая разъяснительная кампания по линии партии, комсомола, профсоюзов и др.

5) Необходима переподготовка и подготовка работников всех специальностей для обслуживания потребностей украинского и белорусского населения (в первую очередь учителей, затем агрономов и т. д.).

6) Перевод просветительной работы должен осуществляться в направлении от нижних ступеней, непосредственно связанных с населением, к высшим.

7) Перевод просветительной работы на материнский язык должен найти отражение и в издательской деятельности.

8) Считать особенно необходимым активизацию участия в этой работе профсоюза работников просвещения.

9) В развитие постановлений совещания Совнацмену НКП РСФСР надлежит разработать детальную инструкцию¹¹.

**Распоряжение Наркомпроса от 19/X-25 г. № 97855 «О
составлении и проведении плана перевода украинских и
белорусских школ на родной язык»
Всем Обоно и Губоно, Северокавказскому крайОНО**

Среди национальностей, обслуживаемых Совнацменом, особую группу составляют украинцы и белоруссы. Как выявило инспекторское обследование (в начале 1925 года), а также и Совещание по украинско-белорусскому вопросу (28–29 апреля), работе по просвещению этих национальностей, несмотря на неоднократные указания Наркомпроса, местными органами народного образования не уделяется должного внимания.

Причинами такого отношения Губоно к украинской и белорусской работе в основном являются:

¹¹ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923-1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. С. 41–42.

а) местами полное отрицание украинского и белорусского языков как самостоятельных; рассмотрение их как местных неправильных говоров единого русского языка (ломаный русский язык);

б) вековая руссификация и малокультурность украинского и белорусского населения, благодаря которой у него самого выработалось пренебрежительное отношение к своему языку, как языку «домашнему», крестьянскому в отличие от языка господского, панского, на котором пишут книги, бумаги и на котором говорят во всех учреждениях;

в) неясность вопроса о принадлежности данной группы населения к той или иной национальности;

г) случаи, когда на местах без предварительной разъяснительной кампании производят голосование, желает ли население иметь школу на украинском (белорусском) или на русском языке. Вследствие упомянутых выше причин население, естественно, голосует за школу на русском языке. В целях правильного подхода к разрешению украинского и белорусского вопроса Наркомпрос предлагает Отделам Народного Образования:

1. Провести разъяснительную кампанию среди украинского и белорусского населения о национальной политике партии и Советской власти, применительно к данным национальностям и вовлечь население в строительство школы на своем родном языке. Для этого необходимо:

а) показать населению возможность использования родного языка в жизни учреждений (красный уголок, изба-читальня, школа и т. д.), ведя с этой целью всю внутреннюю работу в этих учреждениях на языке населения;

б) разъяснить населению, что вслед за школой первой ступени будут открыты, по мере необходимости, семилетки, школы второй ступени, техникумы и т. д. Кроме того, в школе будет изучаться русский язык, что даст возможность беспрепятственно перейти в школу повышенного типа, ведущую работу на русском языке;

в) познакомить население с достижениями национальной культуры (литература, театр, музыка и т. д.), используя для этой цели революционные праздники и вообще работу политпросветучреждений.

2. До настоящего времени во многих местах перевод просветительных учреждений на родной язык совершался стихийно и не носил планового характера. Школы также быстро ликвидировались,

как и открывались, вследствие отсутствия учебников, учителей и других причин. Подобному явлению не должно быть места. Губоно и Обоно должны немедленно приступить к составлению плана перевода школ на родной язык преподавания в 1925–26 г., представив его в Совнацмен Наркомпроса не позже 1-го января 1926 г., а также к фактическому осуществлению плана в наступающем учебном году. Параллельно с этим необходимо также наметить план подготовки соответствующего кадра школьных работников, которые смогли бы вести работу на соответствующих языках (перевод педтехникумов на родной язык, устройство краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке).

Вновь открываемые школы, в местностях с компактными масса-ми украинского и белорусского населения должны начать работу на материнском языке.

3. Перевод работы политпросветительных учреждений на родной язык должен предшествовать или же идти одновременно с переводом школ. Необходимо изменить существующее на местах ошибочное мнение, что в качестве опыта можно допустить работу школ на родном языке, но вести работу политпросветучреждений на языке той или иной национальности нецелесообразно.

Местам необходимо уделить максимум внимания вопросу подбора руководителей деревенскими политпросветучреждениями и пропустить намеченных для работы товарищей через курсы по переподготовке и подготовке работников политпросвета.

Политпросветучреждения, как избы-читальни, библиотеки и т. д., ведущие работу среди украинцев или белоруссов, необходимо наряду с русскими учреждениями, снабжать литературой и периодической печатью на их родном языке, выделив для этого из бюджетов ОНО необходимые средства.

4. Одним из фактов успеха по переводу просветительной работы на украинский и белорусский язык является также состав аппаратов ОНО. Необходимо обратить самое серьезное внимание на подбор инспектуры как губернской, так и уездной в смысле приглашения лиц, знающих как язык, так и бытовые особенности украинского и белорусского населения.

В заключение Наркомпрос считает необходимым отметить, что наступающий 1925–26 учебный год должен быть ударным по переводу сети на украинский и белорусский язык.

О предпринятом в осуществление настоящего циркуляра уведомить Наркомпрос не позже 1-го декабря 1925 года¹².

Замнаркомпрос В. ЯКОВЛЕВА

Зампредсовнацмена И. ДАВЫДОВ

И. о. Нач-ка Админ. Орг. Упр. И. ПЕРЕЛЬ

Распоряжение Совнацмена № 25816 от 18/11-1926 г. о дне памяти

Тараса Шевченко

Всем Край, Об. и Губоно.

Имя украинского народного поэта Тараса Григорьевича Шевченко, певца угнетенных и обездоленных, является популярнейшим именем среди широких трудящихся масс украинского населения.

Необходимо отметить день смерти поэта 12 марта в подведомственных вам учреждениях Соцвоса и Политпросвета, обслуживающих население.

При проведении празднования руководствоваться распоряжением Совнацмена за № 10900 от 10-го февраля 1925 года, уделив особое внимание докладу «Жизнь, деятельность и мировоззрения поэта»¹³.

Зампредсовнацмен И. ДАВЫДОВ

Зав. Укр. Отделом ШАФРАН

Секретарь ФЕДОРОВА

Из резолюций украинской учительской конференции Славянского, Поповичевского и Темрюкского районов Кубанского округа (9–12 января 1926 г.)

1. По докладу «Украинизация на Кубани».

Конференция учителей украинских школ Славянского, Поповичевского и Темрюкского районов Кубанского округа отмечает, что

¹² Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 46–47.

¹³ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 49.

опыт работы украинских школ на Кубани целиком подтверждает правильность курса, взятого II окружной Партконференцией в отношении украинизации, так как ребенок лучше развивается в родной школе и легче овладевает знанием. Такие же результаты дает и политпросветительная работа на украинском языке. Передовая часть населения приветствует и поддерживает украинизацию школы и несочувственное отношение к украинской школе некоторых станиц объясняется несознательностью их в отношении национальной политики Соввласти, а также влиянием отдельных лиц, враждебно относящихся к украинизации.

В то же время, конференция отмечает целый ряд причин, тормозивших работу по украинизации школы:

1) Недостаточно внимательное отношение к вопросу украинизации школы со стороны части партийных, профессиональных и советских организаций, что в некоторых местностях привело даже к закрытию украинских школ.

2) Недостаточно внимательное отношение к украинской школе со стороны райинспектуры, что наиболее выявилось при укомплектовании школ педперсоналом. В некоторых станицах квалифицированные учителя-украинцы назначались в русские школы, а в то же время в украинских школах работали учителя, совершенно неподготовленные к этой работе.

3) Неприспособленность украинских учебников к природе, экономике и быту Кубани.

4) Недостаточная работа учителей-украинцев вне школы, среди взрослого населения.

В целях углубления и расширения работы по украинизации в будущем, конференция считает необходимым:

1. Провести широкую кампанию среди населения по разъяснению национальной политики Соввласти и популяризации постановлений II окружной партконференции по вопросу украинизации Кубани, привлекая к этой работе профессиональные и советские организации.

2. Просить соответствующие организации ускорить разрешение вопроса об украинизации советских учреждений и, в первую очередь, обеспечить украинскому населению право подавать в сов. учреждения заявления, написанные на украинском языке, и пользоваться украинским языком на заседаниях стансоветов и проч.

3. Просить соответствующие организации установить единую линию поведения в отношении украинизации среди станичных организаций и учреждений.

4. Немедленно приступить к переводу на украинский язык работы хат-читален и ликпунктов, обслуживающих украинское население, вменив в обязанность учителям-украинцам вести всю политико-просветительную работу на украинском языке.

5. Поручить окр. нацмену:

а) проследить за тем, чтобы вся внутренняя работа укр. школ велась на укр. языке и обеспечить право вести переписку с советскими учреждениями и организациями на укр. языке;

б) обратить особенное внимание на укомплектование укр. школ педперсоналом, сосредоточив этот подбор в окрОНО;

в) пересмотреть состав заведующих укр. школами и подобрать на эти должности работников-украинцев соответствующей квалификации;

г) принять меры к назначению в украинские районы инспекторов-украинцев;

д) с будущего учебного года приступить к плановой работе по украинизации семилеток, школ крестьянской молодежи и школ II ступени;

е) организовать в течение летнего периода украинские учительские курсы;

ж) наладить вопрос снабжения укр. школ учебниками и принять меры к изданию учебников, приспособленных к условиям Кубани;

з) созывать периодически массовые районные украинские учительские конференции.

2. По докладу «О работе хаты-читальни ст. Полтавской»

При украинизации хат-читален необходимо:

а) обратить серьезное внимание на подготовительную работу, разъяснить населению важность украинизации и потребность в ней, ознакомить население с украинским правописанием и проч.;

б) с помощью учительства и актива хлеборобов провести агитацию за выписку газет на украинском языке, в первую очередь газ. «Радянський Станичник»;

в) озаботиться увеличением количества украинской литературы

в библиотеках (приобретая в первую очередь книги по сельскому хозяйству), понятной для крестьянских масс художественной литературы; принять меры к продвижению книги к читателю;

г) всю работу хаты-читальни как справочную, кружковую, так и массовую вести на украинском языке, избегая непонятных для местного населения слов и оборотов и только постепенно, в процессе работы, обогащая лексикон;

д) добиваться того, чтобы вся переписка хаты-читальни с другими учреждениями, а также письменные заявления для крестьян выполнялись на украинском языке.

3. По докладу «О работе опытно-показательной школы Куб. Укр. Педтехникума за 1-й триместр»

Конференция отмечает следующие достижения в работе опытной школы.

1. Широкое применение активных методов (главным образом, исследовательского) и, как результат этого, активность и самодеятельность детей при проработке программного материала.

2. Плановость школьной работы и активное участие в разработке производственных планов учащихся и части родителей.

3. Успешную пропаганду идей трудовой школы среди населения, что привело к перемене взглядов родителей на общественную работу учащихся, на школьные экскурсии, на стенгазету и пр. Конференция считает, что опытная школа в дальнейшем должна провести следующие мероприятия:

а) установить связь в работе с другими школами станицы;

б) теснее связаться с советскими учреждениями и общественными организациями;

в) увеличить количество времени на технические навыки.

В отношении метода групповой проработки материала в IV группе – конференция поручает опытной школе детально проверить целесообразность этого метода и поделиться с учительством результатами работы.

4. По докладу «О работе украинских секций педколлективов»

1. Добиться, чтобы все учителя-украинцы принимали активное участие в работе секций.

2. В педколлективах и методических кружках, где украинцы составляют большинство, всю работу вести на украинском языке.

3. Организовать в каждом районе украинские районные секции, поручив им руководство работой станичных секций.

4. Просить союз Работпрос выделить часть средств на приобретение украинской литературы¹⁴.

Из постановления Северо-кавказского крайкома ВКП(б). Ноябрь 1926 г.¹⁵.

«Признать необходимым составить комиссию для изучения дела с переводом делопроизводства совалпарата на украинский язык. Поручить Крайбюро украинских партсекций организовать в Ростове украинскую газету для обслуживания всех округов края. Там, где преобладает украиноговорящее население, вести работу среди КСМ, беспартийной молодежи и женщин преимущественно на их родном языке. Принять меры по украинизации пионерской работы. Зав. Избами-читальнями в станицах, где большинство населения составляют украиноговорящие, должны использовать только украинский язык. В округах и районах надо сделать переход к преподаванию в школах на родном украинском языке населения, школы украинизировать тогда, когда есть на то согласие родителей учеников».

Из постановления совещания секретарей украиноговорящих секций райкомов. Март 1927 г.¹⁶.

1) подготовка партийцев (кружки при домах, внедрения обучения украинского языка в школах, 2) изучение культурно-бытовых условий жизни украинского населения Кубани, 3) создание украинского партийного и беспартийного актива, 4) увеличение количества украинских ликпунктов, продвижение украинской книжки в массы, 5) организация кружков украиноведения, 6) организация курсов переподготовки зав. избами-читальнями-украинцев, 7) внедрение большей плановости украинизации школы, 8) образование сети украин-

¹⁴ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 159–162.

¹⁵ Украинский язык и украинизация на Кубани 1920–30 годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

¹⁶ Украинский язык и украинизация на Кубани 1920–30 годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

ских школ высшего типа, 9) развертывания сети украинских профшкол.

Из ответов на вопросы т. Емельянова на пятом пленуме Кубанского Окрисполкома. 1927 г.

– Вопрос украинизации старый и сложный. Украинизация уже привилась. 29 % всей школьной сети украинизировано. Вопросом украинизации интересуются и центральные органы. После длинных споров и болтовни ясно одно: украинский язык один; отдельного кубанского языка нет. Украинское население не протестует против украинизации... В этом году мы подошли к плановой украинизации Кубани. Всяческие сомнения, всяческие попытки дезукраинизации школ – нетерпимы. Но, не смотря на все это, плановая украинизация – ни с места. Снова закрались сомнения: в самом ли деле население Кубани говорит украинским, а не «кубанским языком?»¹⁷

Подборка материалов по работе среди украинцев на Северном Кавказе (1928 г.)¹⁸.

1. «Вторая Окружная Партконференция, исходя из наличия в Кубанском округе 70–80 % населения, владеющим народным говором, положенным в основу украинского литературного языка, считает необходимым конечной целью украинизацию Кубани».

(Резолюция Кубанской Окр. Партконференции, 18/20/XI – 25 г.)

2. «При обследовании нашего Округа, при наличии 70 % украинского населения, оказалось, что стихийным порядком выросло уже несколько десятков или сотен украинских учреждений»

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.).

4. «Зав. АПО Кореновского Райкома т. Александров рассказал следующее: хлеборобы жаловались на то, что преподавание украинского языка фактически ничего не дает потому, что, во-первых, нет высших школ, а во-вторых, в учреждениях говорят на русском языке. И, таким образом, дети, вышедшие из украинских школ, не имеют практического применения украинского языка в общественной жизни».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.)

¹⁷ Украинский язык и украинизация на Кубани 1920-30 годы // www.protichka.narod.ru/history/ukr.html

¹⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 5–23.

5. «В Кореновском районе имело место и такое явление: в одном хуторе, Казаче-Малеваном, хлеборобы вынесли такое постановление – перевести работу стансовета на украинский язык и даже переменили вывеску – вместо «Стансовет» – «Станрада». Когда предисполкома т. Мироненко одобрил это, хлеборобы заявили, что они очень рады этому обстоятельству, ибо видят, что их действительно не притесняют».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.)

6. «Приведу еще один интересный момент о станице Пашковской. Когда проводилось обследование, то здесь один хлебороб, Рыло, заявил: «Были люди, которые работали над украинизацией, но за это положили головы. Теперь Вы опять хотите направить. Если бы это можно было делать, то центр бы об этом сказал. Если бы это предписали сверху – мы охотно бы пошли на украинизацию. Но мы знаем, что за украинизацию в свое время было расстреляно 15 человек». Это говорит о том, что хлеборобы не знают, как же относятся к этому вопросу парторганизации».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.)

7. «Когда ставим вопрос (об украинизации – Ф. Ч.), население идет за тем, кто выступает первым. А так как большинство работников русские и для них украинизация не желательна, то население боится выступать против них».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.)

8. «В станице Славянской, в Южной школе, было такое явление: хлеборобы запротестовали против украинизации. Тогда была создана комиссия, куда вошел секретарь райкома, Предисполкома и инспектор ОНО. Сначала учителя согласились, что здесь украинизация полная. Но когда они увидели, что мы особенно не настаиваем – очень скоро стали доказывать не только ненужность, но и вредность украинского языка. Когда же мы вошли в класс и спросили: «Как вы, дети, занимаетесь?», то последовал ответ хором: «Нэ трэба украинского языка, нэ хочемо учиться украинскому языку, нэ понимаемо украинского языка». Этот ответ очень характерный, ибо речь даже не шла об украинском языке. Значит, дети были подготовлены, настроены против этого».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.)

9. «В одной школе Славянского района, где родители не хотели учить своих детей на украинском языке, пришлось перевести преподавание на украинский язык, и там стал вести преподавание украинского языка русский учитель и что же? Родители запротестовали. Тогда прислали украинскую учительницу».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.).

10. «В станице Полтавской был секретарь ячейки ВКП, возражавший против украинизации. И население тоже как будто протестовало. Теперь Окружным Комитетом прислан секретарь-украинец, население одобряет украинизацию, приветствует ее, а секретарь ячейки пользуется неограниченным авторитетом. Его слушают с открытыми ртами».

(Докл. Лола на 2-й Куб. Партконференции, 18/XI – 25 г.).

11. «Все, что окружает нашего ребенка с малых лет, будь то песня, речь, обычаи, – ничто еще не потеряло национальных украинских особенностей».

(Сообщение учителя Деревянко инспектору НКП).

12. «Наших детей трудно русифицировать. Их можно на протяжении 4-х лет обучения научить складывать из испорченных русских слов, русские неудачные, нелепые фразы. Такое обучение только калечит речь, усвоенную до школы. И не только речь, но процесс мышления и развития вообще».

(Сообщение учителя Деревянко инспектору НКП).

13. Наша школа, с русским языком преподавания, испытывает великое горе: у нее нет национального органа – языка. Родной в загоне, русским никто не владеет. Ребенок лишен живого слова, с помощью которого был бы связан его отец со школой. Последняя, таким образом, не в состоянии распространять среди нас культуру».

(Сообщение учителя Деревянко инспектору НКП).

14. «Признать необходимым и целесообразным усилить работу среди украинского населения округа по линии ОНО и политпросвета.

Поручить фракции Окрисполкома вести работу в направлении

выявления населенных пунктов, где есть необходимость перевода делопроизводства на родной язык».

(Постановление АПО Коллегии Кубокркома ВКП – ноябрь 1925 г.)

15. «Предложить Окркомам усилить работу среди украинцев, как среди национального меньшинства, считая эту работу существенно важной».

(Решение Бюро СевКавКрайкома ВКП(б) – май 1925 г.).

16. «Состав населения Кубокруга в подавляющей массе украинский, культурно-бытовые и национальные особенности этого населения, а также сущность национальной политики, проводимой соввластью, во весь рост поставлен перед соваппаратом Округа вопрос о практическом осуществлении украинизации Кубани».

(из решения Презид. КубОИК 13/VII. 26 г.).

17. «Принять меры к организации при техникумах, готовящих работников для станиц, украинского отделения, идя навстречу желанию населения, выявленном на III Славянском съезде Советов, и, учитывая потребность земледельческих районов в квалифицированных рабочих по с/х, ходатайствовать об открытии украинского сельхозтехникума в станице Славянской».

(Решение расширенного Пленума Окрисполкома, состоявшегося в станице Славянской 17–18 июля 1926 г.).

18. «Таким образом, продано украинской литературы на сумму свыше 180 000 руб. (в Кубан. округе). Учебники – 45 %, детская и педагогическая литература – 15 %, художественная – 25 %, социальная – 10 %, с/х и прочая – 10 %. Экземпляров – 520 785. Изба-читальня до сего времени закупает украинскую литературу в незначительном количестве. Это объясняется тем, что на всей Кубани нет ни одной украинской избы-читальни».

(Справка Украинского Отделения Госиздата. Украина – июль 1928 г.).

19. «Станица Полтавская, Славянского района Кубанского округа, население в подавляющем большинстве – украинское, из 9 школ

– 8 ведут работу на украинском языке. Одно постановление ячейки говорит, что украинизация школ была проведена насильственно. На заседании присутствовал инспектор Краевой РКИ, не совсем доброжелательно (если не сказать большего) относящийся к украинскому вопросу. Другое постановление той же ячейки говорило обратное: работа соответствует желанию населения, когда какие ячейки просили работники ОНО.

Есть документ ОКРОНО, гласящий: никаких школ, кроме русских не нужно.

Станица Северская. Сход под руководством Предсовета и секретаря ячейки выносит постановление: «Нам не надо украинской школы». Собранный в другой раз сход в присутствии инспектора ОНО постановляет: «Надо украинскую школу».

(Из докладной записки Зам. Предсовнацмен НКП Давыдова).

20. «Ответственный редактор газеты «Красное Знамя» обращает внимание на необходимость украинской работы, несмотря на то, что половина сельских корреспондентских заметок и стихотворений поступают на украинском языке и их «приходится переводить» по заявлению секретаря редакции, члена партии».

(Из докладной записки Зам. Предсовнацмен НКП Давыдова).

21. «Ст. Полтавская. Выступающий член партии на собрании крестьян говорит по-украински, коммунист кричит: «Бросьте на своем собачьем языке говорить», а собрание требует: «Пусть по-нашему говорит».

«Коммунисты спрашивают, можно ли быть коммунисту украинцем, а беспартийные обратный ставят вопрос: «Можно ли украинцу быть коммунистом?».

«Ст. Каневская. На собрании в селе какой-то сбор, сход не хочет пускать докладчика, не зная его. Говорят: «Хоть этого нам и не надо, но мы согласны, только говори по-нашему».

«В других станицах говорили: советская власть подлазит к нам при помощи украинизации. Раньше не давали нам ходу. Теперь при-

думали украинизацию, чтобы опять нам ходу не давать. Довольно дурить».

«Характерно, что в Украинский педтехникум приняли 60 человек, а желающих попасть было 300. В Краснодарский русский педтехникум такого наплыва не было».

«Характерно противопоставление, которое было во всех выступлениях. «Мы и вы. Мы – украинцы, а вы – россияне».

«Учителя прямо говорили: «Нам чинят препятствия на местах. На нас смотрят косо, как на каких-то контрреволюционеров. У ячеек партии мы не находим поддержки. Скажите нам, что мы делаем? Делаем ли мы необходимое для государства дело или творим контрреволюцию?»

«На партийном совещании отмечалось, как кулаки и антисоветский элемент используют настроение и обстановку. Рассуждая о том, что через украинский язык «дурят», хотят обмануть исходят от тех же типов. «Их подослали», – говорят крестьяне про учителей, когда те впервые начинали вести работу в избе-читальне с украинской газетой».

«Народное творчество (песни, игры, поговорки и проч.) украинские по духу, форме и языку. Быт украинский, язык украинский».

«ОкрОНО посылает окончившего украинский педтехникум в ст. Гостагаевскую. Учитель приезжает в Анапу, ему говорят, что если Вы не хотите сидеть, не подымайте вопроса об украинской школе, в ст. прямо сказали: «Либо Вы уедете, либо посадят».

Учитель отказался от школы, решив уехать. Вечером выступил в клубе на вечере самодеятельности и продекламировал одно стихотворение Шевченко: его арестовали и посадили куда следует».

(Из докладной записки Зам. Предсовнацмен НКП Давыдова, апрель 1925 г.).

22. «Конференция приняла принципиальное предложение по украинизации культурчереждений, разошлась с предложениями Ок-

рОНО в цифрах. А также, основываясь на циркуляре Наркомпроса от 30. 08. 1927. № 18., приняла решение об украинизации советского аппарата.

В качестве выводов бюро Укрсекции считает, что вся сгущенная атмосфера, в которой протекала конференция, и те причины, которые вызвали эту обстановку, окажут свое неблагоприятное воздействие и на осуществление директивы Окружкома в области украинизации».

(Из протокола Укрсекции Кубокркома ВКП(б) от 11 июля 1928 г. об итогах окружной учительской конференции).

23. «Вследствие недостаточного руководства, административного насаждения украинизации в прошлом при недостаточном учете сил и средств, а также при несомненном влиянии антисоветских элементов наблюдался обратный переход работы школьных групп с украинского на русский язык».

«Предоставить украинскому населению самому решать вопрос о переводе на родной язык просветучреждений».

(из резолюции бюро Кубокркома ВКП(б) от 20/IV. 27 г.).

24. «Вот как отвечает на эти вопросы данному обследованию председатель Совета ст. Северской молодой хлебороб-бедняк Григорий Лишута: «О богачах и говорить не приходится: хотя часть из них и привержена украинизации, но они эту политику не так поняли. Их украинизация смердит шовинизмом. Они добивались гетманщины.

Бедняки и середняки, преобладающая часть, при помощи украинской интеллигенции поняли политику партии так, как ее следовало понимать».

(из доклада Розина Коллегии ККЛ).

«Ново-Мышастовский секретарь ячейки, не мудрствуя лукаво, просто заявил: «Уже партия украинизацию гонит по шее».

«Украинская народная песня, старинные мелодии, исторические думы и песни дошли до нашего времени, целиком нетронутыми. Этнографические записи дают очень много материала, который подтверждает это явление».

(М. Садиленко. Новым шляхом. № 1. 1927.).

«Согласно распоряжения Председателя Краевого Исполнительного Комитета, предлагается Вам прекратить украинизацию вверенного Вам округа, впредь до рассмотрения этого вопроса в специально создаваемой для этой цели в крае комиссии и особого на этот счет распоряжения».

(18/ VII/ 1927 г., циркуляр КрайОНО всем ОкрОНО).

«Нездоровое отношение к украинскому населению имело следствием явление в украинском активе (интеллигенции, хлеборобском) нездоровых националистических настроений».

(из резолюции 2-й Кубанской Окрпартконференции 18 – 23/ XI 1925 г.).

25. «Мои ненаучные наблюдения подтвердились работами Чистякова и Садиленко, помещенными в сборнике, изданном Кубанским отделением Научно-исследовательского института местной экономики и культуры. Эти работы написаны по-русски. Не без воспитательных целей, в расчете на неподготовленного русского читателя, первая из работ озаглавлена «Устойчивость Кубанского языка». Но исследование разбивает версию об особом Кубанском языке, потому что он сохранил в неприкосновенности свой словарь и удержал такие слова, которые даже на Украине исчезли во многих местах: почти не подвергся русификации и т. д.».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

26. «Далее выступил один кулак, бывший гвардеец – телохранитель Николая II. Он сказал, что украинский язык нам не нужен, ибо мы и наши дети говорят на русском языке, и что украинская школа оставит детей недоучками, которым не будет дороги учиться дальше. В заключение он обратился по адресу украинских учителей с упреком, что они заводят здесь «какую-то галлицизму» и в своей украинской школе калечат детей».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

27. «В ст. Пашковской коммунисты оказались на поводу у зажиточных и вообще худших элементов станицы в те дни, когда решалась судьба украинских групп».

Второе важное замечание: близость ОкрОНО, вообще окружных руководящих органов, не только не задержала разгром украинских групп, но, по-видимому, ему способствовала.

Приходится удивляться, как при фактическом попустительстве власти и напоре привыкшей командовать в делах просвещения станичной верхушки, находились единицы, которые голосовали за сохранение украинских групп».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

28. «Служащие и зажиточные пытаются диктовать свою волю органам просвещения Кубани, что наиболее реакционные и вообще худшие работники второй ступени дают бой, чтобы удержать свои места, видно из информации ОГПУ. По Брюховецкому району эта информация прямо отвечает на вопрос об отношении каждой социальной группы к украинизации.

В Брюховецком районе со стороны учителя Михтина зафиксирован случай открытой агитации против проведения украинизации, где он указывал, что от украинизации дети только портятся, что украинский язык грубый, мужицкий, изучая который «хлеборобские дети никогда не смогут быть интеллигентными людьми». Агитация Михтина была поддержана учителями Хохловым, Мирошниковым, Винник, Ярошенко и др.

Стремление населения противодействовать украинизации объясняется тем, что таковое до сих пор считает великорусский язык языком «панским». По их мнению, весь смысл образования в том, чтобы выучившись, раз и навсегда порвать с тем занятием, которым занимались родители, т. е., хлеборобством. И перейти на «легкий хлеб». Стать писарем, фельдшером и т. д. Беднота же, не думая отрывать своих детей от земли, не видит ничего плохого в том, что ее дети будут говорить не на великорусском языке, а на украинском, а потому и не противодействуют проведению украинизации (сообщение ОГПУ, дата не указана).

(Из доклада Инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

29. «Выписка из протокола общего собрания родителей учащихся Тимашевской школы-семилетки им. Герцена, состоявшегося 14/X. 1927 г. в присутствии 170 родителей.

А) Об украинизации школ. По инициативе группы родителей этот вопрос возбужден и поставлен в текущих делах нашего собрания.

Докладчик сообщил, что украинизация вообще проводится правительством соввласти в интересах местного украинского населения, и в этих целях предложено украинизировать постепенно всю школу. В настоящее время украинизировано 1–2 группы и введены уроки украиноведения по 2 часа в неделю в 5, 6 и 7 группах.

Постановили: Принимая во внимание, что 1) мы, родители, а также все население станицы в большинстве русского происхождения и хорошо владеем русским языком, хотя и балакаем по-кубански.

2) что все государственные и общественные учреждения работают на русском языке.

3) что наши дети благодаря украинизации школ с трудом попадают в школу-семилетку.

Закрывать украинскую школу.

30. «Один из заведующих (ст. Ильская) школы первой ступени 9 января допустил в школе такой плакат: «Говорить по-русски между собой. Кто будет балакать, того не слушать». Этот плакат был снят участником данного обследования т. Левиным. Устные и письменные объяснения заведующего о происхождении плаката сводятся к следующему: дети для практики сами говорят только по-русски. Но этому объяснению уже трудно потому поверить, что бедняцкая масса станицы, а дети – в особенности, не говорят по-русски. Сам заведующий пишет, что учащиеся дразнят «кацапами» того, кто говорит по-русски. А дети из 2-ой дезукраинизированной группы, как т. Левину и мне, так и своей руководительнице не могли связать ни одной русской фразы. Групповод беседовала с детьми на русском языке. Дети очень бойко и пространно излагали свои мысли только по-украински. Относительно заинтересованности заведующего описанной школы в срыве украинизации у обследователей не осталось никаких сомнений.

31. «Характерно сопоставить более откровенное высказывание этого же инспектора с отзывом о нем ОГПУ. «Николай Константинович (зав. ОкрОНО тов. Емельянов). Неофициально информирую Вас

о том, разукраинизация школ Северского района не является походом против школы нацмен, а естественным следствием той, искусственной (если не сказать насильственной) политики прошлых лет в отношении украинизации русских школ, которая периодически, начиная с 20 года на Кубани то усиливалась, то ослабевала.

Я 10 лет живу на Кубани, бывал сотни раз на собраниях граждан и никогда не слышал, чтобы масса населения, за исключением единиц хлеборобов и украинофильствующих интеллигентов, стояла за украинизацию школ.

Население не желает украинизации школ, что и подтверждается теми постановлениями родителей и учеников, которые внесены в текущем учебном году по вопросу о переводе преподавания на русский язык.

(сообщение райинспектора Северского района Зав. КубокрОНО).

А вот мнение Уполномоченного ОГПУ об отношении этого Райинспектора к украинизации: «В Северском районе украинизация была поручена человеку, совершенно в ней не заинтересованному, который и провел ее так, как ему хотелось. В результате население дало ей решительный отпор».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

32. «Дезорганизация сверху общественного мнения: одна из сводок ОГПУ, помеченная августом 26 г. Ход украинизации в Абинском районе определяется так: сначала оживленно, потом – топтание на месте, потом по команде «стой» все замерло».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

33. «Ввод данного обследования таков:

А) Основными причинами задержки украинизации и затруднений ее разъяснения массам надо считать русификаторские предрассудки населения, колебания и противодействия плохо коренизованного аппарата, одностороннее и поспешное (без достаточного партруководства и преимущественно в административном порядке) развитие сети украинских школ первой ступени при ничтожном росте школ второй ступени, изб-читален, ликпунктов и профобразования и полном исключении даже в перспективе украинизации станичных и вышестоящих органов управления и общественных организаций.

Б) Следствие этого – в результате преимущественно никуда не годного разъяснения – большинство собраний – против украинизации.

В) При этом середняки и бедняки очень часто пассивно относятся к языку преподавания в школах, почему голосование собраний должно рассматриваться как выражение организованной воли кулачества и служащих, с бою берущих школу второй ступени и просвещение вообще.

Г) Где нет нарочитой дезорганизации общественного мнения в вопросе украинизации, где партийная организация не чинит препятствий к нормальному разъяснению, там оно несомненно сопровождается успехом.

Д) Ни один вопрос строительства не ставится на Кубани в такое ложное и двусмысленное положение, как украинизация. В сущности, отказ от ее разъяснения воспринимается массой как либерализм, как отсутствие у обычно твердой власти своего мнения, либо как политическое лицемерие.

Е) Директивы НКП в деле разъяснения украинизации на Кубани, никем, в том числе и ОкрОНО, не принимаются и не исполняются».

(Из доклада Инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

34. «Выводы

А) Коммунисты, руководящие и руководившие просвещением кубанских украинцев, до сих пор отражали изменчивую линию парт-организации в отношении украинизации. Вследствие этого несоразмерно выростала роль беспартийных украинизаторов в окружном и районных органах просвещения.

Б) Сил ОкрОНО и квалифицированных педагогов на Кубани достаточно для обслуживания украинизации учреждений методической помощью и подготовки учительских кадров.

Не исключается возможность привлечения на Кубань ценных специалистов-украинцев со всего края и из разных мест РСФСР, не говоря уже об Украине».

(Из доклада Инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

35. «Характерным является такое заявление украинских работников: «Если хотите приказать казаку-хлеборобу, говорите на рус-

ском языке, если же надо в чем его убедить, то понятнее и роднее будет для него родной язык».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

37. Это превращение «языка Ленина» в язык приказа надо отнести насчет того, что слишком редко от имени партии наряду с русским языком звучит в станице язык убеждения, язык массы. Когда пишется этот доклад, Кубань фигурирует на последнем месте по заготовке хлеба. Видно, не хватает чего-то армии агитаторов, чтобы ослабить влияние кулачества, чтобы устранить его сильным организующим воздействием на низы станицы нашей агитации. Этой армии не хватает основного оружия – близкой хлеборобам речи – языка».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

38. Украинская школа – подлинно хлеборобская школа, середняцко-бедняцкая почти на 90 %, даже в богатых станицах, чего никак нельзя сказать о станичной русской школе, особенно второй ее ступени.

Обследование показало и другое.

В украинской школе бедняцкие дети и дети батраков самостоятельны, успевают и, вместе с учащимися из середняцких семей, составляют основу школьной украинизации, как в первой, так и во второй ступени».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

39. «А) При почти полном обеспечении русской школы первой ступени Северного Кавказа Кубани школьным учебником, его почти лишена украинская школа.

Б) Первый опыт создания украинского букваря показал, что нерадение Край- и ОкрОНО к своевременному и технически удовлетворительному выполнению директивы НКП о местном учебнике украинской школы имеет место.

В) Букварь этот («До науки»), являясь подлинным созданием местной школьной практики, построен на языке ребенка и семьи: он разбивает заблуждение, что «кубанское наречие» особенно близко к русскому языку и чем-нибудь существенно отличается от украинского».

(Из доклада инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

40. «Я упоминал об Ильской школе («9 января»). Во второй группе этой школы руководительнице не удается перевод на русский язык столь обычной у нас беседы:

– Какого цвета крылья у курицы, петуха?

– На три аршина (По-видимому, детям показалось, что их спрашивают о высоте полета курицы).

– Зачем петух поет?

– А то кибець бьеть – щоб разбигались курчата.

– Какая разница между цыпленком и курицей?

– Воно манэсинькэ и нэ пидхож на матку.

(Из доклада Инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

41. «Украинизация просветительных учреждений проводится при условии вынесения населением и по его инициативе решения об украинизации, без допущения каких-либо опросов или постановки вопросов в связи с украинизацией на сходах не по инициативе самого населения».

(Из доклада Инспектора Розина Коллегии НКП, июнь 1928 г.).

42. «16 июня 1928 г. я обратился, представив свое командировочное удостоверение, к замредактора кубанской газеты «Красное знамя». Т. Лепорской с просьбой разыскать статью, напечатанную в газете в 1925 г., «Кто же прав?». Лепорская меня сначала спросила: «О чем написано в этой статье?». «Об украинизации», – ответил я. – «А есть у Вас разрешение Кубокружка?». Я ответил, что такового разрешения не имею, и что материал мне нужен для комиссии. Тогда она спросила по телефону Окрком партии, можно ли дать эту статью. И только по получению удовлетворительного ответа, дала необходимый материал».

(Чапала)

...

44. «Инспектор по народному образованию Уманского района Куб. округа т. Орехов пишет: «Первой станицей, подвергнутой обследованию, была Крыловская. Обследование работы избы-читальни выявило, что украинские газеты у избача, вместо того, чтобы лежать

на столе, лежали в углу комнаты за семью замками. Кроме избача никто, даже из учительства, не знал о существовании таких газет в избе.

Завшколами жаловались, что стансовет (вернее, секретарь стансовета) смеется с тех бумажек, которые они пишут на украинском языке, не принимает их и отправляет обратно, чтобы школы переписали на русский.

Затем мною вопрос об украинизации был перенесен на заседание членов стансовета. Стансовет, после горячих прений, вынес единогласное постановление, что проводимую украинизацию школ считать жизненной мерой, предложил президиуму стансовета широко проинформировать население о значении украинизации школ. Присутствовало на заседании совета 3/3 членов совета...

Ведется культурно-просветительная работа среди девушек на украинском языке (в рукодельном кружке). Причем сами эти девушки настолько заинтересовались работой, что постановили, чтобы «вся внутренняя работа в кружке велась на украинском языке».

...Местный учитель 4-той русской группы, Балковой, видя, что ему на следующий год уже в школе места не будет, повел агитацию среди членов совета за то, чтобы отменить украинизацию. Совет вынес постановление об отмене украинизации. Когда мною был поднят вопрос на заседании совета. То голоса разделились. Совет не пришел ни к какому решению (сидели 6 часов), и перенес решение этого вопроса на родительское собрание. В результате беседы с членами совета, часть их стала защищать украинскую школу, причем один из членов совета, тов. Мыц, когда и Балковой заявил, что надо бы оставить школу украинской, сказал: «Стыдно вам, тов. Балковой, говорить это, и тем ставить нас пред инспектором в неловкое положение. Ведь только благодаря вам мы вынесли постановление против украинизации школы».

...

46. Ст. Неберджаевская Куб. округа (корреспонденция хлебороба).

«С 1923 г. в некоторых школах стали учиться по-украински. Население хорошо не знало о том, что можно учить детей и по-украински. Когда в юбилей Шевченко был сделан доклад о поднятии культуры хлеборобов, об украинской школе, население постановило украинизировать школы. Но здесь выявились противодействия со

стороны некоторых русских учителей и председателей стансоветов, которые совсем не понимают и не хотят понять политики соввласти. Так школы и не украинизировались. Еле удержались те группы, которые до того времени были украинскими. Такое головотяпство совсем не нужно в советской республике. Надо обратить внимание на это явление кому следует».

47. «Большую дискуссию подняли в «Красном знамени» относительно издания газеты для кубанских украинцев.

Газету, бывшую «Советский станичник», начали печатать на украинском языке. Казалось бы, что нет надобности говорить так много по этому вопросу. Однако это не так. Нашелся пяток людей, которые враждебно относятся к украинцам. Я, рабочий от станка, также хочу сказать за издание на Кубани газеты на украинском языке. Так говорит пословица; «Немец по немецкому, турок – по турецкому». Так и мы, украинцы. Хоть и долго были оторваны от своего родного языка – хотим также видеть свое украинское печатное слово. И также выносим свой протест против некоторых «московских украинцев», которые хотят уничтожить украинский язык. И казак, и иногородний, и рабочий, который вышел из Украины. Они еще не забыли своего украинского языка и интересуются украинским печатным словом».

(корреспонденция рабочего главной типографии г. Краснодара тов. Лисицына).

48. «Признаемся, что первый раз в жизни пишем в газету – но нужно. Нахрап и несправедливость статьи, которая была помещена в газе «Красное знамя» против нашего языка и «Радянського станичника» глубоко оскорбила нас, как хлеборобов-украинцев. Может быть и правда, что мы не особенно бойко читаем. А что до того, что мы не понимаем своего языка, то на это мы заявляем, что эти товарищи брешут, да еще и здорово. Мы, хлеборобы станицы Абинской, очень рады, что имеем честь видеть и читать свою родную газету не только по духу, но и по языку».

(коллективная корреспонденция хлеборобов ст. Абинской).

49. «Другой хлебороб Симаненко в своей корреспонденции пишет: «Нам, иногородним и казакам-кубанцам, легче выгучить полсотни непонятных нам теперь политических украинских слов, чем

выучить весь русский язык. И мы не стесняемся этого, пусть такие ученые люди, как Галковский, смеются с нас, мужиков. Они, интеллигенты, умеют и любят смеяться с целой нации. А мы по-простому скажем: незнакомые нам слова выучим через нашу газету «Радянский станичник». А вы, товарищи противники «Радянского станичника», забываете о том, что сказал т. Сталин. А он сказал: 75% внимания великодержавному шовинизму, а 25% – шовинизму национальному».

50. «Инспектор народного образования Каневского района, Кубанского округа, пишет: «Челбасская изба-читальня украинизировалась, как говорится, с низов. Ночью ребята сорвали вывеску. За неделю до праздника вместо «Изба-читальня» написали «Хата-читальня» и повесили на то самое место – это начало украинизации».

51. «Третий районный съезд советов считает необходимым просить Окрисполком провести следующие мероприятия:

1. Отмечая большую тягу украинского населения к изучению своего материнского украинского языка и наличия достаточного количества населения этой национальности, третий райсъезд советов просит Окрисполком уделить этому вопросу максимальное внимание, приняв меры к расширению сети украинских школ и обеспечить последние всем необходимым для правильного их функционирования. Кроме того, съезд считает необходимым увеличить выпуск периодических изданий и литературы (особенно с/х на украинском языке».

(Выписка из резолюции по докладу о работе Окрисполкома на третьем съезде советов Каневского района Кубокруга).

52. «П. 3. Принять меры к переводу на родной язык обучения школ с украинским детским составом, продолжающим еще вести обучение на русском языке...

П. 18. Имея в виду преимущественный украинский состав населения района, приступить к украинизации изб-читален, укомплектовать последние избачами-украинцами».

(Выписка из резолюции по докладу инспектора ОНО на третьем съезде советов Каневского района, Кубанского округа).

53. «23 марта 1928 г. Совершенно секретно, Крайком ВКП(б), подотдел нацмен.

«На Ваш запрос от 22 марта с. г. за №238/с сообщают: закрыты 2 украинские школы в Кушевском районе Донского округа, в станицах Кисляковской и Новосергиевской. В первой школа существовала 4 года, во второй – 3 года.

Забастовка учеников, вернее, родителей учащихся, была от 25 по 27 ноября 27 г., которые не пустили детей в школу, заявив: «Если так будете учить, то мы не пошлем детей в такую школу. Причины забастовки – снятие украинских учителей из украинской школы и переброска их в русскую школу. А вместо украинских учителей перевели русских учителей, которые заявили: «Лучше нас увольте, мы на украинском заниматься не станем. Это была одна из главнейших причин забастовки и последствие закрытия украинской школы и перевода ее в русскую, точно так же и в станице Новосергиевской».

(Секретарь Укрсекции Донкома ВКП(б) Мирошниченко).

54. «Приветствовать политику партии и соввласти по проведению украинизации на Кубани, как политику, освобождающую украинское население от бывшего царского насилия над нашим родным языком.

Линию, взятую партией по проведению украинизации, считать правильной и всесторонне содействовать партии в проведении украинизации и постепенном украинизировании всех учреждений в станице.

По возможности в короткий срок перевести все учреждения и нарсуд на украинский язык. Школу второй ступени также постепенно перевести на украинский язык, оставив русский как предмет.

(Постановление Уманского стансовета Кубокруга от 14 марта 1926 г.)

55. «Председателю Совета Народных Комиссаров Украины т. Чумарю от украинской колонии г. Новороссийска.

Приблизительно в мае месяце по инициативе представителя центра т. Розина был поднят вопрос об украинизации Черноморья. С того же времени в целях усиления работы по украинизации был поднят вопрос об открытии в г. Новороссийске украинского клуба. Было

решено с этого учебного года открыть на Черноморье 25 украинских школ. И вот несмотря на то, что уже идет почти четвертый месяц, дело по украинизации не продвинулось ни на шаг. Учение по школам началось, но ни одной украинской школы не открыто. Дело с открытием в городе украинского клуба также затормозилось. Окрисполком вынес постановление передать украинской колонии помещение бывшего Налбанова. Парткомитет также вынес такое постановление, но до этого времени ничего не сделано. Помещение не передано, и украинская колония, как всего Черноморья, так и города Новороссийска, осталась без своих культурных учреждений. Несмотря на то, что на Черноморье живет более 70 % украинского населения, а в самом г. Новороссийске его есть большое количество – никакой культурно-национальной работы не ведется. Пользуясь Вашим коротким пребыванием в г. Новороссийске, мы, представители бюро украинской секции при клубе «Нацмен», от имени украинской колонии г. Новороссийска обращаемся к Вам как к представителю правительства родного нам народа Украины за моральной и идейной помощью – поддержать наш вопрос про скорейшее открытие в г. Новороссийске украинского клуба, где мы могли бы вести подготовительную работу по украинизации Черноморья, которую окончательно начать хотя бы с другого учебного года, подходя к этому постепенно. Без своего клуба начать работу мы не сумеем, так как клуб нацмен насчитывает всего только одну комнату, где должны работать украинцы, евреи, греки, армяне, итальянцы и другие. Ясно, что там никакая работа не может быть.

Девятый год кончается советской власти, а мы, украинцы как всего Черноморья, так и г. Новороссийска, остались без своих родных культурных учреждений несмотря на свое большинство.

Обращаясь к Вам, любимый товарищ, просим поддержать нас перед местной властью. Как перед Парткомом, так и Окрисполкомом, что бы мы, хотя на кануне 10-й годовщины Октябрьской революции, имели свой клуб, где смогли бы развернуть свою родную культурную работу, которой были лишены все девять лет революции и до революции в период царской власти».

(15 сентября 1926 года. Перевод с украинского Е. Троицкой, члена ВКП(б)).

...

57. «...Ввиду того, что вопрос украинский имеет серьезное значение на Северном Кавказе, необходимо округам с украинским населением, в строгом согласии с национальной политикой партии, разрешить все вопросы, связанные с жизнью украинского населения».

(Из резолюции по докладу Крайкома ВКП(б) на третьей краевой партийной конференции, г. Ростов-на-Дону, декабрь 1925 г.).

59. «Родители учащихся школы второй ступени г. Краснодара телеграфируют т. Луначарскому и Совету Национальностей ЦИК СССР: «Распоряжением КубОНО первая и единственная в крае украинская школа-девятилетка Краснодара превращена в русскую... Будучи деморализованы разгромом единственного национального культурного очага края... родители, состоящие из трудового элемента, просят оградить детей от антипедагогических экспериментов подобного рода и нравственного уродования и сохранить указанную школу как украинскую».

60. «Крайком ВКП(б) – Украинской секции, 5/1. 1928 г. Украинская секция Донкома ВКП(б) просит расширить «Червону газету», т. е. издавать ее не еженедельной, а ежедневной, в крайнем случае, издавать 3 раза в неделю. Также в украинской газете выпустить двухнедельник по пионерскому движению, т. е., издать детский журнал при газете для обслуживания детей украинских школ. Хлеборобы настойчиво требуют расширения газеты и заявляют, что Вы не хотите издавать нашу газету, когда как русские газеты издаются ежедневно.

Такие заявления были сделаны в Старо-Минском районе и Кущевском во время моего обследования, а также на пленуме Старо-Минского Райисполкома, где особенно высказывались в пользу расширения «Червоной Газеты».

(отношение Укрсекции Донкома ВКП(б)).

61. «...Но этого мало. Кубокружком постановляет: «Ввиду того, что в станице Полтавской имеется Украинский педтехникум, ликвидировать украинское отделение при Краснодарском педтехникуме. Вопрос о ликвидации украинского отделения при Кубанском педагогическом институте оставить открытым до приезда товарища Базар-

ника (ректора института). Тогда враждебно настроенные мелкобуржуазные элементы имели такой козырь в своих руках. По соседству, в Черноморском округе, ставят на родительских собраниях вопрос об украинских школах и говорят родителям, что нужно учить детей русскому языку потому, что нечего будет делать их детям после школы первой ступени, потому что в Краснодаре «уже все закрыли». Родители, недолго думая, единогласно голосуют за русскую школу. Таким образом, закрыли все три школы в Черноморском округе.

Да не только в Черноморском округе закрыли украинские школы. Закрыли уже в этом году и в некоторых станицах Кубанского округа. «Само население этого не желает» – говорят местные работники. Конечно, если Вам скажут, что на Москву поезда не ходят, то кто скажет: «А я поеду». Никто не захочет ехать».

(Из статьи, напечатанной в харьковской газете «Висти ВУЦИК»).

62. «Главнейшим затруднением в работе по украинизации на Кубани являлся в прошлом однобокий характер этой работы, ограничивающийся культурно-просветительской областью, или, вернее, областью школы первой ступени. Низовой госаппарат, общественные, союзные и парторганизации стояли в стороне от этой работы. Что естественно порождало недоверие у хлеборобов к прочности и серьезности целей, выставлявшихся при украинизации школы, возможности практического использования украинского языка вне узких границ семьи. На этой почве в некоторых случаях происходило разочарование населения в украинской школе, и школа просуществовала один или два года. По настоянию родителей опять переходила на преподавание на русском языке (ст. Дядьковская). Только совместная работа всех партийных, советских и общественных организаций в отношении украинизации обеспечит безболезненный переход культурно-учреждений на украинский язык и создаст почву для успешного развития украинской культуры на Северном Кавказе».

(Письмо Зав. КубОкрОНО тов. Потапова в Кубокрком ВКП(б) 19 августа 1926 г.).

63. «Препровождая при сем копию распоряжения КрайОНО по вопросу об украинизации школ, обслуживающих украинское население, посланного Кубанскому и другим округам края, КрайОно со-

общает, что по вопросу о проведении работ среди украинского населения на его родном языке имеются известные вам постановления II кубанской окружной партконференции, постановление Бюро Куб. Окружкома, коллегии АПО Крайкома.

На основании указанных постановлений в текущем учебном году велась частичная работа по переводу школ на украинский язык в районах с компактным украинским населением преимущественно в Кубанском округе. Работа проводилась в строго плановом порядке и, по имеющимся у нас сведениям, никаких конфликтов с населением на этой почве не возникало. Но возможно, что на местах имели место случаи недоразумений с отдельными гражданами. Однако, в КрайОНО никаких материалов по этому вопросу не поступало.

В тоже время по линии КрайОНО никаких специальных распоряжений, направленных к усилению украинизации Края, не издавалось».

(докладная записка И. Об. Зав. СК КрайОНО, 16. 08 1926 г.).

64. «По поручению студентов, которые выдержали испытание на первый курс Украинского отделения Краснодарского Педтехникума обращаемся к Вам с просьбой как к секретарю Крайпарткома. Помогите нам!

Вот уже около месяца, как мы поступили на украинское отделение Краснодарского педтехникума. Но до сих пор не учимся потому, что неожиданно выяснилось, что украинского отделения при КПТ не будет. И теперь мы не знаем, что делать. Приходится тратить время, когда как везде началась учеба. Пробовали мы обращаться к завпедтехникумом, но получили от него такой ответ: «Я здесь ни причем. Возможно, что отделения не будет». Тогда мы обратились в украинскую секцию КрайОНО. Но выяснилось, что ее уже нет, и потому мы ответа не получили. Так мы и не знаем, откроется ли украинское отделение? Может быть Вы, как секретарь Крайпарткома сможете урегулировать этот вопрос и выведете нас из неопределенного положения.

(Обращение группы студентов в украинскую секцию Парткома 27 сентября 1927 г., г. Краснодар).

65. «Женщины говорили о том, как калечат их детей в русских школах, как трудно детям учиться. А они, матери, не могут ничем

помочь детям, потому что сами не понимают как следует ни русского языка, ни русской книги. «Нужно», – говорила одна женщина, – чтобы ребенок сначала учился своему родному языку, а потом учил другой язык, какой он захочет».

«Вылежишь, скажешь иногда пару слов», – говорила одна женщина, – потом русского слова не подберешь, мысли перепутаются, забудешь, что хотел сказать, застесняешься. И больше ничего не скажешь. Тем и кончается твоя речь. А в стороне стоят и смеются. Начать же говорить по-своему, по-украинскому, стыдно. Потому что украинский язык еще до сих пор считается на местах, в станицах, языком некультурным».

(Из выступления делегатов на Кубанской Окружной женской конференции, 22 марта 1926 г. Перевод с украинского Ф. Ч.).

66. «Наш секретарь товарищ Хатай – партийный. Он не любит украинского языка. Инспектор давно спросил секретаря: «Почему не видно ни в читальне, ни у учителей украинской газеты?». Он ответил инспектору: «Население украинского языка не понимает. Тут говорят на кубанском языке». Может быть, Вы мое письмо напечатаете. На меня за это, безусловно, рассердится секретарь. Хотя, правду сказать, я не очень боюсь его гнева. Потому, что, хотя я беспартийный, отношения у меня с партийными хорошие».

(письмо в редакцию К. С. от 19 03. 1928).

67. «В станицу (Ильскую) приехал из Ростова с инспекторско-го съезда инспектор, он сказал: «В крае решено: старые украинские школы пусть существуют и далее, но с особого разрешения родителей. Новых открывать не следует. Украинизация дальше не пойдет».

(из письма в газету «Червоная газета» Омеляновского из ст. Ильской Кубанского округа).

69. «В избе-читальне ст. Славянской Куб. Округа кроме «Кобзаря» и хрестоматии «Червоны зори» ничего нет. Эти две книжки всегда на руках и невозможно добиться их прочитать».

(Г. П-к «Ч.Г.» №16. 1926 г.).

70. «В ст. Ново-Мышастовской работал кружок украинских селькоров, выходила украинская стенгазета «Червони Хвили». Из

округа поступило распоряжение слить русский и украинский кружки, газету «Червони Хвили» закрыть, а оставить «Куточек» для украинцев в русской газете. Несмотря на то, что украинского материала было гораздо больше».

(Тим. Иващенко «Ч.Г.», № 18, 1926 г.).

71. «Фи, какая гадость! Снова этот Гапоненко (учитель) заговорил на собачьем языке...», – говорят члены Рабпроса во время выступлений на собраниях учителя Гапоненко».

(«Ч. Г.», № 21. 1926., «Староста»).

72. «В Краснодаре пробовали закрыть украинскую школу-девятилетку. В Полтавской, Куб. округа – семилетка русская – это портит дело украинизации. В ст. Пластуновской, Куб. окр., пять школ первой ступени украинизировано. Одна школа второй ступени – русская. Ненормальность удивляет население...».

(«Червона газета», № 23, 1926 г., «Б. В.»).

74. «В Новороссийске тяга к украинской книге и газете есть. Но ни клуба, ни библиотеке украинской нет. Почему так?».

(Из письма Д. С. в редакцию «Ч. Газеты»).

75. «Родительские собрания в ст. Ново-Мышастовской решили украинизировать школы, несмотря на то, что многие работники были против этого».

(Из письма в редакцию Гаюры).

76. «Завшколой ст. Березанской Куб. окр. агитирует против украинизации. Сам он – русский».

(письмо «Работника в газету «Ч. Г.»).

77. «Избач ст. Ново-Корсунской запретил украинскому драмкружку работать самостоятельно, отдельно от русского кружка».

(из письма в редакцию, помещенного в «Ч. Г.» № 33).

78. «Советский пахарь» напечатал в декабре 1926 г. фельетон, осмеивающий украинизацию школ (не методы украинизации, а сам принцип).

79. «В газете «Красное знамя» Кубанского округа помещаются статьи против украинского языка. Проповедуется «самостийна кубанска мова».

(статья Райнгардта).

80. «В ст. Неберджаевской русские учителя добились закрытия украинских школ».

(статья в «Ч. Газете» № 39, 1926 г.).

81. «Избачи ст. Атаманской, х. Лебеди, Ново-Кубанского против снабжения изб-читален украинской литературой».

(Письма в редакцию «Ч. Г.»).

...

83. «Потому что прислали русского ликвидатора в ликбез ст. Анастасиевской – украинский ликбез превратился в русский».

(Письмо в «Червону газету» № 1 за 1928 г.).

84. «В станице Кисляковской, Донского округа, закрыта украинская школа, бывшая 4 года украинской. Чтобы сделать ее русской, РайОНО заменил украинского учителя русским. То же и в станице Ново-Сергиевской».

(см. статью в «Ч. Г.», № 3, 1928 г.).

85. «Благодаря поддержке ячейки ВКП(б) русифицирована школа первой ступени».

(Письмо в редакцию).

86. «В «Неделю печати» в ст. Ново-Мышастовской не было ни одного доклада об украинской печати, хотя по плану и нужно было это делать. Секретарь ячейки отмахивался: «Пусть когда-нибудь поговорим об этом».

(Тимофей Иващенко. «Ч. Г.». № 9. за 1926 г.).

87. «Избач ст. Смоленской Кубанского округа, несмотря на распоряжение стансовета, выписал для избы-читальни только русскую литературу, и не одного украинского экземпляра».

(Ол. Л. «Ч. Г.» № 11 за 1926 г.).

88. «Завполитпросветом ст. Ново-Корсунской Куб. Округа Севастьянов, несмотря на распоряжение партии и советской власти, плохо относится к украинизации. Тех, кто пробует разъяснить населению суть украинизации, называет шовинистами».

(К. Гапоненко. «Ч. Г.», № 11, 1926 г.).

Составил выборку Ф. О. Чапала. 27. 07. 1928.

О созыве I Всероссийского съезда украинских работников просвещения (№ 8007 от 7. VIII 1928 г.)

На 1 октября с. г. в Москве созывается I Всероссийский съезд украинских работников просвещения.

Повестка дня съезда:

1. Национальная политика советской власти.
2. Состояние и перспективы просветительской работы среди украинского населения РСФСР – доклад ЦСНМ НКП (Лиэ).

Содоклады: а) Центрально-Черноземного облоно, б) Кубанского окроно.

3. Введение всеобщего обучения среди украинского населения РСФСР и методы перевода школ на родной населению язык – доклад Главсоцвоса (Эпштейн).

4. Политико-просветительская работа среди украинского населения на родном языке – доклад Главполитпросвета (Кравченко).

На съезде будут работать секции – соцвоса, политпросвета и комиссии по профобру.

Продолжительность съезда – 4 дня.

Общежитие и питание участников съезда – за счет центра, проезд в оба конца – за счет мест.

Разверстка мест.

1. Центрально-Черноземная область 10 мест (Разверстка мест по округам по усмотрению Облоно)

2. Серво-Кавказский крайно 1

3. Кубанский окроно 3

4. Донской – 1

5. Армавирский –1»– 1

6. Ставропольский –»– 1

7. Донецкий –»– 1

8. Таганрогский – I
9. Черноморский –■»– I
10. Сальский –»– !
11. Сибирский крайоно 1
12. Омский окроно 2
13. Славгородский –»– 1
14. Томский –»– I
15. Барабинский –■»–I
16. Ново-сибирский окроно 1
17. Уральский облоно I
18. Самарский губоно 2
19. Саратовский – I
20. Сталинградский –1
21. Брянский –1
22. Редакция «Червоной газети» I
23. – журнала «Новим шляхом» 1
24. Украинское отделение
Кубанского пед. института 1
25. Кубанский украинский педтехникум
в ст. Полтавской 1
26. Грайворонский украинский педтехникум I60
27. Россошанский –»– – «– i
28. Украинское отделение Кубанского раб-ка –»– 1
29. –»– –»– Воронежского –»– 1

На съезд приглашаются представители НКП автономных республик Казахстана и немцев Поволжья.

Придавая особо важное значение I Всероссийскому съезду украинских работников просвещения, Наркомпрос просит ОНО принять все меры к посылке делегатов на съезд.

Прилагаемый опросник в заполненном виде прислать к 1 сентября, а к 25 августа сообщить фамилии и занимаемую должность командированных на съезд.

Участники съезда в Москве являются по следующему адресу:
Москва, Малый Харитоньевский, 4, дом съездов Наркомпроса.
Замнаркома В. ЯКОВЛЕВА
Зам. пред. Совнацмена В. ЛИЭ
Схема вопросов по украинской работе.

Точные статистические сведения (на основании переписи 1926 г.) об украинском населении в абсолютных цифрах и в процентах к населению в целом:

- а) по округам (уездам);
- б) по районам (волостям);
- в) по возможности – по отдельным населенным пунктам;
- г) процент украинского населения, признавшего украинский язык родным.

1. Изучался ли украинский язык в массе населения и среди интеллигенции (привести данные по этому вопросу).

Сведения о школе I ступени:

- а) детские контингенты;
- б) наличные украинские школы и группы в них, число учащихся и педагогов;
- в) процент обслуживания украинских детей школой на родном языке;
- г) то же русской школой;
- д) 5-летний план перевода школ на родной язык и развертывание сети укр. школ;
- е) отношение руководящих органов и разных групп населения к переводу школ на родной язык;
- ж) какие приняты учебники и пособия;
- з) подготовка и переподготовка работников.

Украинская школа повышенного типа:

Те же сведения, что и по I ступени, кроме того:

- а) социальный состав учащихся;
- б) подробные сведения о педагогах, в частности об их подготовке по украинским дисциплинам;
- в) украиноведение в русских школах с украинским составом учащихся.

Сведения о политпросветработе.

- а) Украинские ликпункты, их клиентура, процентное отношение к русским ликпунктам с украинским составом учащихся;
- б) отношение взрослого населения к ликвидации неграмотности и малограмотности на родном языке;
- в) какие приняты буквари, учебники и пособия;

- г) степень и формы украинизации;
- д) работа избы-читальни;
- е) количество украинской литературы и газет;
- ж) художественная работа. Организационные формы, творчество и самодеятельность широких кругов украинского населения¹⁹.

Протокол заседания комиссии Крайисполкома по вопросу украинизации. Гор. Ростов-на-Дону (1928 г.)²⁰.

Участвовали: т. т. Балахнин, Корольков, Рудь, Пономарев, Чапалов и Белячков.

Присутствовали: т. т. Емельянов и Бровцов (Кубань), Сухопаров (Крайфу), Маркулис (Дик), Кудлаев (Кр. РКИ), Чубарь и Беляев (професс).

Председательствовал – тов. Балахнин, секретарствовал – тов. Евдокимов.

1) Сообщение тов. Балахнина о выводах, полученных на основе изучения материалов в историческом разрезе.

В прениях участвовали: Пономарев, Белячков, Бровцов, Рудь, Маркулис, Емельянов, Кудлаев, Чубарь и Чапало.

Постановили:

1) Начиная с 1925 года вопрос украинизации на Северном Кавказе был поставлен в порядок дня, но в силу тех обстоятельств, что Край находился в периоде организационного оформления, украинизация была ограничена лишь переводом школ первой ступени на родной язык, причем количество учащихся в украинских школах к настоящему времени достигло 36 000 человек.

2) В силу этих причин вся работа по украинизации культпросвет учреждений не имела определенного плана и не была обеспечена достаточным руководством, вследствие чего работа по украинизации не имела четкости, что привело к частичной деукраинизации сети. Однако общее количество украинизированных комплектов в отдельных округах увеличилось.

¹⁹ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 59–61.

²⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 68 – 68 об.

3) К числу недостатков также нужно отнести отсутствие хороших украинских учебников, созданных на местном краеведческом материале, и недостаточного внимания со стороны органов просвещения подготовке соответствующих кадров школьных работников.

Такой же основной причиной ненормальной работы по украинизации было отсутствие украинских школ второй ступени, в силу чего учащиеся украинских школ первой ступени не могли продолжать дальнейшее образование на родном языке, и отсутствие работы по украинизации низового советского аппарата.

4) Опасностью проведения украинизации в прошлом была словесная рознь между казаками и иногородними.

С каждым годом словесная рознь все изживается, что позволяет в настоящее время поставить вопрос украинизации в более широком размере. Как низового советского аппарата, так и культурно – просветительских учреждений. Она должна быть направлена в течение ближайшего времени по следующим путям:

1) Провести широкую подготовительную и разъяснительную работу среди широких масс украинского населения о целях и задачах, которые ставят перед собой партия и советская власть в деле украинизации.

2) Органом народного просвещения с 29–30 учебного года устранить разрыв между первой и второй ступенью украинизируемых школ, обеспечив рост количественного охвата уч-ся украинскими школами второй ступени, учреждениями профессионального образования, школами крестьянской молодежи и т. п.

3) Предстоящую предвыборную кампанию в советы по станицам, имеющих преобладающее большинство украинского населения, использовать с целью выдвижения на ответственную работу товарищей. Хорошо знающих язык и быт украинской станицы.

4) Теперь же начать подготовительную работу, что бы осуществить в течении предстоящего года переход ряда советов в станицах на украинское делопроизводство.

5) Обязать Орготдел Крайисполкома и Краевой отдел Народного Образования продолжать работу по определению стоимости перевода работы на украинский язык советского аппарата и культпросвет учреждений.

6) Поручить Орготделу Крайисполкома и Нацменкомиссии про-

работать вопрос об издании литературы и учебников на украинском языке.

7) Признать необходимым в дальнейшем нацменкомиссии КИК созывать поквартально совещания с представительством мест для работы и заслушивания отчетов с мест по украинизации.

Председатель: Балахнин

Секретарь: Евдокимов.

Выписка из протокола № 49 заседания фракции ВКП(б) Президиума Крайисполкома (5 октября 1928 г.)²¹.

Слушали: доклад комиссии по украинизации (т. Балахнин).

Постановили: а) Признать необходимым введение коренизации в районах с преобладающим украинским населением, понимая под этим введение делопроизводства в сельских и станичных советах и сношения до района включительно на местных наречиях.

Б) В связи с этим, теперь же начать подготовительную работу, чтобы осуществить в течение предстоящего года перевод ряда советов в станицах и селах с преобладающим украинским населением на делопроизводство с местным наречием, а также введение в соответствующих районах параллельного делопроизводства на местном наречии.

В) Предстоящую предвыборную кампанию в советы по станицам и селам, имеющим преобладающее большинство украинского населения, использовать с целью выдвижения на соответствующую работу лиц, хорошо знающих быт и язык коренного населения.

Г) Признать, что всякого рода объявления и постановления сельских и станичных советов с наличием украинского населения должны публиковаться на русском и местных языках.

Д) Открывать и проводить в школах 1-й ступени занятия на местном наречии, лишь при условии согласия родителей.

Е) Иметь соответствующее числу школ 1 – ой ступени количество украинизированных школ 2 – ой ступени, где обучение оставить по типу ныне существующему, т. е. русская школа с обязательным преподаванием украинского языка и украиноведения на украинском языке.

²¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 76–77.

Ж) Поручить Орготделу КИКа собрать точные сведения о составе населения, говорящего на местном украинском наречии по округам и районам, и какое количество населения, не говорящего на этом наречии будет охвачено коренизацией в том случае, если проводить полностью предложения комиссии ВЦИК о коренизации районов с большинством населения, говорящим на местном украинском наречии.

3) Прошу бюро Крайкома данный вопрос рассмотрением отложить до первого заседания Бюро Крайкома после пленума, с тем, чтобы иметь возможность обсудить этот вопрос с местными работниками.

Примечание: все пункты, кроме «а» и «б», приняты значительным большинством (против – 1 – 3 голоса), и пункт «а» и «б» большинством 8-ми против 6-ти голосовавших против коренизации.

Полный за надлежащими подписями.

Верно: И. Сухачев.

Председатель Северо-Кавказского Краевого исполнительного комитета. В бюро Крайкома ВКП(б). (19 октября 1928 г.)²².

Бюро Крайкома поручило специальной Комиссии проработать вопрос об украинизации в крае. Комиссия закончила свою работу, и доклад ее слушался на заседании фракции Крайисполкома.

Прилагая протокол Комиссии, а также постановление фракции, прошу поставить вопрос на заседании Бюро после Пленума, дабы иметь возможность обсудить его предварительно с приехавшими местными работниками.

Решение в отношении обеспечения культурных нужд украинского населения не встретили во фракции разногласий; что же касается коренизации, то голоса почти разделились пополам. Поэтому при рассмотрении в бюро вопроса прошу поставить на разрешение также и мнение меньшинства фракции, которое заключается в следующем:

«Признать необходимым, как правило, в селах и станицах с населением, говорящим на местном украинском наречии, сохранение делопроизводства на русском языке.

²² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 66.

В сельских же и станичных советах с большинством чисто украинского населения (таковые имеются в отдельных округах), вопрос коренизации проводить в порядке работы среди нацменьшинств».

Председатель Сев.-Кав. Крайисполкома П. А. Богданов.

Предложения по вопросу украинизации соваппарата в Северо-Кавказском крае²³.

Заслушав доклад фракции Крайисполкома о ходе украинизации соваппарата в Крае, Секретариат Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) отмечает:

А) слабость проведения краевыми советскими, культурно-просветительскими органами решения Бюро Крайкома ВКП(б) об украинизации, выразившейся в недостаточности разработки конкретных мероприятий по украинизации;

Б) отсутствие в краевом бюджете на 1928–29 г. необходимых ассигнований на расходы, связанные с практическим проведением украинизации.

В) Недостаточность внимания со стороны окружных и районных партийных комитетов к практическому проведению краевого плана украинизации. До сего времени округами (за исключением Террека) не представлены замечания и коррективы по краевому плану украинизации и не разработаны конкретные планы по округам.

Г) Недостаточное внимание со стороны окрисполкомов к выполнению директивы Края по перевыборам советов – по Кубанскому, Донецкому, Армавирскому, Черноморскому округам, вследствие чего в сельских и районных органах власти получилось значительное уменьшение процента депутатов-украинцев.

Д) Совершенно слабую разъяснительную работу по мобилизации общественного внимания вокруг целей и задач украинизации как в краевой, так и в местной печати, и, главным образом, в украинской газете «Червона газета»

Одобрив разработанный фракцией Крайисполкома план мероприятий по проведению украинизации Бюро Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) постановляет:

А) обязать Округкомы ВКП(б) незамедлительно приступить к

²³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 938. Л. 51–51 об.

практическому проведению украинизации, развернув при этом широкую разъяснительную кампанию вокруг этого вопроса.

Б) Планы по практическому проведению украинизации проработать на пленумах и президиумах как советов, так и исполкомов в 37 охваченных украинизацией районах Края.

В) Предложить окружкомам партии и фракции Крайисполкома проследить за своевременным проведением намеченных практических мероприятий по осуществлению плана украинизации в текущем году, предусмотрев необходимые ассигнования в бюджете 1929 – 30 гг.

Г) Предложить фракциям Краевых управлений и Отделов разработать по своей линии вопрос о приспособлении своих местных аппаратов к проведению украинизации.

Д) Поручить окружкомам ВКП(б) дать на места указания:

1. О необходимости выдвижения украинцев на руководящую советско-хозяйственную работу в украинизируемых районах;

2. Приступить немедленно к организации курсов по подготовке категорий работников-украинцев, предусмотренных планом украинизации.

3. В сельсоветах и райисполкомах обеспеченных достаточным кадром работников-украинцев, немедленно приступить к переводу делопроизводства в этих административных единицах на украинский язык.

Для усиления практического руководства в деле украинизации фракции КИКа обязать Орготдел Крайисполкома совместно с Нацменкомиссией и украинской секцией периодически заслушивать доклады местных советских органов о ходе выполнения украинизации на местах.

Поручить фракции Крайисполкома по истечении 6-месячного срока поставить перед бюро Крайкома ВКП(б) доклад о выполнении плана украинизации.

Резолюция по вопросу об украинизации Кубанского округа (7 июня 1929 года)²⁴.

1) Признать недостаточным темп работы по развертыванию украинизации Округа

²⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560. Л. 6–7.

2) Считать необходимым закончить в 3-х летний срок / 1929 – 1931 календарный год включительно / полную украинизацию 12 районов, согласно плана Крайисполкома о проведении украинизации аппарата всех окружных учреждений к концу 1931 года, обеспечив нормальную работу с теми районами, остаются не украинизированными.

3) Предложить АППО ОК развернуть широчайшую агитпроп-работу среди населения, обеспечивая этим наиболее быстрое и безболезненное проведение этого мероприятия.

4) Немедленно приступить к проведению в жизнь следующих мероприятий:

А) Создать при ОИК комиссию по проведению в жизнь плана украинизации Округа, под председательством т. Катенеева из представителей советских, партийных, профессиональных и кооперативных организаций, предложив фракции ОИК подработать и внести на утверждение Бюро ОК персональный состав.

Б) Образовать при окружных советских, кооперативных и профессиональных организациях комиссии по практическому проведению украинизации своих аппаратов, подчинив деятельности этих комиссий Центральной окружной при ОИК комиссии.

В) Создать при РИКах постоянно действующие комиссии по украинизации под председательством предРИКа для руководства всей работой по украинизации района.

Г) Украинизировать полностью следующие районы Кубанского округа:

в 1929 году – Славянский

в 1930 году – Павловский, Краснодарский, Брюховецкий, Тимашевский и Каневской

в 1931 году – Приморско-Ахтарский, Темрюкский, Абинский, Кореновский, Горяче-Ключевской и Северский.

А в районах: Ново-Покровском, Тихорецком, и Усть-Лабинском, где украинизация не проводится, выделить для перевода работы на украинский язык отдельные советы с украинским населением, точно так же, как в украинизируемых районах выделить советы, сохраняющие работу на русском языке.

Д) В месячный срок поручит комиссии провести учебу всех работников-украинцев в партийных, советских, профессиональных,

кооперативных и общественных организациях и учреждениях, приступить к переподготовке имеющихся сил и выдвижению в аппарат новых, организуя для них специальные курсы по ликвидации неграмотности на украинском языке.

Е) Комиссии разработать план перевода работы парторганизации на украинский язык, организовав подготовку и переподготовку работников для этой цели.

Ж) Для обеспечения украинизируемых районов пропагандистскими силами, создать с осени этого года при СПШ украинское отделение; одновременно с этим разработать порядок перевода СПШ на украинский язык, с таким расчетом, чтобы к концу 1931 года школа полностью перешла на него.

З) Предложить газете «Красное знамя» начать немедленно пропаганду вопросов украинизации на своих страницах и представить на утверждение бюро практические мероприятия по переводу газеты на украинский язык.

И) Признать необходимым срочно послать на Украину и Воронеж комиссию, с участием и работников районов, с целью изучения опыта украинизации. Фракции ОИКа увязать с краевыми организациями посылку этой комиссии, совместно с делегациями других округов.

К) В те же сроки в районах, подлежащих украинизации, перевести на украинский язык все учреждения народного образования, включая сюда проф. технические школы, техникумы, клубы, избы-читальни и т. д. Организовать своевременную подготовку и переподготовку соответствующих работников.

Л) В тоже время наметить план частичной украинизации школ Соцвоса, Профобра, и Политпросвета города, закончив проработку этого вопроса к 1 сентября

М) Для обеспечения украинизируемых учреждений Окр. ОНО работниками предложить организовать укр. Отделения при Краснодарском Педтехникуме и расширить соответствующий Укр. Педагог. Техникум в ст. Полтавской.

Н) Принять к сведению расширение Укр. Отделения Педагогического Института с 30 до 130 чел. с выпуском педагогов-украинцев для низшей и средней школы.

О) Окрусду предложить наметить план и сроки перевода на

украинский язык судебных учреждений с таким расчетом, чтобы во всех 12-ти украинизируемых районах был обеспечен более ускоренный по сравнению с общим планом, перевод их, а участки Славянского района перевести к 1 сентября.

П) Предложить Окружной комиссии произвести подсчеты потребных средств на дело украинизации и определить порядок финансирования этого мероприятия.

Р) Предложить Окружной комиссии разработать практический план мероприятий по проведению настоящей директивы и представить его в двухнедельный срок в край, а по линии соваппарата отсылку планов провести не позднее 25 июня.

Верно: Бруданин.

Постановление Северо-Кавказского краевого совета народного просвещения про организацию курсов учителей украинских школ. 1930 год.

8. Об организации курсов учителей украинских школ I ст.

На основании постановления рабочей части Президиума Крайсовнарпроса для обеспечения украинскими учителями школ I ст. организуются курсы по подготовке украинских учителей при следующих педтехникумах и по следующей разверстке комсомольцев на район по посылке на курсы:

а) Полтавский Техникум: Славянский район... 15 чел.

(ст. Полтавская Славянск. района) Тимошевский 1-»-

Корневский 15 -»-

Каневский -»-15-»-

Брюховецкий -»-15-»-

б) Кубанский Техникум: Краснодарск. 25

(г. Краснодар) г. Краснодар -»- 20

г. Ключевск. -»-15-»-

Абинский 1-»-

в) Ставропол. Техникум: Ремонтненск. -»- 10 -»-

(г. Ставрополь) Заовниковск. -»- 10

Пролетарский 10

Курсавский -»- 10 -»-

Дивенский -»- 10

Арзигирский -»- 10- «-

г) Таганрог. Техникум: Таганрог →-15-»-

(г. Таганрог) Таганрогский →-10-»-

Мечетинский →-15-»-

Азовский →-15-»-

д) Кушевский Техникум Кушевский 50

(ст. Кушевская того же района) ст. Минский →- 25 →-

Предлагается всем указанным Райсовнарпросам по окончании курсов использовать окончивших на работе в школах своих же районов²⁵.

Завпредкрайсовнарпроса Гадиев

Зав. Учраспредом Панов.

Предложение

Культпропотдела Сев.-Кав. Крайкома ВКП(б) – «Об украинском журнале «Новым шляхом»» (1 февраля 1930 г.)²⁶.

1. В связи с развертыванием украинизации в крае реорганизовать кубанский украинский педагогический журнал «Новым Шляхом» в краевой общественно-политический, педагогический и литературный журнал для обслуживания украинского советского и культурпросвет. актива, преимущественно украинизируемых районов.

2. Основной программой журнала должно стать: а) мобилизация активности трудящихся украинских масс края вокруг всех задач и мероприятий партии и советской власти в области социалистического переустройства хозяйства края и культурной революции; б) систематическое разъяснение вопросов национальной политики партии значения украинизации; в) осуществление настойчивой непримиримой борьбы с проявлениями великодержавного шовинизма и украинского национализма, давая решительный отпор всем классово-враждебным элементам и их агентуре, пытающимся в своих контрреволюционных интересах использовать политику украинизации в крае. Также слабые места, недостатки в практическом проведении украинизации; г) широкое проведение лозунга пролетарской массовой самокритики в работе по украинизации парт. сов, проф. и кооп. организаций на

²⁵ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923-1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 163.

²⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1053. Л. 10.

основе решений Секретариата «Об украинизации советского аппарата в крае» от 29. 12. 29; д) создание вокруг журнала кадров актива, особенно, украинизируемых районов, в целях привлечения его к постоянному сотрудничеству в журнале.

3. Считать журнал «Новым шляхом» органом Крайисполкома.

4. Перевести журнал из Краснодара в Ростов 15 февраля.

5. Размер журнала определить в 4–5 печатных листов.

6. Ответ. Редактором журнала утвердить т. Чапало Ф.О.

Поручит Культпропу наметить состав редколлегии журнала с утверждением ее на Секретариате Крайкома.

Верно: В. Зилотин.

Об украинизации печати в украинских районах Северного Кавказа (22 ноября 1930 г. Постановления Секретариата ВКП(б) Северо-Кавказского края)²⁷.

Констатировать, что директивы Крайкома об украинизации печати для украинских районов края не выполняются, постановление Крайкома о выпуске журнала «Новым шляхом» не проведено в жизнь, вопросам украинизации печати не придано необходимого серьезного политического значения. Окружные газеты: кубанская «Красное знамя», «Донская правда», донецкая «Знамя колхозника», сальский «Трактор» освещают вопросы украинизации случайно, а, иногда, и неверно («Красное знамя»). Массовая украинская литература издательства «Северный Кавказ» не издается (выпущено всего три книжки, и то с запазданием), колхозная печать в украинских районах издается на русском языке, украинская печать в должной степени не субсидируется.

Отмечая такое отношение к украинизации, как уклон в национальном вопросе в сторону великодержавного шовинизма, Секретариат считает необходимым:

1. Предложить окружкам Кубанскому, Донскому, Донецкому и Сальскому обеспечить в окружных газетах выход не менее чем раз в пятидневку украинских страничек, в которых обеспечить освещение на украинском языке хода коллективизации, текущих хозяй-

²⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1053. Л. 222–223.

ственно— политических кампаний: хлебозаготовки, осенняя посевная кампания и т.д.

2. Краевая «Червона газета» должна стать массовой газетой, обслуживающей колхозников украинских районов края. Предрешить вопрос об учащении выхода «Червонной газеты» с нового хоз. года (не реже чем через день) и об укреплении материального положения газеты.

3. Газете «Молот» и окружным газетам систематически бить по тем, кто тормозит вопросы украинизации, квалифицируя их как укло-нистов от политики партии в национальном вопросе, вести борьбу с великорусским шовинизмом и местным национализмом.

4. Поручить Культпропу разработать порядок перевода колхоз-ных газет, выходящих в украинских районах, на украинский язык и обеспечить в дальнейшем при ликвидации округов организацию га-зет в украинских районах на украинском языке.

5. Просить Контрольную комиссию расследовать и привлечь к ответственности виновников прекращения выхода журнала «Новым шляхом». Фракции Крайисполкома обеспечить материальную сторо-ну, дающую возможность нормального выхода журнала.

6. Издательству «Северный Кавказ» обеспечить своевременный перевод, выпуск и распространение массовой колхозной литературы на украинском языке, выделив для этого специального украинского работника.

Протокол № 21²⁸.

Заседание президиума Краснодарского Гор. КК – РКИ от 6 ян-варя 1931 г.

В составе: членов Президиума – Гусев, Дядловский, Щербаков, Павлович, Сухов, Гаева, Бабаев, Могила, Лобазов, Секретарь Горко-ма – Белячков, член КрайКК – Леонтьев и Еременко.

Слушали: 1. Результаты обследования деятельности Краснодар-ского отделения Укр. ГИЗа, как иногороднего представительства. / докладчик Хлебушкин /.

Постановили: довести до сведения Кр. КК – РКИ, что красно-дарское отделение Укр. ГИЗа, несмотря на наличие на Северном Кав-

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Л. 186.

казе 35 украинизирующихся районов, а, в связи с этим, на громадную потребность в украинской книге, с возложенными на него основными задачами не справилось.

А) Отделение до сих пор в большей степени занималось коммерческой деятельностью и, чтобы оправдать рентабельность своего существования, увлекалось канцтоварами.

Б) Значительная часть украинизируемых районов в сферу влияния отделения до сих пор не влилась. Обслуживаемые же районы украинской книгой снабжались недостаточно, учебниками районы снабжались не полностью.

В) Штат отделения громоздок /12 человек/ и занят в большей степени обслуживанием краснодарской городской клиентуры.

Г) В аппарате почти нет партийцев.

Д) Торговые расходы высоки /от 9 до 22% к обороту, средний годовой 13,1%/.

Помимо этого отметить:

А) Что отделение, на котором лежат задачи снабжать украинской литературой все украинизируемые районы Края, находится в Краснодаре, почему осуществляется постоянный разрыв между руководящими Краевыми организациями и Отделениями.

Б) Что при оставлении в дальнейшем Отделения в Краснодаре, продвижения укрлитературы, как получаемой из Харькова от ДВУ, так и от Краевых издательств будет вызывать постоянные встречные перевозки литературы, т. к. большинство украинизируемых районов находятся на протяжении от Краснодара к Ростову.

Исходя из этого Президиум Гор. КК – РКИ считает, что дальнейшее существование Отделения Укргиза в Краснодаре нецелесообразно, потому высказывается за ликвидацию такового. Продвижение украинской книги во все украинизируемые районы Края Президиум КК – РКИ считает возможным осуществить путем организации в Ростове соответствующей базы, которая могла бы обеспечить потребность в украинской книге через существующую сеть ГИЗа, и сеть потребительской кооперации.

Резолюция совещания райинспектуры о мероприятиях по проведению украинизации на Северном Кавказе 13 февраля 1931 года

Успешное развертывание социалистического строительства по всему фронту на основе решений XVI партийного съезда и VI Северо-Кавказской краевой конференции ВКП(б), завершение и закрепление сплошной коллективизации нашего края и окончательной ликвидации на ее основе кулака как класса опирается в необходимости приведения темпов культурного строительства в соответствии с темпами, взятыми по социалистическому переустройству всего народного хозяйства страны.

Декабрьский пленум Крайкома ВКП(б), выдвигая задачу «решительного и коренного перелома в культурном строительстве», считает, что «культурное строительство является коренным условием нашего дальнейшего продвижения вперед и построения социализма в исторически минимальные сроки», предлагает... «вопросы культурной работы ставить и решать как основные вопросы социалистического строительства».

В свете этих задач проведение национально-культурного строительства, в частности украинизации, как основной из форм этого строительства, приобретает особое значение в условиях нашего края.

Конкретная постановка вопроса об украинизации культурной работы должна ставиться в зависимости от «прямых и конкретных задач социалистической реконструкции, которые (задачи) для районов с преобладанием украинского населения характеризуются большим процентом коллективизации, механизации и интенсификации сельского хозяйства (развитие новых технических культур), потребностью в кратчайший срок разрешить проблему организации, поднятия производительности и культуры труда, внедрения новейшей техники, подготовки соответствующих кадров, вовлечения широких трудящихся масс в социалистическое строительство, т. е. проблему, разрешение которой немыслимо без одновременного развертывания культурной работы на родном языке.

Совещание отмечает положительные сдвиги в области украинизации культпросветучреждений по линии школ I ступени, увеличение количественных показателей (рост школ с 464 до 1000, увеличе-

ние % охвата детей до 65%, издание основных учебников для всех групп I ступени) и качественной стороны работы (издание программ, проведение ряда курсов для учителей I ступени, повышение качества работы школы в связи с коренизацией и т. д.). По линии ШКМ – рост украинизированных школ, увеличение контингентов. По линии подготовки кадров: увеличение педтехникумов с 1 до 7, украинизация Кубанского пединститута, проведение ряда курсовых мероприятий (охват для 1000 чел.), приглашение работников с Украины.

По линии массовой п/п работы: издание краеведческой литературы, украинизация ликбезработы, продвижение через систему кооперации украинской книги.

Наряду с этим совещание констатирует, что темпы проведения украинизации культурно-просветительной работы в такой мере не соответствуют требованиям развертывания социалистического строительства и национальной украинской культуры и отмечает: наличие в практике целого ряда районов политической и практической недооценки значения украинизации; весьма слабое развертывание, а местами и полное отсутствие борьбы с проявлением великодержавного шовинизма как главной опасности и украинского национально-шовинизма, совершенно слабое развертывание борьбы с оппортунистическим отношением проведения в жизнь решений Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома об украинизации в крае; недостаточное проведение разъяснения и популяризации национальной политики партии по линии культпросветучреждений. Для решительного сдвига в вопросе украинизации и дальнейшего развертывания строительства украинской национально-социалистической культуры совещание постановляет:

1. Исходя из положения, что введение всеобщего обязательного обучения на родном языке является могучим фактором развития национальной культуры по форме, интернациональной по существу, и руководствуясь постановлением пленума крайкома о коренизации 70% нацменшкол в 1931 г., органам ОНО на местах принять все меры к выполнению и перевыполнению данного задания в украинских районах края.

2. Решительно бороться с недооценкой политического и практического значения украинизации, с проявлениями великодержавного шовинизма и стремлениями кулачества сорвать мероприятия партии

по украинизации. Развернуть беспощадную борьбу под руководством партии с проявлениями оппортунизма в национальном вопросе в органах народного просвещения.

Широко развернуть массовую работу по разъяснению трудящимся ленинской национальной политики партии, в частности, решения Крайкома ВКП(б) об украинизации путем введения укр. языка в обиход... политжизни, постановкой докладов, вечеров, посвященных укр. культуре и т. д., тесно увязывая с проведением текущих хоз. полит. кампаний.

3. Совещание одобряет решение КСНП о пересмотре украинской культпятилетки в сторону ее расширения и ускорения темпов. Одновременно с этим совещание считает, что сроки украинизации не соответствуют задачам социалистического строительства, поэтому считает необходимым КСНП дать твердые указания об усилении темпов и сокращении сроков украинизации всей сети культпросвет-учреждений, в частности массовой школы (первая ступень, школы переростков, ШКМ и др.). Сеть специальных учебных заведений:

профшколы, с.-х. учр. и др., а также сеть стационарных курсов ускоренных и вечерних ШКМ, колхоз-университетов и т. д. должны также перевести свою работу на украинский язык в наступающем 1931 году.

4. Украинизация сети ликбеза (ликпункты и школы малограмотных) как одной из форм привлечения взрослого населения к активному участию в социалистическом строительстве должна проводиться ускоренными темпами. Совещание считает необходимым поставить перед соответствующими организациями вопрос об усилении снабжения украинской литературой для малограмотных, а также издания краеведческой и газет на украинском языке для детей и малограмотных.

5. Массовая политико-просветительная работа в первую очередь изб-читален, красных уголков, радио-кино в системе единого плана должна быть ведущей в деле украинизации. Поэтому при составлении единого культплана органам ОНО нужно обеспечить все мероприятия, содействующие полному переводу сети п/п. учреждений на родной язык, вовлекая в эту работу все организации. Единый культплан должен быть составлен как план проведения украинизации всей культ.-просвет. работы. Особо должно быть обращено внимание на

проведение украинизации художественного обслуживания. Со стороны КСНП должна быть оказана соответствующая помощь в налаживании руководства сетью низовых художественных кружков, создании опорных баз (кино, театр, музей) и т. д.

6. Проведение украинизации упирается в проблему кадров. Совещание, приветствуя решение НКП УССР об оказании помощи нашему краю в проведении украинизации, в частности, в деле подготовки кадров, считает необходимым:

а) взятый КСНП курс и развертывание сети украинских педтехникумов закрепить, добиваясь более высокого качества продукции их и ускорив развертывание п/п. и дошкольных отделений;

б) учитывая огромную нужду в кадрах для средней школы, Крайсовнарпрос решительно ставит вопрос перед Кубанским пединститутом о введении украинского языка на всех старших курсах всех факультетов с тем, чтобы в текущем году он выпустил не только преподавателей родного языка, но и специалистов-преподавателей по отдельным дисциплинам для ШКМ;

в) недостаточная квалифицированность значительного большинства украинских учителей требует особого внимания к вопросам повышения квалификации на родном языке. Считать необходимым в текущем учебном году окончательно ликвидировать украинскую неграмотность среди работников сети народного просвещения, используя для этой цели как систему заочного обучения, так и курсовые и кружковые мероприятия;

г) острый недостаток в кадрах, владеющих украинским языком для советского кооперативного и колхозного аппарата, сейчас уже тормозит дальнейшее проведение украинизации. Совещание считает нужным поставить перед соответствующими организациями и органами, регулирующими подготовку кадров об украинизации специальных учебных заведений (с.-х., кооперативные, медицинские и другие техникумы, расположенные в украинских районах, и об открытии украинских отделений при учебных заведениях, имеющих краевое значение.

7. Работа по линии снабжения учебников и учебных пособий для школ всех типов должна вестись по линии полного количественного охвата и качественного улучшения их. Совещание считает необходимым в этом году приступить к изданию краеведческих учебников на украинском языке для ШКМ.

Совещание приветствует почин газеты «Ленвнучат» – издание украинской странички, считает необходимым в 31 году приступить к изданию самостоятельной украинской детской газеты как для младшего, так и старшего возраста, а также издания журнала – учебника на укр. языке.

8. Развертывание украинизации культурной работы, естественно, ставит вопрос о необходимости издания на Северном Кавказе специального журнала на украинском языке, освещающего теорию и практику культурной работы в украинских районах.

9. Отмечая, что постановление КИК'а, которым на органы ОНО возложена задача по ликвидации украинской неграмотности среди работников аппарата советских и других организаций, не выполнено. Совещание поручает старшим инспекторам укр. районов принять решительные меры к выполнению постановления КИК'а путем создания зимой текущего года кружков и курсов, обеспечив их должным методическим руководством.

10. Крайсовнаркомпросу в развитие настоящего решения дать подробное указание на места о порядке срока и методах проведения украинизации всей работы по культурному строительству.

11. Намечаемый КСНП съезд украинской инспектуры совместно с представителями опорных учреждений совещание считает нужным созвать не позднее февраля месяца 1931 года²⁹.

Статья М. Павленко о проблемах с проведением украинизации в Славянском районе.

1931 год

На лаврах бездеятельности.

Несмотря на ряд директив краевых и центральных органов, дело украинизации соваппарата Славянского района Северо-Кавказского края не подвигается.

Такие крупные станицы, как Славянская, Полтавская, Старо-Джерелиевская, Ново-Николаевская и др., до сих пор ведут работу на русском языке, малопонятном для местного украинского населения. Как единичное отрадное явление следует отметить, что в районе украинизированы школы I ступени.

²⁹ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 164–168.

Что делают просвещенцы, чтобы сдвинуть с места дело? Борются ли они за большевистское проведение украинизации в станицах, борются ли они с теми, кто срывает ленинскую национальную политику, с великодержавным шовинизмом? Просвещенцы в большинстве случаев стоят в стороне от этой большой работы. На сегодняшний день, за немногим исключением, они еще не стали застрельщиками украинизации в станицах. Так, стангруппком союза рабпрос станицы Ново-Николаевской взялся было организовать кружок изучения украинского языка, но до сих пор преспокойно почивает на лаврах... бездеятельности.

Недалеко от Ново-Николаевского стангруппкома ушли и другие группкомы союза рабпрос. Классовый враг и его агентура, пользуясь неповоротливостью наших общественных организаций, активно выступает против украинизации, говоря, что украинизацию вводят для того, чтобы держать народ в темноте, чтобы друг друга не понимали и т. д.

Нужно в корне уничтожить эту вредную кулацкую агитацию. Нужно в ближайшие дни обеспечить решительный поворот просвещенцев Славянского района в сторону скорейшего практического осуществления украинизации района³⁰.

М. Павленко

**Письмо директора Украинского краевого державного
драматического театра Северного Кавказа С. Чернявского в
наркоматы просвящения РСФСР и УСРР
28 июля 1931 года**

Условия Сев.-Кавказского края, где целый ряд районов населяет украинское население, совершенно естественно выдвинули вопрос о создании своего национального театра, который сумел бы показать, с одной стороны, украинские пьесы советской тематики на их языке, с другой – своим национальным по форме, а социалистическим по содержанию успехи национальной политики нашей партии.

³⁰ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 169–170.

Это задачи, стоявшие перед театром в момент его формирования и всего подготовительного периода. Составленная смета театра в сумме 179.000 руб., утвержденная постановлением Крайисполкома и рабочей частью (до этого) През. Крайсовнарпроса и Крайрабиса, с самого начала работ театра обеспечивала солидность работы будущей национальной театральной единицы, впервые организовываемой на Северном Кавказе, на что было обращено вначале максимальное внимание краевых организаций.

Начинается второй период. Театр формировался на базе роспуска украинского коллектива «Червоний жовтень» согласно категорических предложений Крайпосредрабиса и Крайрабиса, настаивавших на максимальном охвате мною безработных данного коллектива, не учитывая моих заверений в необходимости упора на взятие квалифицированных сил из Украины, которые освобождались от контрактов в ряде театров.

Вопрос предоставления площадок театру Крайпосредрабисом, несмотря на соответствующее решение Президиума Крайрабиса, оказался совершенно открытым и, находясь в сфере Краевого (целого ряда зрелищных предприятий Краевого-Ростовского и местных) недоверия, я не имел возможности начать работу театра на площадке, обеспечивающей хотя бы минимум промфинплана, утвержденного Крайсовнарпросом. Имея направление в гор. Армавир (официальное от Крайпосредрабиса), я вынужден был начать подготовительную и активную первого месяца работу театра в гор. Новочеркасске, где в ряде организационных неувязок, проявившихся со стороны ряда организаций к нашему театру я (а не мне) вынужден был платить гарантию Новочеркасскому УЗП. Таковая была встреча первого национального театра с периферийным Управлением зрелищных предприятий. В результате подобного отношения, несмотря на полное основание выдержать свою социальную и художественную значимость, театр, ввиду невыполнения промфинплана и четырех судебных дел с организациями, закупавшими спектакли, вынужден был отойти от намеченного репертуарного плана в сторону частичного введения этнографического материала, который дал возможность даже ввиду прекращения финансирования театра, покрыть материальные проблемы, ярко вырисовавшиеся в то время из-за того, что целый ряд организаций, желая заниматься голой коммерцией, игнорировали Советский Украинский театр, а будирование данного во-

проса о прекращении подобного отношения к нашему театру перед краевыми руководящими организациями не нашло до сих пор своего разрешения.

Я предлагаю для иллюстрации целый ряд материалов, в копиях они с достаточной яркостью охарактеризуют Вам положение, когда Краевой театр не может найти площадок для своей работы у себя же в Крае.

Подтверждением того, что театр строился и строится как действительно Советская национальная единица, служит наличие в репертуаре театра «ГУТА», «Диктатура», «Міст», «Свеча-Криница», «Газы (Ирчана)». «Вій» (по тексту Остапа Вишни) и находящиеся в работе «Наступ» и «Гайдамаки». Этнографический материал, выразившийся в названиях «Запорожец за Дунаем», «Сорочинская ярмарка» и «Наталка-Полтавка», были введены потому, что:

1. Театр, кроме сумм на организационную работу, не получает финансовой поддержки от Крайсовнарпроса, в свое время утвержденной КИК'ом, а Крайсовнарпросу не вносит деньги ряд организаций, как, например, Крайколхозсоюз, Крайсоюз и Крайсовпроф.

Я же, очутившись в безвыходном положении в Новочеркасске, с одной стороны, и, не имея средств для выезда в следующий город, с другой, – с санкции Худполитсовета и официального разрешения местных организаций вынужден был согласиться на пропуск указанных выше пьес. А также то, что:

2. Театр платит гарантии за снимаемое помещение (в Краснодаре – платим 20 рублей за вечер), при абсолютном неучастии краевых организаций, несмотря на ряд моих рапортов, снимают с меня ответственность за поданный репертуарный прорыв.

Я прошу обратить внимание на прилагаемые к данной докладной записке копии рапортов, которые со всей ясностью определяют отношение организации к театру, который получив письменное постановление о гарантиях, который имеет утвержденную годовую смету и в результате оказался без финансовой базы. Разверните карту Северного Кавказа, возьмите любой город и театр Вам покажет того или иного УЗП и Райсовнарпоса «нет, нет, нет».

Мною в свое время испрашивалась от Крайсовнарпроса комиссия, дабы на месте можно было ознакомиться, я бы сказал, познакомиться с театром, который находился два месяца в 2-х часах езды

от центра края г. Ростова, но таковая приехала в театр спустя два с половиной месяца работы театра, который, с одной стороны, находится в тисках хозяйственников ряда УЗП, предпочитающих в угоду кассовым интересам интересы классовые, а с другой стороны – в край же посылался ряд компрометирующих меня как руководителя предприятия материалов, которые безусловно требовали в интересах дела немедленного разрешения, но комиссии в свое время не было, что, безусловно, отразилось на работе театра.

После Новочеркасска театр переехал на клубную площадку в г. Кропоткин с совершенно необорудованной сценой (3,5х5 метров), за которую платит 25 % сбора, и только сюда приезжает комиссия Крайсовнарпроса, и вместо изучения ненормальностей, возникших по отношению к театру со стороны ряда организаций, она, не проверив материалов, ограничилась целым рядом ничем необоснованных предложений, которые в свою очередь вызвали единодушное возмущение работников театра и Кропоткинского Райсовпрофа. Я воздерживаюсь от дачи оценки работы комиссии, но хочу сигнализировать формальное отношение к театру, отсутствие конкретных указаний дальнейшей его работы, благодаря чему театр стоит под угрозой срыва его работы ввиду отсутствия площадок с 1-го Октября, и возможные беспризорности и распада театра, если Наркомпросы РСФСР и УССР не обратят внимания на то безобразное положение, в котором очутился театр ввиду всего вышеуказанного, и своим вмешательством не помогут театру наладить нормальную работу и правильное обслуживание трудящихся националов края.

КОНКРЕТНО:

1. Решением рабочей части Президиума Крайсовнарпроса утверждены выводы комиссии, которая указывает о необходимости перевода театра на хозрасчет без конкретных указаний, с оставлением классического (вероятно, «Наталка-Полтавка» и проч.) репертуара. Театр не отрицает необходимости перевода на хозрасчет, но ведь это нужно делать разумно, так, чтобы не толкать театр на старую тематику, как это было уже сделано, а посему я прошу разъяснить, что это значит оставление классического репертуара с советизацией его (выводы), нужно ли это сегодня трудящемуся националу, для которого создан театр. Я же со своей стороны на подобное приспособленчество и формальность в подаче нашего репертуара идти не могу. Дан-

ное предложение было сделано комиссией только ввиду хозрасчета, не продумав достаточно вредности проведения этого в жизнь.

В отношении введения хозрасчета я всецело присоединяюсь к мнению работников и профорганизации театра, которые указывают на необходимость проработки данного мероприятия для использования его по отношению к украинскому театру в условиях Северного Кавказа.

Во время пребывания моего в Наркомпросе Украины в беседе с тов. ГЕТЬМАНОМ я выяснил, что даже на Украине переводят украинские театры с тщательным изучением данного вопроса, а делать это с кандачка, не обеспечивая театр, по-моему, это не что иное, как искривление линии партии в данном вопросе. (Правда, некоторые члены комиссии, вроде товарища Абакумова, представителя Крайсовнарпроса, предлагали реорганизовать струнный оркестр, необходимый для музыкального оформления спектаклей, в музыкальную часть в составе из одного ...баяна? не легли ли подобные размышления в других отраслях работ комиссии в их основу).

2. В результате бесполезных обращений в Краевые организации, я ставлю вопрос перед Наркомпросами РСФСР, УССР о том, что наш театр не имеет площадок с 1-го Октября ввиду того, что во всех городах Северного Кавказа открывают зимние сезоны русские драмы, единственный так названный Армавирский театральный Трест на Северном Кавказе считает необходимым пригласить в состав своего Треста оперетту, оперу, русскую драму, но не украинский театр.

Крайпосредрабис же до сих пор не дал ни одной площадки. А также ввиду того, что сектор искусств Крайсовнарпроса держит курс на перевод театра в условия инструктивного театра, забывая о том, что Северный Кавказ не имеет ни одного представителя украинской культуры, кроме нашего театра, целый ряд высококвалифицированных работников театра заявляют о нежелании работать в подобной атмосфере и выходе из состава театра. Приглашенные работники, оканчивающие работу в других театральных предприятиях, также не изъявляют своего согласия на выезд в театр инструктивного порядка, считая, что подобный театр должен быть организован как филиал большого в размерах, утвержден для нашего национального театра. Работая, инструктивным театром можно охватить ряд станиц, которые совершенно не выдержат финансовой базы и промфинплана театра.

Я прошу Наркомпрос РСФСР и УССР взять театр под свое непосредственное наблюдение и, обсудив выдвинутые мною моменты невозможности подобной БЕЗПЕРСПЕКТИВНОЙ как в отношении площадок, так и в финансовом отношении работы театра, учесть всю создавшуюся ситуацию вокруг работы молодого театра, нежелание хозяйственников из зрелищных предприятий края контактной работы с ним, и, оценив по-своему отношение краевых организаций к первому Краевому национальному театру, либо взять театр Северного Кавказа, перебросив его на Украину в один из рабочих районов, которые нуждаются в украинских театральных единицах, пока здесь давно разрешенные, но не имеющие практического разрешения из-за людей, определенно недооценивающих значения развития национальной культуры, вопросы возможности работы театра будут благоприятно созданы, либо прошу немедленно выслать представителя Наркомпроса для обследования состояния работ театра и отношения к нему с тем, чтобы на месте со своей категоричностью можно было выправить безобразное отношение к нашему театру³¹.

28. 08. 1931 г.

гор. Краснодар

Летний театр УЗП О. Чернявский

Резолюция по докладам о выполнении постановления Крайнацсовета об украинизации

1931 год

Президиум Крайкомнаца, заслушав доклад Таганрогского райсовнарпроса и содоклады секторов КСНП и отдельных организаций, отмечает, что в период обостренной классовой борьбы в деревне, кулачество и духовенство стараются использовать слабое проведение украинцами культпросветучреждений в своих классовых интересах, выступая против этого мероприятия как меры, способствующей большему вовлечению украинских трудящихся масс в соцстроительство.

Осуществление ленинской национальной политики партии, обеспечивающей быстрый подъем культурного роста отдельных на-

³¹ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 171–175.

циональностей, вызывает бешеную агитацию классово-враждебных элементов, направленную на срыв проводимых мероприятий. В частности, по Таганрогскому району имеет место вылазка кулачества и духовенства, агитирующая, что «украинизация проводится с целью снижения темпов культурного роста народности», что «население стало украинским по фантазии статистики» и пр. Этим выступлениям классового врага должен быть дан решительный отпор со стороны широких колхозных, батрацких и бедняцко-средняцких масс, активно участвующих в проведении мероприятий партии и правительства. Решение Крайнацсовета по вопросу украинизации в целом ряде украинских районов края еще выполняется слабо.

Президиум Крайкомнаца решительно осуждает попытку райсовнарпроса оправдать свою бездеятельность в деле украинизации культпросветучреждений и предупреждает все райСНП, что политическая недооценка украинизации будет расцениваться как право-оппортунистическая практика в национальном вопросе.

Наряду с достижениями в подготовительной работе всех организаций (развертывание массовой разъяснительной работы, перевод радио на украинский язык, организация массовых кружков по изучению украинского языка), имеется ряд крупных недочетов.

1) До настоящего времени не выявлена потребность в педкадрах в условиях перехода всех школ на украинский язык, не принимаются решительных мер к изысканию путей покрытия этой потребности внутри района; имеет место в работе самотек.

2) Не предприняты меры к обеспечению района украинской массовой книгой (по вопросам текущих хоз.-политических кампаний) и учебников для школ.

3) Избы-читальни и ликпункты продолжают в отдельных местах работать на русском языке.

4) Не развернута работа по заочной и др. формам переподготовки учителя.

5) Имеет место срыв в работе целого ряда курсовых мероприятий, подготовляющих кадров для всеобуча в украинских районах.

6) Массовые культпросветучреждения не перевели своей работы на украинский язык. Есть факты ведения ликпунктов на русском языке (в Брюховецком районе курсы, подготовляющие учителей I ступени, работают на русском языке).

7) РайСНП, руководящими украинским массивом в неукраин-

ских районах, не проводится почти никакой работы в деле украинизации.

8) Укркнигоцентром и ОГИЗ'ом не развернута работа по обеспечению учебной и массовой книгой украйонов. Крайкомнац предлагает райсовнарпросам немедленно в своей работе добиться решительного перелома в сторону полного перехода на украинский язык массовых культпросветучреждений.

1) Сектору кадров КСНП перевести преподавание педтехникумов на украинский язык.

Уточнить вопрос о потребных украинских педагогических кадрах и подготовке их к новому учебному году.

Обеспечить педтехникумы и ШКМ кадрами, могущими вести занятия на украинском языке.

2) Методсектору повторить указания о порядке перевода школ на преподавание на укр. языке.

Обеспечить в минимальный срок выполнение плана издания украинских учебников. Конкретно договориться об издании детских журналов и учебников на предстоящий учебный год.

Обеспечить методическими указаниями и перевод работы на украинский язык в педтехникумах, ШКМ и школах I ступени.

3) Массовому сектору добиться в августовский штурм определенного перелома в ликвидации укр. неграмотности в районах.

Обеспечить массовые библиотеки украинской книгой, провести работу по распространению журнала «Ленинским шляхом». Поручить т. Чапала обеспечить выпуск газеты для малограмотных на украинском языке.

4) Таганрогскому райсовнарпросу точно учесть потребность в укрпедкадрах и принять меры к покрытию потребности. Обеспечить перевод работы во всех массовых к/учреждениях на украинский язык. Усилить методическое руководство ликвидацией украинской неграмотности. Создать сеть опорных укр. культучреждений. Обеспечить более решительную украинизацию самого аппарата.

Таганрогскому Горсовнарпросу проработать вопрос об организации помощи Таганрогскому РСНП в деле передачи кадров из украинского населения города.

5) Всем райсовнарпросам районов первоочередной украинизации срочно представить заявки на потребность в укр. педкадрах и на учебную украинскую книгу, не издаваемую в крае.

6) Заслушать на очередном заседании президиума Крайкомнаца доклады Союзкино и Радиоцентра о выполнении ими решений Нацсовета.

7) Павловскому райсовнарпросу представить объяснения о причине неявки с докладом, несмотря на двухкратный вызов.

Период развернутого социалистического наступления, выполнения планов культурного строительства, осуществления ленинской национальной политики требует от райсовнарпросов самой беспощадной борьбы со всякими попытками классового врага сорвать развернувшуюся борьбу за украинизацию, беспощадно бороться с проявлением великодержавного шовинизма и местного национализма в вопросах национальной политики. Райсовнарпросы – боевые штабы культурной революции – должны мобилизовать широкие массы трудящегося украинского населения и всей общестственности на быстрейшее и успешное осуществление украинизации³².

Отв. секр. Крайкомнаца Чебаненко

Директивное письмо Северо-Кавказского исполнительного комитета Приморско-Ахтарскому районному исполнительному комитету по поводу проблем с проведением украинизации.

Декабрь 1931 г.

П.-Ахтарскому райисполкому.

Срок окончательного разрешения украинизации в 20-ти районах края прошел. А результаты, которые мы имеем на сегодня, несмотря на достаточное руководство Крайкома и Крайнацсовета и наличие полной возможности, которую имеет каждый райисполком, – неудовлетворительны. У большинства работников районных организаций есть тенденция невозможности проведения украинизации ввиду отсутствия украинцев, владеющих литературным украинским языком и отсутствия украинских кадров вообще.

Это правооппортунистическое отношение как отдельных работников, так и райисполкома в целом, привело к тому, что:

1. Массовая работа по разъяснению населению политического значения советской украинизации в большинстве районов совсем не проводилась.

³² Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 175–178.

2. Хозполиткомпании не увязывались и не увязываются с проведением украинизации.

3. Борьба со всякого рода национал-шовинистическими искривлениями генеральной линии партии проводилась случайно, голо, казенно-бюрократически, отделялась от массы, украинские трудящиеся массы не мобилизованы вокруг этого вопроса.

4. Классовая борьба с кулаком совсем не увязывалась с борьбой за проведение ленинской нацполитики, отдельно – политики партии по украинизации.

5. В связи с этим в некоторых районах получился разрыв между темпами соцстроительства и национальной политикой, от которой зависит успех выполнения планов социалистического строительства.

6. Вопросами подготовки и переподготовки кадров путем организации 3-месячных курсов при каждой районной организации и С/Советах почти никто не занимался, в связи с чем аппараты советские, кооперативные, колхозные и другие до сего времени не украинизированы, буквально переполнены русскими, которые не способны обслуживать украинское трудовое население на его родном языке, не способны обеспечить экономических и культурных требований этого населения.

7. Коренизация аппарата, которая является главным и решающим источником успешного завершения советской украинизации в районах, райисполкомами недооценивалась, благодаря чему выдвижение колхозников-украинцев и красных партизан, которые выявили себя на политических кампаниях, на руководящую работу не проводилось, несмотря на указания краевых директивных организаций.

8. Учета лиц, владеющих украинским языком, с целью использования их преподавателями курсов украинского языка, не проведено, а также не произведена проверка правильного использования украинских культурных сил.

9. Некоторые районы недооценивают политического значения украинизации, отложили и проведение ее до окончания хозполиткомпании и, таким образом, национальную политику как неотъемлемую часть генеральной линии партии отрывают от темпов социалистического строительства, от темпов культурной революции.

10. Соцсоревнование по всем отраслям социалистического строительства не увязывалось с лучшим быстрейшим практическим

разрешением нацвопроса, а некоторые работники райисполкомов (Ейск) старались доказать, что соревноваться по вопросам украинизации невозможно, так как работа эта не ограничивается объектами и сроками.

Это есть не что иное, как непонимание нацполитики и методов соцсоревнования, которые возможно применять во всех отраслях нашего строительства. Это есть еще и оппортунистическая недооценка социалистического соревнования.

Вот, например, взять хотя бы Староминский и Кущевский районы, которые, благодаря методу соцсоревнования, полностью завершили советскую украинизацию и с честью вышли на 1-е место в крае.

Проводя решительную борьбу на фронте украинизации, мобилизуя украинские трудящиеся массы вокруг нацполитики и давая решительный отпор классовому врагу, старающемуся использовать украинизацию в своих личных интересах, Староминский, Кущевский, Брюховецкий, Северский, Матвеево-Курганский и Азовский районы достигли значительных успехов в области выполнения постановления партии и Правительства по украинизации аппаратов.

Староминский, Кущевский, Брюховецкий районы завершили украинизацию; остальные указанные выше районы завершают ее в феврале месяце. Что же касается Лесно-Калитвенского, Морозовского, Абинского, Северского и Таганрогского районов, то темпы, которые ими развернуты за последнее время, обеспечивают завершение украинизации в первых числах февраля месяца. Районы, как то: Миллеровский, Ейский, Славянский, Тимашевский и Каширский – сорвали украинизацию. В этих районах не только не выполнили постановления крайисполкома по украинизации райаппаратов и с/советов к 1-го января истекшего года, но не принято никаких мер, обеспечивающих проведение украинизации даже в ближайшее время.

Наряду с этим необходимо отметить и те искривления, которые имелись в работе. Эти искривления заключались, главным образом, в непонимании ленинской нацполитики по вопросу обслуживания других национальностей. Ряд районов не поняли слов «сплошная украинизация» в постановлении Крайнацсовета от 19-го июля 1931 г. и начали украинизировать нацменьские с/советы и школьные учреждения (Азовский, Ейский, Павловский районы).

А были и такие случаи, когда служащие вывешивали табличку

перед своим столом с надписью: «Российской мовы неразумию, звертаться льше украинскою». Или посылали отношение, написанное на украинском языке, в немецкие колхозы и, в свою очередь, немцы на эти отношения отвечали на своем немецком языке (Азовский район).

Это есть не что иное, как игра в национальную политику партии, как дискредитация советской украинизации, выгодная классовому врагу.

Все искривления, замеченные Крайнацсоветом на протяжении последних двух лет, учесть слишком трудно, но все это говорит о том, что на местах, кроме великодержавных выпадок, есть и ряд непониманий практического проведения украинизации.

Учитывая некоторые общие недоразумения в вопросах проведения постановлений Крайнацсовета в жизнь, а также для внесения большей ясности в этот вопрос, Крайисполком и Крайнацсовет предлагают к неуклонному исполнению следующее:

1. Староминскому, Кущевскому, Брюховецкому райисполкомам закрепить достигнутые успехи в завершении украинизации.

Краснодарскому, Северскому, Азовскому, Матвеево-Курганскому, Лесно-Калитвенскому, Кореновскому, Приморско-Ахтарскому, Павловскому и Темрюкскому райисполкомам, под личную ответственность председателей РИКов, завершить полностью украинизацию своего районного и сельского аппарата к 15-му февраля т. г. Ейскому, Миллеровскому, Тимашевскому, Славянскому и Каширскому Райисполкомам закончить украинизацию к 1-му мая 1932 г.

2. Президиум Крайисполкома предупреждает председателей именованных РИКов, что, в случае невыполнения этих сроков, Крайисполком будет принимать решительные меры, не останавливаясь даже перед привлечением виновных к суровой ответственности.

3. Украинизировать лишь тот аппарат, который непосредственно обслуживает украинское трудящееся население.

В том случае, если, например, станица полностью украинизируется, а к ней прилегают другие нацменские хутора, не имеющие сельских советов, а лишь уполномоченные, последних обслуживать на русском языке. Что же касается собраний, стен, газет, докладов, школ и вообще обслуживания в хуторе – употреблять исключительно язык того населения, которое преобладает.

То же самое относится к райисполкомам.

4. Переписка с украинскими районами и с/советами, а также и другие формы обслуживания украинского населения проводятся исключительно на украинском языке. Переписка же с русскими районами и с/советами, а также с краевыми организациями, кроме Крайнацсовета, – проводится на русском языке.

5. В учреждениях сельских и районных пользуются, как правило, украинским языком; но если обращается посетитель другой национальности, в этом случае употреблять русский язык, если служащий не понимает языка тех лиц, которые к нему обращаются.

6. Аппараты сельских и районных организаций коренизировать соответственно проценту украинского населения в районе за счет колхозников-украинцев и красных партизан, которые показали себя на политико-общественной работе.

Подготовку же кадров необходимо проводить на месте (в станице, в селе) путем организации специальных трудшкол в каждой станице, как по изучению ими украинского литературного языка, так и по поднятию их культурно политического уровня.

7. Трехмесячные курсы по изучению украинского языка служащими в тех местах, где они существуют, закрепить, а где до сих пор не организованы, – немедленно организовать, привлекая к их посещению не только технических работников, но и ответственных. В том случае, если ответственный работник принужден часто выезжать в командировки и т. п., давать ему индивидуальные задания, соответственно программам обучения, проверяя его по возвращении из командировок. В сельских местностях привлечь к преподаванию украинского языка учителей школ за счет других общественных нагрузок, выполняемых последними, безусловно, освободив их от всех нагрузок.

Чтобы ускорить темпы завершения украинизации и придать эффективность работе курсов, занятия проводить не по пятидневке, как это практикуется в большинстве районов, а ежедневно с таким расчетом, чтобы до перехода на украинское делопроизводство обучение было полностью закончено.

Никаких удостоверений об окончании обучения не выдавать и категории не определять, а вслед за окончанием работы трехмесячных курсов организовать из тех слушателей, которые заканчивали первые курсы, курсы повышенного типа.

8. В области украинизации школ края имеются громадные достижения. Но наряду с этим мы имеем и ряд искривлений.

Эти искривления главным образом заключаются в том, что некоторые районные работники проявили на практике украинский национализм, заключающийся в украинизации русских школ. Необходимо запомнить, что школы украинизируются только там, где детская масса по своему национальному происхождению является украинской. Но это не означает того, что дети других национальностей должны обучаться в украинских школах. В том случае, например, если в станице школы все украинизированы, а в наличии дети других национальностей, необходимо при украинских школах создавать отдельные группы и обучение проводить на их родном языке.

Как правило, необходимо придерживаться такого порядка, чтобы процент украинизации школ в каждой станице соответствовал бы проценту общего количества детской школьной массы по национальному происхождению.

То же самое надлежит проводить и в группах, расположенных в украинских районах.

9. Беря во внимание низкую квалификацию учителей, которые работают в украинских школах, предлагается обсудить этот вопрос на месте и принять меры к организации специальных учительских курсов по повышению квалификации учителей, работающих в украинских школах, за счет государственных хозяйственных организаций, с привлечением для этой цели средств профсоюзных организаций. Кроме этого, развернуть соответствующую работу по заочному обучению среди учительского состава.

10. Пересмотреть планы снабжения районов украинской литературой и учебниками, принимая все меры к тому, чтобы библиотеки, как районные, так и сельские, были бы укомплектованы в таком размере, который бы соответствовал проценту украинского населения района. Для этого необходимо использовать полностью проводимый крайисполкомом и Крайнацсоветом месячник продвижения украинской литературы до каждого колхозника в отдельности.

11. В районах, где газеты до сих пор или не украинизированы, или украинизированы не полностью, в течение февраля месяца принять все зависящие меры к тому, чтобы они были украинизированы, для чего райисполкомы должны проявить особое внимание в части

укомплектования аппаратов редакций квалифицированными работниками.

В Азовском и Ейском районах, наряду с изданием газет на украинском языке, давать посменные странички (не реже 5-дневки) на русском языке, принимая во внимание интересы рабочих фабрик и заводов, а также городского и сельского трудящегося русского населения.

Президиум крайисполкома категорически предлагает всем украинским райисполкомам на основе этого письма и других постановлений крайисполкома и Крайнацсовета принять также широко развернутые мероприятия, которые бы целиком обеспечивали завершение украинизации в сроки, определенные краем³³.

П. п. Зампредкрайисполкома Пред. Крайнацсовета (Г. Кабоев)

Ответ. Инструктор Крайисполкома по делам украинизации (И. С. Замч)

Выводы и предложения по вопросу о состоянии работы по украинизации Ейского района.

Протокол № 2 заседания президиума Ейской районной КК ВКП(б) и коллегии РКИ от 16.01.1932 года³⁴.

С целью осуществления постановления партии и правительства, для успешного осуществления украинизации советского аппарата и культурно-просветительских в Ейском районе Северо-Кавказского края, необходимо провести следующие мероприятия:

1. Мобилизовать внимание советской общественности на дело украинизации соваппарата и культурно-просветительских учреждений, имея в виду, что дальнейшее широкое развертывание украинизации в условиях обострения классово-борьбы неминуемо вызовет обострение борьбы против украинизации со стороны шовинистиче-

³³ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923-1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. С. 179–185.

³⁴ Цит. по: Иванцов И. Г. Мероприяття Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по украинизации кубанских районов 1922–1932 гг. (на материалах районных контрольных комиссий) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С. 304–307.

ческих и классово-враждебных элементов. Поэтому нужна систематическая плановая работа в области проведения украинизации и уделения особенного внимания руководителями соваппарата и профсоюзных организаций в деле втягивания широких масс в работу по украинизации...

Украинизация должна практически осуществляться в повседневной работе всех учреждений и организаций района, обслуживающих украинское население.

2. Всем руководящим учреждениям и профсоюзным организациям необходимо принять решительные меры в деле скорейшего изжития имеющихся значительных трудностей, как то:

а) ограниченные возможности в выделении средств на проведение украинизационных мероприятий;

б) недостаток культурных сил и средств;

в) наличие сопротивления буржуазных и мелкобуржуазных элементов в районе;

г) оттягивание и сопротивление украинизации со стороны значительной части русского (здесь имеются в виду в основном казаки – И. И.) и других неукраинских групп служащих советского аппарата.

Дело по району пока не приняло нужных размеров. Подготовка украинских кадров по району сводится на нет. Выпущенные курсы по району дали негативный результат. Записывалось на курсы 150 человек, а выпущено было 26 человек. В станицах курсовая работа отсутствует: вовсе как и разъяснительная работа среди членов профсоюза, нет конкретных планов украинизации по отдельным учреждениям района. Нет заинтересованности со стороны сельсоветов в культурно-просветительских точках, могущих способствовать украинизации (библиотеках, избах-читальнях, кинопередвижках и т. д.) Не применяются методы ударничества и соцсоревнования по украинизации. Совершенно отсутствует методическая работа со стороны РайОНО. Продолжается игнорирование со стороны ряда учреждений района (РайЗО, Райсоюз. Союзхлеб. ОНО и др.).

Отмечается извращение правильности украинского языка в колхозах и среди колхозников. Причем эти извращения имели место в районной газете, на украинских вывесках, в штампах и бланках и т. д., что являлось следствием недостаточного знания украинского языка сотрудниками соваппарата... Слабо продвигалась популярная

украинская книга в массы. Магазины были завалены украинской литературой, которой в районе скопилось на 2500 рублей. Колхозные организации не продвигали в массы украинские газеты, отсутствовали украинские учебники. Самое главное, отсутствовало массовое, коллективное усвоение украинского языка.

Было предложено всем руководителям кооперативных и профсоюзных, а также иных организаций следующее:

1. Учреждениям составить планы работы по украинизации их учреждений и предоставить их до 28.01.1932 г., согласно схеме, разработанной Ейским РИКом (районным исполнительным комитетом).

2. Устранить обезличку украинизации, возложив персональную ответственность за ее проведение на руководителей учреждений.

3. Отобрать письменные обязательства сотрудников на их переход в определенный срок на украинский язык «путем (его) изучения по линии самообразования». Проверять степень выполнения взятых обязательств, прибегая, в крайнем случае, к взысканиям, вплоть до увольнения с работы, с занесением мотива увольнения в трудовые списки (так в то время назывались трудовые книжки – И.И.у).

4. Организовать в г Ейске трехмесячные курсы, рассчитанные на 150 часов, обеспечив их средствами за счет учреждений, профгоров и дотаций местного бюджета.

5. Предложить всем руководителям районных учреждений представить, к 05 02 1932 г. в РайОНО списки сотрудников, подлежащих зачислению на курсы, чтобы уже с 05 02 1932 г. они начали функционировать. Усилить снабжение курсов учебными пособиями, тетрадями, учебниками и т. д. Укомплектовать их более постоянным лекторским персоналом. Смету организованных курсов утвердить п. и сумме 7900 рублей, за счет охваченных курсами учреждений, а их руководителей обязать внести в кассу РайФО на счет курсов по 22 руб. за каждого учащегося в срок до 01. 02 1932 г.

Поскольку в своей работе предприятия, организации и учреждения искажают украинский язык, президиум Ейской районной КК-РКИ предложил организовать (немедленно) при РайОНО специальное районное бюро украинизации. Его задачей становилась проверка в 10-дневный срок правильности вывесок, штампов и бланков, внесение в них поправок и в дальнейшем проверка их правильности уже на этапе изготовления постоянно. Бюро поручалось организация

и проведение консультаций учреждений по вопросам украинской терминологии, номенклатуры и фразеологии украинского языка.

6. Издать русско-украинский фразеологический справочник для работников украинизируемых учреждений объемом 1,5 печатного листа, тиражом от 800 до 1000 экземпляров, в популярном виде.

7. В связи с переходом системы образования на обязательное школьное образование РайОНО обязываются укомплектовать свой аппарат инструкторами, владевшими украинским литературным языком для руководства школами 1-й ступени и ШКМ (школа крестьянской молодежи).

8. Предложить районным организациям вести всю переписку с подведомственной периферией только на украинском языке, не принимая от периферии переписки на русском языке.

9. Категорически обязать РайОНО с 01.02.1932 г. издавать журналы «За качество работы» на украинском языке.

10. Обязать РайОНО дать категорические указания на места об украинизации работы в избах-читальнях, красных уголках, библиотеках, ликбезах, стенгазетах и т. д.

11. Ввести в качестве обязательной дисциплины на всех курсах в Ейском районе предмет «Украинский язык», из расчета не менее 30 лекционных часов на курсах продолжительностью один месяц.

12. Предложить педтехникуму украинизировать всю работу и перейти на украинский язык

13. Обязать заведующего районным отделением «Союзкино» в декадный срок завести в район украинские фильмы (т. е. с украинскими титрами).

14. Обязать РайОНО, «Колхозкнигу» и книжный магазин Крайсоюза обеспечить завоз новейшей украинской литературы и в месячный срок укомплектовать ею библиотеки района.

15. Президиум районной КК строго предупредил партиячейки станиц Старощербиновской, Должанской, Глафиоровской, Шабельской, а также рыбколхозов Должанского и Камышеватского, что в случае невыкупа предназначенной для них украинской литературы они понесут строгую ответственность. В отношении же секретаря Камышеватской партийной ячейки, который вернул обратно предназначенную для станицы украинскую литературу, было возбуждено партийное расследование его деятельности.

16. Проверить степень знания украинского языка работников соваппарата, по окончании ими трехмесячных курсов {это дело поручалось вновь организованному бюро украинизации}.

17. Опубликовать данное решение в городской страничке (городская малоформатная газета, орган районного комитета ВКП(б)) на русском языке и в районной газете на украинском языке.

Кроме того, президиум Ейской районной КК – РКП ВКП(б), своим решением от 17.02.1932г постановил следующее:

Педтехникуму, в целях изменения национального состава (учащихся) техникума для решения задач по обеспечению района украинскими педагогическими кадрами, необходимо предпринять следующее:

1. Чтобы при приеме осенью 1932 г. нового набора в общий состав студентов вошло бы не менее 75 % украинцев.

2. Администрации педтехникума обязательно провести полную украинизацию работы в срок до 1 мая 1932 г.

Пісня.

Колективно поле сієм,
дружно нищимо курай,
і зберемо колективно
колективний урожай.

Ми протруєне посієм –
зашумлять рясні хліба.

Молотарками в колгоспах
загуркоче молотьба.

Ми життя нове будуєм,
з рук не випустим керма.

Перечистили насіння,
протруїли до зерна.

Йдемо гуртом проти глитайства,
проти бога ми ідемо.

Під глитайські зойки-крики
Радреспубліка росте³⁵.

³⁵ Іващенко І. Колгоспна степ. М. – Ростов н/Д. 1931. С. 47.

Справка ОГПУ о предварительных результатах следствия по делу контрреволюционной организации в станице Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края.

25 ноября 1932 г.

В процессе операции на Кубани 27 в начале ноября с. г. в ст. Полтавской вскрыта к/р кулацко-белогвардейская организация, в деятельности которой на протяжении ряда лет основными моментами были: 1) ставка на проникновение в сов[етский] и хозяйственный] аппарат с целью подрыва соввласти; 2) срыв хозяйственно-политических кампаний; 3) вредительская работа внутри колхозов с целью разложения и дискредитации таковых; 4) организация саботажа хлебазаготовок и сева. По делу арестовано 48 чел. Организация возглавлялась:

Назаренко Василием Гавриловичем – быв. член Кубанской Рады, организатор борьбы с большевизмом в 1918–1919 гг., крупный авторитет.

Прищенко Никифором Васильевичем – при белых пом[ощник] атамана станицы, кулак, организатор белогвардейских отрядов в годы гражд[анской] войны, его брат и ряд родственников расстреляны, целый ряд родственников выслан; крупный авторитет.

Ковтун Илларионом Павловичем – в прошлом крупнейший кулак станицы, был доверенным при атамане, агент по снабжению белой армии, ряд близких родственников расстрелян, целый ряд родственников выслан; авторитет.

Шкиль Павлом Тимофеевичем – кулак, подхорунжий, сын помощника] атамана станицы, за отличия в белой армии был произведен в офицерский чин; брат его и ряд родственников расстреляны, отец и другие родственники раскулачены и высланы.

Юрченко Павлом Тимофеевичем – кулак, быв. казначей станичного правления, за участие в восстании против соввласти в 1920 г. был приговорен к расстрелу, от которого случайно спасся.

Ст. Полтавская до революции – одна из самых богатых на Кубани. «Мне, служившему ряд лет приемщиком и скупщиком зерна при станичном атамане, известно, что ежегодно станица продавала на рынок по 700 тыс. пуд. хлеба» (показ[ания] Ковтун И. П.). В станице было много крупных кулацких хозяйств. В станице была гимна-

зия, учительская семинария. В станице были широко распространены самостийнические настроения. Среди идеологов и руководителей самостийничества выделялся быв. директор учительской семинарии Омельченко Григорий Васильевич.

Казачество ст. Полтавской активно участвовало в борьбе с Октябрьской революцией. Организованный в станице в 1931 г. Совет спустя несколько месяцев изгоняется. Почти все способное носить оружие казачество станицы идет в белогвардейские отряды, которые впоследствии вливаются в Кубанскую армию.

В настоящее время в станице до 20 тыс. жителей. Имеется довольно значительная прослойка интеллигенции, из которой одного педагогического персонала до 70 чел. (педтехникум, школы 1-й и 2-й ступени, ШКМ).

В ст. Полтавской все годы при соввласти имели место значительные активные проявления к[онтр]р[еволюции]:

В 1922 г. в юрте ст. Полтавской ликвидирована крупная бело-зеленая банда, возглавляемая казаком этой же станицы, белым офицером Малько.

В 1926 г. в станице ликвидирована казачья к/р молодежная организация «Вызволенцы» украинско-шовинистического направления. Программа организации – свержение соввласти и замена ее правительством петлюровского толка. В 1928 г. ликвидированы остатки организации «Вызволенцы», снова развернувшие активную работу.

Весной 1930 г. в станице ликвидирована к/р повстанческая организация «Запорожцы», созданная и руководимая группой быв. белых офицеров. Организация насчитывала свыше 150 чел. и охватывала пять соседних станиц. Программа организации – свержение соввласти и восстановление Кубанской Рады. Организация ликвидирована за три дня до намечавшегося ею восстания.

В 1931 г. в станице ликвидирована к/р повстанческая организация «Мечь Верден» в составе 400 участников таковой. Организация распространяла свое влияние на 15 соседних станиц. В том же году в станице ликвидирована к/р повстанческая организация, возглавлявшаяся местным казаком Волколупом. В 1932 г. в период уборки урожая ликвидирована бандгруппа в составе трех чел., которая произвела ряд вооруженных ограблений.

В настоящее время в станице и юрте ее оперируют 3–4 банд-

группировки численностью 10–11 чел., занимающиеся вооруженными ограблениями и хищениями колхозного скота и хлеба.

К настоящему моменту в станице коллективизирован 41 % хозяйств.

Степень выполнения станицей хлебозаготовок и осеннего сева 1932 г. характеризуется следующими цифрами:

Годовой план хлебозаготовок План сева
колхоз[ники] единокл[ичники] колхозники] единокл[ичники]
2462 т 2556,2 т 7184 га 2000 га
сдано на 22 ноября посеяно на 22 ноября
731,3 – 29,7 % 370,7 т – 14,5% 2739 га – 39,1 % 780 – 39 %

На политической арене 1918–1919 гг. быстро выдвигается Омельченко Григорий Васильевич. Он был выбран атаманом станицы, затем членом Кубанской Краевой и Законодательной Рады, где являлся одним из лидеров группы «самостийников» (сторонников «вольной Кубани, без иногородних», в союзе с Украиной). Омельченко Г. В. – крупный авторитет, хороший оратор, призывавший к борьбе с «единонеделимцами», к изгнанию иногородних, становится общепризнанным вождем казачества станицы. Под его руководством идет собиранье сил казачье-реакционной части станицы для борьбы с соввластью. В 1919 г. Омельченко Г. В. и ряд других видных кубанских самостийников высылаются за границу Деникиным.

По сообщению 00 ОГПУ от 11 ноября с. г.: «Омельченко – активный деятель украинских эсеров (группа Шаповала), стоит во главе «Товарищества украинцев Кубани», являющегося разведгруппой Шаповала. По данным от сентября, Омельченко – участник съезда украинцев в Праге (Чехословакия), на котором выбран руководителем организационного комитета по созданию украинского центра с задачей объединения всех украинских эмигрантов, исключая петлюровцев. Перед отъездом за границу Омельченко, спланировав своих сторонников и давая им директивы, говорил: «Бели Кубанская Рада будет большевиками разогнана и казаки сомневаются в успехе их вооруженной борьбы с большевиками, то пусть казаки на время прекратят эту вооруженную борьбу и сохраняют себя, ибо большевики в России будут недолго» (показ[ания] Ковтуна).

Омельченко, находясь в эмиграции в Чехословакии, до самого

последнего времени имел письменную связь с участниками к/р организации: «Находясь за границей, Омельченко не прерывал связи с этими людьми (обвиняемыми) и в переписке направлял их работу, укреплял к/р активность, убеждая, что падение соввласти, возвращение его и его приспешников близко. Имя Омельченко, его указания эта группа широко использовала для к/р агитации, большей спайки своих сторонников. Письма от Омельченко фактически предназначались для к/р элемента станицы. В этих письмах Омельченко давал указания, которые в основном сводились к следующему: укреплять население в духе казачьей самостийности, сохранять казачьи самобытности и традиции, в целях сохранения ведущей роли за оставшимися в станице старыми казачьими авторитетами последним всеми способами сохранять себя, проникать в советские и хозяйственные организации станицы. В письмах на имя Светошовой, предназначавшихся для к/р элементов станицы, приводились обращения поддержать «стариков» (Прищенко, Назаренко и др.) и «сомкнуться вокруг них» (показ[ания] Бонадысенко).

Имя Омельченко все годы существования соввласти было знаменем борьбы в руках ведущей головки кулацко-белогвардейских элементов станицы и широко использовалось ими в целях «идеологического» воздействия на казачество и поддержания к/р настроений. «Белик Василий нам неоднократно говорил: «Прав был атаман Омельченко, когда предсказывал, что соввласть принесет казачеству нищету и разорение. Сбылись все предсказания Омельченко: потеряли мы свою казачью вольность. Лучших казаков оторвали от своих семей, выслали, хозяйства наши разорены. Нам нужно держаться крепко, единым фронтом». Белик утверждал, что скоро из-за границы вернутся «наши» и тогда заживем по-старому» (показ[ания] Гриценко).

Приводимые наглые враждебные показания Белика В. Е., одного из ближайших сподвижников и последователей Омельченко Г. В., руководителя группировки, входившей в состав организации, весьма ярко иллюстрируют эти настроения. «Я – казак и за дело казачества готов умереть, я вижу, что политика соввласти направлена на то, чтобы разорить и поработить казачество. Преследованием лучших казаков станицы соввласть хочет подавить борьбу его за свои права, привилегии, за вольную Кубань и хорошую жизнь по-старому. Я враг

этой политики. Я сознательно не вступал в колхоз, я считаю, что колхозы невыгодны казачеству. Если мы пойдем в колхоз, то землю мы потеряем вовсе, а казак без собственной земли – не казак. Я говорил собиравшимся у Шаповала казакам, что нам в колхоз идти не надо, что всем нужно держаться крепко, вместе с тем самым соввласть, которая нуждается в хлебе, вынуждена будет пойти на уступки и вернуть нам нашу землю. Казаки были со мной согласны, в колхоз тоже не вступали. Я также говорил, что прав был атаман Омельченко, когда он нам говорил, что будет казакам от большевиков разорение, и что нужно казачеству бороться с большевиками. Мы все считали, что скоро будет конец соввласти. В станице ходили слухи, что скоро придут из-за границы наши казаки. Я этим слухам верил и передавал их в разговоре со знакомыми казаками» (показ[ания] Белика).

После установления соввласти, следуя указаниям Омельченко, кулацко-белогвардейская верхушка станицы использует свой авторитет и проникает на руководящую работу в советско-хозяйственные организации: «В 1920 г. во главе ревкома оказались Назаренко В. Г., Прищенко Н. В., Ковтун И. П., Моздорь И. С. (расстрелян ОГПУ) и Шевченко Т. А. (расстрелян в 1929 г.)» (показ[ания] Костюкова).

Еще в 1920 г., в период проведения продразверстки, эти лица организовали сильнейшее сопротивление таковой. «На 15 ноября 1920 г. станица по разверстке должна была вывезти 143 вагона, и ревком заявил, что зерна больше нет. Никакие предложения вышестоящих организаций не помогли. Тогда Назаренко был смещен и предревкома назначен коммунист Теленников, а членами введен ряд красных партизан. Обновленный ревком обследовал амбары, наложил на кулаков твердые задания и в результате задание было не только выполнено, но и перевыполнено, всего было сдано 160 вагонов зерна» (показ[ания] Костюкова).

Однако спустя непродолжительное время кулацкой верхушке снова удалось овладеть руководством станичного совета: «В стансовете многие годы было засилье последователей Омельченко. Разновременно Совет возглавлялся Дацко М. И. (расстрелян), быв. б[елым] офицером Бесчастным К. А. (выслан), быв. б[елым] офицером Гаценко (выслан) и другими» (показ[ания] Бонадысенко).

Характерен факт, иллюстрирующий к/р работу организации, использовавшей свое положение в стансовете: «В 1925 г. во время

проведения землеустройства они (руководство стансоветом) провели постановление об отказе в наделе землей всех без исключения иногородних, в том числе бедняков, красных партизан и быв. красноармейцев. Лучшие земли были розданы кулакам. Когда в стансовет с протестом явилась группа бедняков и иногородних, председатель землеустроительной комиссии Прищенко и председатель стансовета Дацко (расстрелян), им ответили: «Мы строго придерживаемся законов соввласти, в которых говорится, что все такие дела решаются волей народа. Мы хотели вам дать землю, но народ голосовал против и ничего сделать нельзя» (показания Бонадысенко).

В то же время «получили земельные наделы: Заяц Игнат – на сына Игната, находящегося в эмиграции за границей, Середа Наталья – на мужа-офицера, находящегося там же, Высоцкий Маркел – на сына Тимофея, тоже находящегося в эмиграции, Малько Прасковья получила наделы на мужа Калина Аникиевича, главаря действовавшей в то время банды, и сыновей – Василия и Александра – бандитов в банде своего отца (оба расстреляны)» (показания Костюкова).

В периоды руководства Советом участниками организации такая максимально использовала все возможности для дискредитации соввласти путем различных искажений при проведении хоз[яйственно]-полит[ических] мероприятий на селе, ущемления бедноты и т. п. «Проникнув в руководство хоз[яйственно]-полит[ической] жизнью станицы, разжигая сословную рознь, организуя кулаков и белогвардейцев, прижимая бедноту, принимала все меры к тому, чтобы в глазах населения дискредитировать соввласть. Я сам неоднократно слышал такие слова Прищенко Н. В. и Шкиля П. Т., обращенные к беднякам: «Вот вы воевали за Советы, а сейчас, как и раньше, ходите голые и босые и снова вынуждены батрачить» (показ[ания] Бонадысенко).

С 1921 до начала 1930 г. в станице существовало «с/х кредитное т[ова-рищест]во», правление которого все эти годы в преобладающем большинстве состояло из мощных кулаков и белогвардейцев, в числе которых почти непрерывно были главные обвиняемые по данному делу. «С/х кредитное т[оварищест]во имело самую настоящую кулацкую политику. С самого начала кулацкое руководство т[оварищест]вом просто бедняков не принимало, также советски настроенных. Дело в том, что члены с/х т[оварищест]ва утверждались голосованием старых членов общества и почему-то закрытым голосованием,

только в конце 1923 г. было установлено открытое голосование. Кроме этих преград, для бедняков существовали и такие, как требование вносить паевые взносы полностью, дифференциации суммы взносов не существовало» (показ[ания] Костюкова).

С/х кредитное т[оварищес]тво становится местом концентрации к/р сил организации, ее цитаделью. Здесь, оградившись от проникновения «чужих», организация проводит свои секретные совещания: «Нередко, приходя вечером в помещение т[оварищес]тва, я заставлял там секретные сборища перечисленных пяти лиц (Назаренко, Прищенко, Ковтун, Шкиль, Юрченко) и ряда других единомышленников из числа кулацко-белогвардейской верхушки станицы (Подгирный, Дацко, Шевченко, Отрожко – расстреляны; Крикун, Загородный, Малуга, Божко – высланы)» (показ[ания] Бонадысенко).

На этих совещаниях вырабатывается тактика борьбы с соввластью применительно к тому периоду, в основу которого кладется экономический нажим на бедноту и подрыв последней веры в соввласть. «Ссуды, как денежные, так и натуральные, выдавались в первую очередь кулацкой и зажиточной части членов с/х т[оварищес]тва на сумму от 100 до 600 руб., тогда как членам с/х т[оварищес]тва – беднякам и середнякам – выдавалась ссуда на сумму не более 50 руб.» (показ[ания] Черный С. М.).

«Работая в с/х т[оварищес]тве на командных должностях, эта группа лиц продолжала свою к/р работу, искусственно вызывая недовольство трудовой части казачества в станице против мероприятий соввласти, своей политикой постоянной поддержки кулацко-зажиточной части станицы в распределении кредитов, инвентаря, посевного материала и уравнивания размера паевых взносов» (показ[ания] Гриценко К. А.).

Общее направление действий организации, использовавшей с/х т[оварищес]тво в своих к/р целях, характеризуется таким заявлением обвиняемых на одном из секретных совещаний организации. Прищенко и Юрченко заявляли: «Что бы Советская власть нам ни предлагала, а мы будем делать по-своему, если же нас будут заставлять проводить директивы центральных властей, мы будем их так исполнять, что они все же пойдут во вред соввласти» (показ[ания] Бонадысенко).

Хлебозаготовки 1928–1929 гг. и последующих вызвали в стани-

це ожесточенное сопротивление кулачества. «В период хлебозаготовок можно было слышать прямые агитационные к/р выступления против сдачи хлеба государству. Такие выступления я лично слышал от Прищенко Н. В., Ковтуна И. П., Шкиль П. Т., Юрченко П. Т. и др.» (показ[ания] Бонадысенко).

Наряду с этим организацией начала усиленно пропагандироваться идея создания «Союза хлеборобов»: «Главными вдохновителями создания такого союза были: Примак Я. П. – раскулачен, в станице сейчас его нет, Назаренко В. Г., Прищенко Н. В., Ковтун И. П., Букач С. М. (обвиняемые по делу) и другие, агитировали они по этому поводу так: «Крестьяне неорганизованны, их интересы никем не охраняются, нужно создать такую организацию, которая защищала бы интересы хлеборобов – как политические, так и экономические... Если у нас будет свой союз, мы сможем, выдавая из союза средства авансом, собрать хлеб в общие закрома и амбары и выдерживать его, сколько будет нам необходимо до повышения цен. «Союз хлеборобов» нужно организовать по принципу рабочих союзов». Не спросив разрешения районных организаций, они такой союз организовали, в него вошли одни кулаки, союз просуществовал недолго, через два месяца он был разогнан районными организациями» (показ[ания] Костюкова).

До начала сплошной коллективизации (1930 г.) члены организации сумели проникнуть в советский аппарат и хозяйственные организации станицы для к/р работы. С началом сплошной коллективизации, особенно после мероприятий по раскулачиванию и выселению кулаков, организация основной задачей ставит проникновение в колхозы. Новая тщательно законспирированная тактика к/р организации была направлена на развал колхозов изнутри и дискредитацию коллективизации в целом: «До 1930 г. эта к/р организация проводила свою вредительскую работу в станице. Не особенно стесняясь довольно открыто иногда агитировать, по тем или иным вопросам они все вместе организовано выступали. В общем, они свою к/р работу не прикрывали особой тайной, хотя, конечно, по всем вопросам они заранее секретно договаривались. С 1930 г., с начала сплошной коллективизации, а затем выселения кулачества, они свою тактику значительно изменили и начали действовать более скрытно и осторожно. Своей вредительской деятельностью в колхозе эти лица изну-

три его всячески разрушали и подрывали веру в колхозы у бедняков» (показ[ания] Костюкова).

Характерно, что, осуществляя эту тактику, ряд главарей и участников организации и их связей – кулаки – первыми вступили в организовавшийся в начале 1930 г. в ст. Полтавской единый колхоз «Червоный прапор». «В 1930 г., в период сплошной коллективизации, указанная группа лиц и их соучастники начали действовать очень тонко и хитро, с организацией в станице единого колхоза «Червоный прапор» они сразу же первыми вступили в колхоз. Сделали они это, чтобы там вести к/р кулацкую работу, пролезть в руководство колхоза, а также, чтобы сохранить себя, спрятав свое настоящее лицо под маской первых активных колхозников» (показ[ания] Бонадысенко).

«Я также стоял под угрозой выселения. Я понимал, что только вступлением в колхоз я смогу сохранить себя. Зажиточным и кулакам, которых я вербовал в колхоз, я говорил, что надо записаться в колхоз, чтобы сохранить себя, фактом формального вступления мы оградим себя от раскулачивания и выселения, а там видно будет. С этими кулаками и зажиточными я говорил от своего и Назаренко имени. Они, безусловно, убеждены были в том, что эта тактика сопротивления отвечает их интересам и направлена против политики соввласти» (показ[ания] Ковтун).

Характерно, что семьи этих кулаков в колхоз не вошли. Этим путем они сохраняли тягло и инвентарь, как якобы принадлежащие их семьям, оставшимся единоличниками. «Договорились идти в колхоз без обобществления тягла и озимого посева» (показ[ания] Ковтун). «Большинство кулаков и зажиточных имели свои хутора, сады, виноградники, которые в колхоз не передавались, а каждый в отдельности оставался хозяином своего участка и силами своими и семьи обрабатывал его» (показ[ания] Нудьга П. Л.).

Кулаки, вошедшие в колхоз, всячески саботировали работу в нем, главным образом, они занимались выколачиванием прибылей из своих хуторов. «За весь 1930 г. я имел 45 трудодней. Фактически я в течение всего года работал на своем наделе» (показ[ания] Ковтун). В результате: «В то время, как колхозные виноградники позамерзали и погорели, виноградники этих колхозников-кулаков, обрабатывавшиеся ими самими и их семьями за счет прогулов в колхозе, давали великолепный урожай» (показ[ания] Костюкова).

Прямая и более организованная к/р вредительская работа начинается с проникновения кулацко-белогвардейской верхушки на руководящие и адм[инистративно]-хоз[яйственные] должности в колхозе. При этом организация исходила из следующей «политической» установки: «Я считал, что коллективизация окончательно завершает закабаление казачества, несет окончательный удар по его самостоятельному существованию. Того же взгляда на коллективизацию придерживались Назаренко Василий, Прищенко Никифор и Юрченко Василий» (показания] Ковтун).

Лишившись своей основной базы – с/х кредитного т[оварищест]ва, организация видела возможность продолжения борьбы с соввластью в овладении основными командными и адм[инистративно]-хоз[яйственными] должностями в колхозе. Овладеть руководством в колхозе, создать там свой прочный опорный пункт с целью разложения колхоза изнутри, дискредитировать коллективизацию как советскую систему хозяйствования на селе – вот задачи, которые поставила себе организация в новых условиях.

Для осуществления указанных задач организация развивает лихорадочную конспиративную деятельность. Ряд секретных совещаний вырабатывает тактику конкретных действий. «На квартире Назаренко мы обсуждали нашу линию поведения в этой конкретной политической обстановке. Для нас было очевидно, что соввласть будет настойчиво проводить свою политику коллективизации. Мы считали, что, завладев руководящими должностями в колхозе, мы сохраним себя – кулацко-зажиточный элемент, и, используя колхоз, сумеем вести к/р работу, чтобы дискредитировать мероприятия совласти при проведении сплошной коллективизации. После соответствующей беседы с Прищенко решили вступить в колхоз рядовыми колхозниками и в вербовочной кампании обеспечить прием в колхоз зажиточных казаков, с поддержкой которых, используя и персонально наш авторитет, быть избранными в правленческий аппарат колхоза» (показ[ания] Ковтун).

Спустя непродолжительное время, «большинство командных должностей и административных было занято членами организации: Назаренко В. Г. – председатель ревкомиссии, Ковтун И. П. – кладовщик, Прищенко – завхоз и завгужтранспорта, Юрченко – счетчик и счетовод, Шкиль П. Т. – учетчик, затем бригадир, Скрыга И. – бухгалтер, Букач С. М. – полевод (показ[ания] Костюкова).

Вредительская работа в колхозе шла по целому ряду каналов: «Вся их работа в колхозе сводилась к подрыву и разрушению его изнутри, они делали это путем всякого рода махинаций со самоснабжением, фиктивного снижения трудодней для бедняков и, наоборот, повышения для кулаков, путем всяких действий, направленных на убыточность колхоза, путем искусной агитации, направленной к дискредитации колхозов, к доказательству их нежизненности. Многие кулаки в колхозе совершенно не работали, так как получали достаточно доходов от обработки хуторов, так, в результате всегда не хватало рабочей силы, что вело к неполной обработке с/х культур и убыточности. Часто бедняки приходили к Прищенко, Назаренко, Юрченко и другим с жалобами на очень низкую доходность. Они им отвечали: «Сами хотели колхоз – вот и ешьте его, скоро и без штанов останетесь». Были большие злоупотребления с недосевом. Невысев тех норм, которые были установлены. Велась к/р агитация и против хлебосдачи» (показ[ания] Бонадысенко).

«Осенью 1931 г. настойчиво потребовали обобществления инвентаря и тягла. Зажиточно-кулацкая часть в колхозе ответила на это требование разбазариванием своего имущества: продажей тягла, скота, домов и амбаров. Назаренко продал подлежащий обобществлению амбар, Ткачев Василий – пару лошадей и т. п. Внутри бригады, в беседах с отдельными колхозниками, я говорил, что нужно засеять в пределах обеспечения, в первую очередь потребительских интересов колхозника. Эти разговоры создавали рваческие настроения бригады» (показ[ания] Ковтун).

«При посеве Лабунец, обращаясь ко мне, заявил: «Что ты так долго садишь? Надо садить по-колхозному». На вопрос мой – как по-колхозному? – он ответил: «Сади шире, делай пропуски, колхоз долго не будет существовать». При такой посадке, как делал Лабунец, ячмень зарастает бурьяном и погибает» (показ[ания] Нудьга).

«Благодаря всяческим махинациям с учетом трудодней, некоторые, почти не работавшие кулаки, имели трудодней больше, чем аккуратно работавшие бедняки. В результате такой работы колхоз терпел огромные убытки, и медленно, но верно шел к развалу» (показ[ания] Костюкова).

«Под влиянием Назаренко, без санкции общего собрания правление (колхоза) приняло постановление о повышении трудодней работникам управленческого аппарата. Новые ставки давали пред-

седателю] колхоза 85 т[рудод[ней] в месяц, счетным работникам – 45 т[рудод[ней], тогда как лучший колхозник-ударник максимально вырабатывал 25 т[рудод[ней] в месяц» (показ[ания] Ковтун).

Дискредитируя и разлагая колхоз изнутри, организация в то же время вела среди бедняцко-средняцкой части единоличников злостную агитацию против вступления в колхоз, хлебозаготовок и сева: «Я говорил единоличникам, что колхозы только разорили нас и единоличникам нет смысла идти в колхоз – лучше оставаться в своем индивидуальном хозяйстве» (показ[ания] Ковтун). «Все равно колхоз долго жить не будет, а ты в колхозе только с голоду подохнешь» (показ[ания] Нудьга). «Мы (кулаки) вынуждены были идти в колхоз, иначе бы нас выслали, вы же кулаками не числитесь и вам туда идти нечего, так как это дело временное, отдадите свое имущество и через полгода-год останетесь ни с чем. Лучше уходить в города и совсем не сеять, а если и сеять, то столько, сколько необходимо для собственного употребления, так как все равно при хлебозаготовках все отберут под метлу». Эти же лица агитировали и против хлебозаготовок» (показ[ания] Костюкова). «Велик В. Д., давая установку единоличникам не пахать и не сеять, говорил: «Не беспокойтесь, что есть нечего будет, пусть колхозники-дураки сеют, а мы будем у них хлеб воровать» (показ[ания] Гриценко). В результате повседневной организованной вредительской работы колхоз «Червоный прапор» терпел огромные убытки, развалился и в декабре 1931 г. по постановлению крайколхозсоюза был распущен с преданием суду правления и ревкомиссии.

Приговор нарсуда Славянского района от 14 декабря 1931 г. отмечает: «Колхоз «Червоный прапор» имел своими членами много кулаков, которые сознательно пролезли в колхоз для его разложения. Кроме того, в колхозе было много лодырей, рвачей, которые на работу не выходили и при всяком удобном случае крали из колхоза, разлагали колхозников, колхоз систематически не выполнял ни одного задания. Выход на работу составлял 50–60 %, в то время как все культуры гибли, план весеннего сева не выполнялся. В колхозе была полнейшая обезличка, не было конкретных ответственных лиц за машины, инвентарь, тягло и т. д.». Однако главные участники организованного развала колхоза в силу замаскированности своей к/р работы суда избегли, за исключением Назаренко В. Г., осужденного на полтора года лишения свободы.

После ликвидации колхоза «Червоный прапор» обвиняемые

вошли с той же к/р вредительской целью во вновь организованные в 1932 г. колхозы «518» и «1040», где также проникли на административно-хозяйственные] должности. И эти колхозы они привели к развалу. 16 декабря с. г. судом по делу развала колхоза «518» приговорены к расстрелу участники организации Шкиль П. Т. и Скряга И. Г. По делу о развале колхоза «1040» ведется следствие.

Следствие по делу разворачивается. Все арестованные сконцентрированы в Краснодаре, куда выброшена специальная группа из Ростова. Намечен ряд арестов по делу, в том числе и по другим станицам Славянского района³⁶.

№ 86

О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области

Постановление ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР от 14 декабря 1932 года³⁷.

Заслушав доклады секретаря обкома Западной области т. Румянцева, секретаря ЦК КП(б)У т. Косиора, секретаря Днепропетровского обкома т. Строганова, секретаря Северо-Кавказского крайкома т. Шеболдаева, ЦК ВКП (б) и СНК СССР постановляют:

1. Обязать ЦК КП(б)У и Совнарком УССР, под личную ответственность тт. Шеболдаева и Ларина, закончить полностью план заготовок зерновых и подсолнуха до конца января 1933 года.

2. Обязать Северо-Кавказский крайком и крайисполком, под личную ответственность тт. Шеболдаева и Ларина, закончить полностью план заготовок зерновых к 10–15 января 1933 года, а подсолнуха – к концу января.

3. Обязать обком и облисполком Западной области, под личную ответственность тт. Румянцева и Шелехеса, закончить полностью план заготовок зерновых к 1 января 1933 года и план заготовок льна к 1 февраля 1933 года.

4. Ввиду того, что в результате крайне слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций Украины и Северного Кавказа, в значительной части их районов

³⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 254–268. Заверенная копия.

³⁷ Кубанская ЧК. Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997. С. 111–113.

контрреволюционные элементы – кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской Рады и пр. сумели проникнуть в колхозы в качестве председателей или влиятельных членов правления, счетоводов, кладовщиков, бригадиров у молотилки и т. д., сумели проникнуть в сельсоветы, земорганы, кооперацию и пытаются направить работу этих организаций против интересов пролетарского государства и политики партии, пытаются организовать контрреволюционное движение, саботаж хлебозаготовок, саботаж сева, – ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывают ЦК КП(б)У, Севкавказком, СНК Украины и крайисполком Севкавказья решительно искоренить эти контрреволюционные элементы путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них.

5. ЦК и СНК указывают партийным и советским организациям Советского Союза, что злейшими врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства являются саботажники хлебозаготовок с партбилетами в кармане, организующие обман государства, организующие двурушничество и провал заданий партии и правительства в угоду кулакам и прочим антисоветским элементам. По отношению к этим перерожденцам и врагам советской власти и колхозов, все еще имеющим в кармане партбилет, ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел.

6. ЦК и СНК отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины, украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций.

7. В особенности ЦК и СНК указывают Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, небольшевистская «украинизация» почти половины районов Севкавказья при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.

В целях разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их «партийных» и беспартийных прислужников, ЦК и СНК Советского Союза постановляют:

а) Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ), как наиболее контрреволюционной, всех жителей за исключением действительно преданных соввласти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых. Ответственность за проведение этого решения (пункт «а») возложить на тт. Ягода, Гамарника (с заменой т. Булиным), Шеболдаева и Евдокимова.

б) Арестованных изменников партии на Украине, как организаторов саботажа хлебозаготовок, бывших секретарей районов, предисполкомов, зав. райзу, предрайколхозсоюзов, а именно: Ореховский район – Головина, Пригоду, Паламарчука, Ордельяна, Луценко; Балаклейский район – Хорешко, Ус, Фишмана; Носовский район – Яременко; Кобелякский район – Ляшенко; Больше-Токмакский район – Ленского, Косяченко, Дворника, Зыка, Долгова – предать суду, дав им от 5 до 10 лет заключения в концентрационных лагерях.

в) Всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева «коммунистов» выселять в северные районы наравне с кулаками.

г) Предложить ЦК КП(б)У и СНК Украины обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации.

д) Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов.

е) В отмену старого решения разрешить завоз товаров для украинской деревни и предоставить тт. Косиору и Чубарю право приостановить снабжение товарами особо отстающих районов впредь до окончания ими хлебозаготовительного плана.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов (Скрябин) Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин № П4751

№ 87. Из Сочи 25 09 1936

КАГАНОВИЧУ, МОЛОТОВУ

Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост Наркомвнудела. Ягода оказался явным образом не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Заком Ежова можно оставить Агранова.

Сталин, Жданов

Телеграмма ЦК об украинизации. (18 декабря 1932 г.)³⁸

11/4. Ввиду того, что украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций – немедленно приостановить дальнейшую украинизацию во всех районах Северного Кавказа, предложив:

1) В трехдневный срок перевести все украинизированные газеты на русский язык.

2) Листовки, брошюры, стенгазеты, многотиражки и прочую литературу, выходящую на украинском языке, в дальнейшем издавать на русском языке.

3) Перевести к первому января все делопроизводство советских, партийных, колхозных и других организаций на русский язык.

4) Радиовещание на украинском языке прекратить.

5) Перевести преподавание на всех работающих сейчас в районах краткосрочных курсах (учительских, колхозных, кооперативных и других) на русский язык.

6) О подготовке к осени 1933 года перехода школ и преподавания на русский язык и порядке проверки улучшения учительского состава украинизированных школ крайкомом будут даны дополнительные указания.

7) Обязать райкомы разъяснить настоящее мероприятие партийным органам и на беспартийных собраниях.

8) Решение – особая папка.

³⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1249. Л. 10–11.

Постсоветский период

Украинская диаспора «Содружество»

Уважаемые коллеги!

В мае 2006 года инициативной группой граждан России и Украины на основании Федерального закона Российской Федерации «Об общественных объединениях» была создана Краснодарская региональная общественная организация Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО», председателем которой был избран А. А. Слободян, украинец, гражданин Украины, врач по образованию, работающий главным врачом амбулатории в Краснодарском крае.

Мы планируем охватить сеть своих представительств весь Южный федеральный округ России и южную часть Украины. Пока созданы представительства в Краснодарском крае и Ставропольском крае. Ведется работа по организации представительств в г. Астрахань и г. Ростов-на-Дону в Российской Федерации и в Харькове, Киеве, Симферополе, Одессе, Николаеве, Запорожье на Украине.

Краснодарская региональная общественная организация Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» является добровольным объединением граждан, созданным для совместной реализации целей и задач.

Краснодарская региональная общественная организация Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» осуществляет свою деятельность на основе добровольности, равноправия, самоуправления, законности и гласности, обязательности решений руководящих органов Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» в пределах их компетенции для нижестоящих, самостоятельности структурных подразделений Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО», действующих на основе единого Устава.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО»

Основная цель – объединение граждан для совместного решения задач по укреплению добрососедских отношений между Российской Федерацией и Украиной, а также защите прав, законных интере-

сов членов Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО»

Целями Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» являются:

- развитие культурных связей между Украиной и Российской Федерацией;

- развитие научно-целевых программ, способствующих укреплению российско-украинского содружества;

- расширение информационного пространства, укрепление экономических связей между Украиной и Российской Федерацией, внедрение новых технологий, создание рабочих мест (например ООО «Украина»).

Для осуществления своей цели КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» решает следующие задачи:

- участвует в общественно-политических акциях (движениях), способствующих российско-украинскому содружеству;

- участвует в благотворительных акциях, направленных на борьбу с наркоманией, СПИДом, национализмом и терроризмом;

- проводит организационно-массовые мероприятия по борьбе с проявлениями экстремизма, ксенофобии, межрасовой и межнациональной розни, пропаганде целей и задач КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО»;

- организует защиту прав и законных интересов членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» (юридический отдел);

- оказывает содействие в адаптации постоянно проживающих граждан Украины в Российской Федерации и граждан Российской Федерации на Украине, в том числе оказывает помощь в трудоустройстве.

ПРАВА Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» **И ПРЕДМЕТ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Для достижения уставных целей и задач КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» в соответствии с действующим законодательством реализует следующие права и осуществляет виды деятельности:

- обеспечивает консультирование и юридическую защиту членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» по вопросам, связанным с пребыванием, жительством, оказанием медицинской помощи и трудо-

устройством на территории Украины и Российской Федерации, и иным вопросам;

- участвует в выработке проектов решений органов государственного управления и органов местного самоуправления в порядке и объемах, предусмотренных действующим законодательством; выступает с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносит предложения в органы государственной власти;

- представляет и защищает свои права и законные интересы, а также членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» в государственных, судебных, общественных органах и органах местного самоуправления и иных организациях;

- осуществляет предпринимательскую деятельность постольку, поскольку это служит для достижения целей, ради которых КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» создано, и соответствующую этим целям;

- учреждает детские и молодежные объединения для лиц, не достигших 18-летнего возраста;

- предоставляет льготы и оказывает услуги гражданам и организациям с целью привлечения их в члены КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО»;

- организует и проводит оздоровительные и культурно-массовые мероприятия, лотереи, викторины и иные игры;

- выступает заказчиком (застройщиком), может производить общестроительные и прочие строительные работы по строительству зданий, гаражей, автостоянок, других объектов, осуществлять их эксплуатацию;

- осуществляет по заявкам граждан и организаций независимую общественную экспертизу, проводит исследования конъюнктуры рынка и выявление общественного мнения;

- самостоятельно или совместно с государственными органами, общественными и другими организациями, гражданами, в том числе зарубежных стран, проводит конгрессы, конференции, семинары, смотры, конкурсы и другие мероприятия;

- создает и способствует созданию рабочих мест для членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО»;

- организует обучение, повышение квалификации работников КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» и других специалистов; осуществляет в порядке, установленном законодательством Российской Феде-

рации, образовательную деятельность; ведет научно-методическую деятельность;

– способствует организации и развитию туристской деятельности, осуществляет ее;

– учреждает награды и формы поощрения для членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» и других лиц и организаций.

– учреждает свои печатные органы, иные средства массовой информации; в случае предоставления в установленном законодательством порядке издательских прав осуществляет издательскую деятельность, пользуясь собственной полиграфической базой или заключая договоры с полиграфическими или другими предприятиями;

– участвует в организации и осуществляет строительство, содержит производственные, оздоровительные и другие социально-культурные объекты, деятельность которых направлена на удовлетворение потребностей членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» и выполнение уставных задач;

– создает и оказывает содействие в создании хозяйственных товариществ, обществ и иных организаций с правами юридического лица и подразделений КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО», осуществляющих следующие виды деятельности (ОКВЭД):

– деятельность прочих общественных объединений, не включенных в другие группировки (выступающих в защиту и за улучшение положения особых групп населения, например этнических групп и меньшинств); (91.33)

– деятельность в области права; (74.50)

– предоставление услуг по рассмотрению трудовых споров и примирению;

– деятельность по изучению общественного мнения;

– управление эксплуатацией нежилого фонда;

– сдача внаем собственного нежилого недвижимого имущества;

– деятельность столовых при предприятиях и учреждениях;

– поставка продукции общественного питания;

– деятельность ресторанов и кафе;

– наем рабочей силы и подбор персонала; (74.50)

– деятельность туристических агентств; (63.3)

– врачебная практика; (85.12)

– стоматологическая практика; (85.13)

– деятельность среднего медицинского персонала; (85.14.1)

- рекламная деятельность; (74.40)
- деятельность гостиниц; (55.1)
- деятельность пансионатов, домов отдыха и т. п.;
- перевозка пассажиров и грузов; экспедирование грузов;
- деятельность такси;
- издание газет; (22.12)
- деятельность информационных агентств. (92.40)

Проведение иной деятельности и оказание услуг, не запрещенных законом:

- приобретает имущество, предназначенное для ведения уставной, образовательной и предпринимательской деятельности, получает кредиты, в том числе под залог имущества;

- проводит собрания, санкционированные митинги, демонстрации, шествия и пикетирования в интересах защиты своих членов и в рамках выполнения уставных задач;

- развивает контакты с аналогичными общественными организациями других стран, осуществляет обмен делегациями, организует поездки для своих членов по стране и в зарубежные страны; вступает в международные общественные объединения, создает свои организации, отделения или филиалы и представительства в иностранных государствах;

- ведет учет членов КРОО УД «СОДРУЖЕСТВО» и организует сбор вступительных, членских и других взносов;

- создает в субъекте Российской Федерации – Краснодарском крае местные отделения (организации), первичные организации, открывает представительства и филиалы;

- осуществляет иную деятельность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Лицензируемые виды деятельности осуществляются Краснодарской региональной общественной организацией Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» и ее отделениями (организациями) только после получения соответствующих лицензий.

Краснодарская региональная общественная организация Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» – некоммерческая, неполитическая и нерелигиозная организация. Но мы готовы сотрудничать с партиями и объединениями пророссийского и проукраинского направлений.

Мы призываем всех к сотрудничеству.

России нужны рабочие руки, а на Украине, к сожалению, безработица. Мы хотим, чтобы трудовая миграция проходила в рамках правового поля, на законных основаниях. Легализация одного мигранта в России – это 4 тысячи рублей в бюджет, а их работает десятки тысяч на территории Южного федерального округа.

Для мигрантов легализация означает: социальную защиту, работу, стаж, медицинское страхование, отпуск, больничный лист и, конечно, достойную заработную плату. И мы находим работодателей, убеждаем их в целесообразности легализации мигрантов, берем у них заявку на необходимый им контингент рабочей силы и приглашаем украинцев на работу в Россию.

Конечно, у нас много трудностей, связанных с несовершенством законов, бюрократизмом, инертностью мировоззрения, незнанием законов и острым дефицитом материальных средств.

Но мы работаем и призываем всех к сотрудничеству!

С уважением, председатель Краснодарской региональной общественной организации Украинская диаспора «СОДРУЖЕСТВО» А. А. Слободян³⁹.

Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань – Украина»

Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань – Украина» была создана в мае 2006 года с целью развития добрососедских связей между Российской Федерацией и Республикой Украиной, а также изучения и пропаганды украинской культуры, искусства и народного творчества.

Общественная организация «Содружества Кубань – Украина» объединяет в своих рядах украинцев Кубани и всех интересующихся украинской историей и культурой, тесными взаимосвязями между народами Украины и Кубани: историков, этнографов, архивистов, музейных работников, а также деятелей культуры и искусства.

Для реализации поставленных целей на базе общественной организации были созданы «Российско-украинский научно-исследовательский центр» (РУНИЦ) и «Культурно-просветительский центр» (КПЦ). Задачами РУНИЦ являются: содействие и координация исследователь-

³⁹ Цит. по: Украинская диаспора «Содружество» // <http://kobza.com.ua> (дата обращения – 25.02.2014)

ской деятельности, направленной на изучение истории и культуры Кубани и Украины, их взаимодействие в различные исторические эпохи; подготовка и проведение научных конференций, сборников статей, научно-популярных изданий; установление научных контактов с учеными и научными центрами различных стран, занимающихся сходной тематикой. Задачей КПЦ является гармонизация отношений между народами Кубани и Украины; проведение фольклорных праздников, концертов, выставок народно-прикладного искусства, творческих встреч с деятелями культуры и искусства Кубани и Украины.

За время существования общественной организации «Содружество Кубань – Украина» была проведена следующая работа: создан Интернет-сайт «Кубань – Украина» (www.kuban-ukraine.org), на котором были размещены материалы по истории этнографии, источниковедению, фольклору, культурно-историческим связям народов Кубани и Украины; издан первый выпуск сборника научных трудов «Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия» (май 2006 года); проведена научно-практическая конференция «Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия» (октябрь 2006 года), в работе которой приняли участие глава «Общества украинцев Кубани» Н. Г. Сергиенко, глава польской общины Кубани «Единство» А. И. Селицкий, видные историки, этнографы, архивисты, музейные работники, краеведы, представители научной и культурной общности Кубани; была проведена выставка мастерицы из станицы Тбилисской Г. В. Палыци, представившей вниманию участников и гостей конференции традиционную украинскую вышивку. 24–25 марта 2007 г. проведена вторая научно-практическая конференция «Наследие», посвященная историческим связям Украины с Кубанью.

В ближайшие планы и задачи «Содружества Кубань – Украина» входят: издание второго выпуска сборника научных трудов «Кубань – Украина» и первого номера историко-географического сборника.

Общественная организация «Содружество Кубань – Украина» надеется на тесное плодотворное сотрудничество, а также поддержку в проведении мероприятий, направленных на развитие украинско-кубанского научно-культурного взаимодействия⁴⁰.

⁴⁰ Цит. по: Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань – Украина» // <http://www.kuban-ukraine.org/ru/about.shtml> (дата обращения – 25. 02. 2014).

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА “ТРАДИЦИЯ”

*Серия “Библиотека
ЖУРНАЛА «ГОЛОС ЭПОХИ»”*

- Е.В. Семенова. На этнической войне...
- С. Н. Новохатский. Этнический терроризм
- Е.В. Семенова. Пророчества и указания
(П. Вяземский, Н. Гоголь, Ф. Достоевский)
- Е.В. Семенова. Литературные портреты
(А. Солженицын, Б. Можаяев, К. Воробьёв)
- А.Б. Можаяев. Верноподданные России
- Е.В. Семенова. Честь – никому!
(Исторический роман о Белом Движении в 3-х томах)
- С. Н. Новохатский. Приговор либерализму
- Е.В. Семенова. Хроники Великого Провала
(2008-2010гг.)
- В.С. Михановский. Сибирские этюды
- И.Н. Михеев. Пути Русские. Книга I. В поисках русской идеи
- И.Н. Михеев. Пути Русские. Книга II. Россия: между Сциллой
и Харибдой
- А.Б. Можаяев. Поперек времени
- И.Н. Михеев. Антисистемы и Этнохимеры. Что стоит за
гибелью народов и государств?
- А.Б. Можаяев. Глаголы прошедшего времени
- А.Н. Башкиров. Непобеждённая любовь.
Николай Рубцов
- Н.А. Толстиков. Пожинатели плодов (избранная проза)
- Лаура Цаголова. Высший русский пилотаж (поэма памяти
Сергея Есенина)
- Ф. Дашлай. Лики Кавказа (история Кавказа в портретах его
главных деятелей)
- Е.В. Семёнова. Лики Дома Романовых

Е.В. Семёнова. Транскрипции души (избранные стихотворения)
Геннадий Галкин. «Я не уйду с твоих путей, Россия...»
(стихотворения)
Н.А. Толстиков. Без креста (повести и рассказы)
В.Е. Бородин. Казаки в Большой Игре
А.Н. Башкиров. Душа России. Пушкин и Рубцов
С. Резниченко. Репортаж с тонущей Атлантиды. Конец нашей цивилизации
А.Б. Можаяев. Самая дорогая сердцу сказка (были и небыли моей Москвы)
Е.В. Семёнова. Претерпевшие до конца (роман-хроника 1914-1956гг. в 2 томах)
С. Резниченко. Русские коллективы выживания
А.А. Цыганов. Держаться здесь.
Журнал «Голос Эпохи » (№1 (2010г.) - №1 (2014г.))

Серия «Старомосковский детектив»

Е.В. Семенова. Велики амбиции, да мала амуниция
Е.В. Семенова. Если халву, да горько во рту
Е.В. Семенова. Собирали золото, да черепками богаты

Серия «Русская идеология»

С.П. Пыхтин. Век революций. Судьба и путь России
С.П. Пыхтин. Государство и русская идеология

Внесерийные издания

А.Н. Савельев. Русофобия в России.
Аналитический доклад 2006-2009 гг.
А.Н. Савельев. Осколки эпохи Путина. Бюрократия против нации

А.Н. Савельев. Осколки эпохи Путина. Досье на режим
А.Н. Савельев. Русофобия в России. Аналитический доклад
2010 г.
В.А. Башпачев. Русское крестьянство в зеркале демографии
Е.П. Чудинова. Бремя белых
А.Н. Савельев. Опыты русского сопротивления
А.Н. Савельев. Сможет ли КРО русифицировать Россию?
А.Н. Савельев, С.П. Пыхтин, В.И. Меркулов, М.В. Кабанова,
Э.М. Ковригин. Возвращение русской истории
А.Н. Савельев. Родина против бесов. Парламентские бои без
правил
А.Н. Самарин, Л.К. Фионова, Ю.А. Лисовский, И.В. Ермакова,
А.П. Шабалин, В.И. Бояринцев, В.А. Задерей, Ф.И. Феньев.
ТЕХНОЛОГИЯ ПОБЕДЫ. Русские учёные о глобальных про-
блемах России и мира и путях их преодоления.

Книги можно приобрести на портале
журнала «Голос Эпохи»
www.golos-epochi.ru
тел.: +7(910) 412-71-64,
+7(909) 626-81-86

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
Введение	5
1. Украинский национализм, культурное движение и украинизация на Кубани в XIX – XXI веках: литература и источники.....	7
Глоссарий	28
2. Общественное движение украинофилов на Кубани в дореволюционный период	43
3. Украинская культура на Кубани в дореволюционный период	60
4. Содержание программы украинизации, причины её начала	70
5. Административно-территориальное устройство и украинизация	91
6. Украинизация в сфере языка	102
7. Украинизация в области культуры	112
8. Украинизация в сфере образования и науки	131
Приложение 1 к разделу 8. К вопросу о начале украинизации на Кубани в советский период на примере педтехникума в станице Полтавской	148
Приложение 2 к разделу 8. Из истории Первой украинской советской школы № 12	154
Приложение 3 к разделу 8. Васильев И. Ю., Надеяева И. В. Украиноязычный учебник периода украинизации государственной политики и педагогических традиций	162
9. Кадровая политика в период украинизации	168
10. Восприятие населением украинизации, его причины	178
11. Украинцы Кубани после украинизации: демография, культура, национальное движение	193
Вместо заключения	207
Приложения	216
Дореволюционный период	216
Советский период	221
Постсоветский период	325

Научное издание

И.Ю. Васильев

**Украинский национализм,
украинизация и украинское культурное движение
на Кубани
(вторая половина XIX – начало XXI века).**

*Работа выполнена в рамках проекта
«Этническая история и культу-ра украинцев Кубани».
НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор»*

Научный редактор : д.и. н., д.п.н. проф. Баранов А.В.
Рецензенты: д.и. н., д.п.н. проф. А.В. Баранов
к. и. н. А.И. Зудин

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки: Е.В. Семенова,
Печать: ИП Бурина А.В. («Традиция»)
www.traditciya.ru, E-mail: orders@traditciya.ru

Подписано в печать 06.04.14г.,
Формат 60х90/16,
Усл.п.л. 21, тираж 200 экз.

Благодаря достижениям Российской империи украинцы расселились на огромных пространствах. От Чёрного моря до Тихого океана. Только вот желания создавать украинскую империю почти ни у кого нет. За исключением узкой группы горячих голов. Да и на большей части территории своего расселения украинцы не стремятся сохранять свою этническую идентичность. Не смотря отчаянные усилия украинофилов, проукраинские государственные кампании и популярность народной украинской культуры.

Автор этой книги отвечает на этот вопрос относительно Кубани. Которой Т.Г. Шевченко едва ли не прочил роль «украинского Пьемонта». А потом здесь проводили украинизацию по указке центра. Но украинская идентичность не прижилась.

Автор этой книги подробно раскрывает причины такой ситуации. Уникален временной охват работы с момента зарождения кубанского украинофильства в середине XIX столетия и по настоящее время. Которое, как мы знаем, богато политическими пертурбациями.

Эта книга написана на основе монографии «Украинское национальное движение и украинизация на Кубани 1917 – 1932 гг», которая широко известна в сети Интернет. При этом новая книга во много раз обширнее и охватывает неизмеримо больший временной промежуток.